

НИКОЛАЙ
ДУБРОВИН

ИСТОРИЯ ВОЙНЫ И ВЛАДЫЧЕСТВА РУССКИХ НА КАВКАЗЕ

НАРОДЫ, НАСЕЛЯЮЩИЕ
СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ

Черкесы, адыги, ногайцы, осетины,
чеченцы, дагестанские горцы, кумыки

История войны и владычества русских на Кавказе

Николай Дубровин

**История войны и владычества
русских на Кавказе. Народы,
населяющие Кавказ. Том 1**

«Центрполиграф»

1871

УДК 93/94
ББК 63.3

Дубровин Н. Ф.

История войны и владычества русских на Кавказе.
Народы, населяющие Кавказ. Том 1 / Н. Ф. Дубровин —
«Центрполиграф», 1871 — (История войны и владычества русских
на Кавказе)

ISBN 978-5-227-06562-9

Н.Ф. Дубровин – историк, академик, генерал. Он занимает особое место среди военных историков второй половины XIX века. По существу, он не примкнул ни к одному из течений, определившихся в военно-исторической науке того времени. Круг интересов ученого был весьма обширен. Данный исторический труд Н.Ф. Дубровина рисует картину завоевания русскими Кавказа, борьбу их с местным населением и времена наместничества. Подробно описаны не только военные события, но также быт и обычаи горных племен; жизнь их до принесения русских законов и после. Особенно тщательно выведены деяния наместников, даны многочисленные портреты персонажей эпохи покорения.

УДК 93/94
ББК 63.3

ISBN 978-5-227-06562-9

© Дубровин Н. Ф., 1871
© Центрполиграф, 1871

Содержание

Предисловие	7
Глава 1	10
Глава 2	20
Глава 3	33
Черкесы (адыги)	49
Глава 1	49
Глава 2	64
Глава 3	70
Глава 4	86
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Николай Дубровин

История войны и владычества русских на Кавказе. Народы, населяющие Кавказ. Том 1

Народы, населяющие Кавказ.

Черкесы, адыги, ногайцы, осетины, чеченцы, дагестанские горцы, кумыки

Оформление художника Е.Ю. Шурлаповой

Предисловие

Описание военных действий двух или нескольких народов может быть понятно только тогда, когда известны современные им материальные и нематериальные средства, которыми могли располагать противники. Эти средства связаны главным образом с административным устройством самих государств или отдельных сообществ и характером их населения.

Изучение этого характера и систем управления должно предшествовать изучению военных действий. В европейских государствах системы управления основаны на прочных, понятных и почти однотипных началах, более-менее известных каждому. В отношении же азиатских племен, в особенности тех, которые стоят на низкой ступени развития и даже находятся, можно сказать, на патриархальной и первобытной стадии, изучение административной системы и народного характера необходимо для каждого конкретного племени.

Последнее должно быть с особым вниманием применено и к Кавказу, где вполне приложима русская поговорка: «Что город – то норы; что страна – то обычай».

Только ознакомившись с бытом туземного населения, можно указать причины, вызвавшие какое-либо распоряжение, то или другое историческое событие. Только при таком знании можно критически отнестись к фактам, ставшим достоянием истории. При изложении истории Кавказской войны более чем где бы то ни было необходимо изучение народного быта, потому что, как увидим впоследствии, отсутствие таких сведений у административных деятелей привело к многим ошибкам, имевшим весьма неблагоприятные последствия.

Тот, кто стал бы отрицать необходимость изучения народного характера, пусть объяснит, почему, например, черкесы один лес отстаивали отчаянно, сражались с необыкновенною храбростью и, если приходилось, ложились поголовно под русскими штыками, а другой не защищали вовсе? Почему те же черкесы очень редко защищали аул, тогда как жители Дагестана, напротив, упорно оборонялись в своем селении?

Объяснение этого можно найти только в особенностях быта обоих народов.

Большая часть территории, населенной племенем черкесов, отличается плодородием, обилием леса и воды. Поэтому, если жена, дети и имущество были отправлены в горы или в безопасное место, черкес легко бросал свою деревянную саклю и кусок обработанной им земли и без сожаления отправлялся далее в горы и в менее доступные места. При умеренности в пище и питье и при умении переносить любые лишения, черкес знал, что и на новом месте найдет такой же плодородный кусок земли для посева кукурузы, которой он питается, лес для постройки сакли и будет иметь такую же чистую воду и пастбище для быков. А ему ничего больше и не нужно. Черкес защищал аул только в том случае, если там находились в опасности его жена, дети и имущество. Тогда он сражался отчаянно и был готов скорее сам погибнуть, чем уступить что-либо врагу.

Совсем иной быт дагестанского горца.

Местность, которую занимают жители Дагестана, – это по большей части голые, безлесные скалы из песчаника или гранита, там мало воды и хороших плодородных земель. За неимением леса горец строил свою хижину из камня, постройка стоила немало труда, и потому он защищал свой аул от разорения. Покидая его, он знал, что несомненно найдет землю, пригодную для посева проса или кукурузы, не найдет пастбищ и корма для своего скота, потому что повсюду одни бесплодные скалы, наконец, знал и то, что для постройки сакли потребуется много труда и времени, и оттого только по необходимости решался на переселение.

Эти особенности быта вызывали и специфический характер военных действий. Те действия, которые были подходящими на правом фланге кавказской линии и в Чечне, не годились в Дагестане или на лезгинской линии.

При этом изучение народного характера важно и для административной власти, чтобы резким поворотом не нарушить его прежних привычек: подобные обстоятельства часто, в особенности на Кавказе, служили причиной не только волнений, но и вооруженных восстаний.

Из многих подобных случаев можно привести в пример происшествие, до сих пор памятное многим на Кавказе.

Один из кабардинских князей женился на дочери другого князя с обязательством выплатить часть калыма (платы за невесту) по окончании ярмарки, на которой он рассчитывал продать табун лошадей. Однако по прошествии этого срока зять не смог внести остальной части калыма, и потому тесть, по обычаю, потребовал возвращения дочери. Отдать жену, которую любил и от которой уже имел сына, молодой князь не соглашался. Начался суд. Ответчика вызвали в Кисловодск, в дом пристава, куда князь и приехал, окруженный, по обыкновению, значительной свитой, всегда и всюду сопровождающей своего господина. Дело должно было решаться по кабардинскому адату, и, так как судьи еще не были собраны, а князь намеревался возвратиться домой, пристав приказал его арестовать.

Ответчик и его свита уже садились на лошадей, когда у них потребовали оружие. В понятии кабардинца и вообще любого горца изъятие оружия равносильно отъему чести или жизни, и потому горец, дорожа своей честью, никогда не простит обиды, нанесенной попыткой его обезоружить. При других обстоятельствах князь исполнил бы приказание начальства беспрекословно, с полной готовностью, но при такой форме требования вышло иначе. Первый из посланных, осмелившийся схватить за поводья княжескую лошадь и потребовать у него оружие, упал к ее ногам с раскроенным черепом. Свита князя выхватила винтовки и, расчищая ими дорогу, кинулась на улицу, но, будучи окружена войсками, укрылась в первом попавшемся доме, в Кисловодском благородном собрании. Заняв надежную позицию на хорах, кабардинцы навели свои винтовки прямо на двери, и едва показались солдаты, как с хоров посыпались выстрелы. Солдаты пошли на приступ, после отчаянного сопротивления кабардинцев князь был убит, а рядом легли все его спутники и слуги, заплатившие жизнью за нарушение коренных понятий о чести и долге, веками сложившихся на их родине.

Кого же обвинить в этой кровавой трагедии? В описании быта черкесского народа читатель увидит особенности, которые обуславливали обязанности различных лиц по отношению к своему князю, и, конечно, не обвинит ни самого князя, ни его слуг, готовых скорее умереть, чем нарушить закон, завещанный им отцами и предками.

Этот случай указывает на необходимость изучения народного характера и особенностей, существующих в жизни каждого племени, словом, на необходимость этнографического очерка, который должен предшествовать описанию военных действий и распространения русского владычества в тех краях.

Такой очерк тем более необходим, что Кавказ во многом исследован учеными, но мало известен публике. Ни один уголок нашего отечества не имеет столь обширной литературы по всем отраслям знаний, какую имеет Кавказ, но все это разбросано по отдельным статьям, по разным газетам и журналам и не представляет ничего цельного.

Описание исторических событий может считаться верным, только когда они изложены так, как происходили на самом деле. Описание народного быта, составляющее необходимое вступление к описанию исторических событий, не требует сведений, которые нужны при изложении полной этнографии народа. В этом случае нет никакой надобности забираться в глубокую древность, искать корни того или другого народа, время его заселения на места, где он сейчас проживает, совершенно достаточно ознакомиться с характером племен в том состоянии, в каком их застали русские войска, впервые появившиеся на Кавказе.

Полагаю, нет надобности упоминать, что для подобного исследования гораздо важнее прошлая жизнь племен, та, которая была современна эпохе ведения войны. Из-за этого в очерк вошли и те обычаи, которые, быть может, в настоящее время и не существуют. С другой сто-

роны, та же самая конечная цель – описание военных действий – позволила мне не касаться этнографии тех немногочисленных племен, которые живут разбросанно среди господствующего населения. Не имея влияния на ход военных действий, такие племена терялись за главным населением. К числу таких племен относятся малкарцы, или балкарцы, горские евреи, туркмены, курды, удины, езида, персы и пр.

В заключение я должен сказать, что в первом томе, заключающем в себе «Очерк Кавказа и народов, его населяющих», основная заслуга по праву принадлежит тем авторам, чьи исследования послужили источником для настоящего очерка и чьи имена находятся в третьей книге этого тома. Не прибавляя от себя ничего нового, я свел воедино сведения, разбросанные по разным архивам, журналам, газетам и отдельным сочинениям. В этом только и заключается моя заслуга. О недостатках очерка я не говорю – их много.

Глава 1

Орографический очерк Кавказа. Деление Кавказского перешейка на три части. Очерк Предкавказья, Кавказа, Главного хребта и его северного склона. Орография Дагестана

Простившись с Доном у Аксайской станицы, Земли войска Донского, путешественник почти до самого Ставрополя видит перед собой одну широкую и безлюдную степь. На расстоянии нескольких сотен верст необозримая равнина только в некоторых местах пересекается небольшими речками, которые в действительности просто ручьи, притом со стоячей, мутной и гнилой водой. Повсюду местность такая гладкая и ровная, что не на чем остановиться глазу. Отлогие и неглубокие балки, встречающиеся на пути, известны наперечет.

Негусто и население этой местности: от одной почтовой станции до следующей редко встретишь одну-две станицы, да и те видны издали, за десятки верст.

От границ Ставропольской губернии, то есть перевалив за черту Земли войска Донского, начинается так называемый *Кавказский край*.

Под именем Кавказского края известен весь широкий перешеек, лежащий между Черным и Каспийским морями и ограниченный с севера Землей войска Донского и Астраханской губернией, а с юга границей России с Турцией и Персией.

Природа сама разделила Кавказ на три своеобразные и отдельные части: *Предкавказье*, являющееся продолжением равнин Южной России и простирающееся до самого подножия гор; *Кавказ*, или самый хребет, с его многочисленными отрогами, тянувшийся от Тамани до Баку на расстояние около тысячи верст; и, наконец, *Закавказье*, лежащее по южную сторону Главного хребта до самой границы.

Северная половина Кавказского перешейка, или то, что мы называли *Предкавказьем*, — это обширная равнина степной полосы, изредка нарушаемая возвышенностями, не превышающими гор Средней России. Равнина эта, в свою очередь, делится на две части: одна, начинающаяся от северных границ края и на юге касающаяся Кубани и Терека, тянется по их течению до Черного и Каспийского морей. Другая пролегает по подножию хребта от берега одного моря до другого. Последняя изрезана невысокими горными отрогами, идущими то параллельно Главному хребту, то по течению рек Лабы, Малки, Терека и Сунжи.

Первая часть *Предкавказья* — это степь в полном смысле: широкая, безлесная, безводная, только изредка здесь попадаются небольшие холмы и балки. Незначительные рощи в окрестностях Ставрополя да по обоим берегам реки Кумы — вот и вся лесная растительность. Речки и вода вообще редкость в этой местности. Пять или шесть речек, относящихся к бассейнам Маныча и Кумы, текущей в Каспийское море, — вот почти и вся водная система этого пространства.

Все реки, составляющие систему Маныча, текут преимущественно по голой степи, отличаются недостатком воды, по большей части дурного качества, и иссыкают вместе с этой рекой.

Сам Маныч представляет собой просто русло, тянущееся по степи между параллельно идущими буграми и издали похожее на широкую торную дорогу. Сухое летом ложе Маныча состоит из непрерывного ряда оврагов, рытвин, плесов, озер, соляных болот (хаков) и солончаков, служащих для стока весенних вод.

Проложив себе путь, весенние воды стекают в русло Маныча на самое непродолжительное время, после чего река высыхает, за исключением нескольких образуемых ею соленых озер, сохраняющих воду в течение целого лета.

Местность, по которой тянется русло Маныча, несколько западнее впадения в него реки Калауса наиболее возвышенна, потому отсюда весенние воды стекают на две стороны: на

восток к Каспийскому морю, образуя *Восточный Маныч*, и на запад к Дону, образуя *Западный Маныч*, впадающий в эту реку у Манычской станицы. Самым восточным пределом весенних разливов вод Маныча являются озера Майли-Хору, Кеке-Усун и Састы, последнее само состоит из нескольких озер. Все эти озера служат вместилищем вод, идущих весной по Восточному Манычу. Наполнив Састинские озера, вода разливается по степи и идет протоками в озера Майли-Хору, Кеке-Усун и котловину Торц-Хак, где, собственно, и оканчивается течение Восточного Маныча.

Западный Маныч образует также несколько озер, из которых наиболее замечательно Соляное озеро Маныча, или Манычский лиман, имеющий 70 верст длины и 6 верст ширины. Лиман служит источником соли для Ставропольской губернии и Земли войска Донского.

Почва, по которой протекают оба Маныча, содержит в себе соль. «Весенние воды, насытившись солью в степях, стекают в Маныч-скую низменность и, испаряясь в ней, местами досуха, оставляют после себя то горько-соленые озера, то солончаки, и вообще почву, чрезвычайно проникнутую солью. Почвенная вода, вследствие этого, также делается всюду соленою, и кормовые травы могут расти только на буграх и возвышенностях».

Из притоков Маныча с левой стороны наиболее замечательны *Калаус*, берущий начало на Воровсколесских высотах и имеющий длину около 240 верст, *Большой Егорлык*, текущий с Темнолесских высот и имеющий длину 280 верст, и, наконец, *Средний*, или *Вонючий*, *Егорлык*, текущий между пологими берегами чрезвычайно медленно. Воды всех этих рек очень плохого качества, мутные, имеют дурной запах и содержат примеси различных веществ, делающих их непригодными к употреблению в пищу и питье.

Самая значительная река степного пространства – бесспорно, *Кума*.

Вытекая с северного отрога Главного хребта, река эта в верхнем и среднем течении принимает с обеих сторон много притоков, которые во время половодья довольно значительны. В это время она становится быстрой и глубокой и затопляет всю долину.

В Куму с правой стороны впадают речки *Волчья* и *Дарья*, имеющая хорошую воду в любое время, *Залка* и *Большой Киркили*, в верхнем течении которого вода хороша, а далее становится неприятного вкуса. Наиболее значительный из притоков Кумы река *Подкумок* с его притоками, протекающий по долине, которая выше Пятигорска открыта, ниже покрыта мелким кустарником, а при устье – довольно крупным лесом. При мелководье вода в Подкумке чиста и прозрачна, а при таянии снегов и половодье мутна. С левой стороны в Куму впадают *Тамлык*, *Кумские Барсукли*, *Горькая* и *Буйвола*, все они незначительны, летом пересыхают, и тогда жители довольствуются цветущей, гнилой водой, которая сохраняется в запруженных с весны балках.

Проезжая через станицы или селения, стоящие возле подобных речек, я часто поражался смраду от постоянно гниющей воды. Свежему человеку невозможно близко подойти к такому бассейну, а между тем жители многих селений, не имеющие колодцев, употребляют такую воду в пищу и питье. Здоровый вид туземного населения свидетельствует, впрочем, что вода эта, по-видимому, не приводит к дурным последствиям в гигиеническом отношении.

Недостаток хорошей пресной воды делает многие места этой степи практически необитаемыми. Даже кочевые калмыки приходят сюда только поздней осенью, когда могут пользоваться дождевой водой из луж, называемых ими *цандытми*, или, с наступлением зимы, снегом, из которого и добывают воду. Лучшие места, лучшие поселения группируются около Кумы – единственной значительной речки этого степного пространства. По обоим берегам ее растут небольшие леса, здесь много станиц, видны возделанные поля, хорошие пастбища, но и эта речка, не имеющая много притоков, осушаемая палящим солнцем, постепенно истощаясь, теряется в болотах и песках, не достигая моря. Два или три ряда мелких озер, прудов, луж, соединяющихся едва заметными мочевинами, поросшими камышом, занесенными песками, обозначают дальнейшее течение реки.

Недостаток леса и воды делает дожди в степи весьма редкими и порождает засуху. Температура летом часто превышает 30 градусов и иссушает траву до такой степени, что при ветре она превращается в огромное облако пыли, которая разносится на большое расстояние. В жаркие июльские дни прикавказские степи утомительны и однообразны, всюду видны желтые выгоревшие поля, которые лишь изредка поит едва журчащая по камням струйка воды, и пустынные станицы, где часто нет ни деревца, ни зелени: горячий песок под ногами, сверху чистое, безоблачное и голубое небо, грязные стены изб да бурая солома на крышах – таков общий вид станицы. Грустно смотреть на подобные поселения, в которых проживают тысячи людей. Жара и жажда томит все живое, а пить нечего, кроме соленой и гнилой воды. На всем лежит печать утомления, лени, и только неизменный степной житель – ветерок – свободно гуляет по всем направлениям, но и тот как будто боится забежать в балки или проезды между увалами: там духота нестерпимая.

В степи пусто, но просторно, тихо и ясно. На ветке бедного кустарника у дороги качается жаворонок, дорога бежит и теряется в синеве дали, а там за несколько десятков верст виднеется среди поля одинокая избушка с плетневым забором и навесом для лошадей: это почтовая станция, открытая для всех ветров, непогоды и зимних метелей.

Зимой морозы достигают здесь 20 градусов, выюги и метели свободно гуляют по степи, и санный путь держится иногда в течение трех месяцев – с декабря до начала марта.

Таков общий вид степи, у северных границ которой кочуют калмыки со своими стадами и табунами тощих лошадей и где живут линейные казаки, крестьяне государственных имуществ и оседлые ногойцы, а на юго-востоке, ближе к Каспийскому морю, обитают полукошачьи *караногойцы*.

Ближе к югу степь мало-помалу меняется. Сначала вдали вырисовывается несколько зеленых пирамидальных тополей, местность делается более холмистой, там и сям поднимаются конические вершины холмов, дающие понять, что степи скоро кончатся и впереди гористый Кавказ.

Эта часть Ставропольской губернии представляет собой возвышенную и открытую степь, перерезанную балками или оврагами. К берегам рек, орошающих эту местность, возвышенности сходят иногда обрывами или крутыми склонами. Горные хребты образуют уже несколько значительных высот, царящих над всей местностью и служащих как бы узлами всех возвышенностей, проходящих по Ставропольской губернии. К числу таких возвышенностей принадлежат Воровсколесские, Круглолесские и Темнолесские высоты.

С окрестностей Георгиевска и Пятигорска местность становится еще живее: видны невысокие горные цепи, небольшие леса и рощи, более многочисленные ручьи и речки способствуют улучшению климата, дожди, выпадая чаще, делают почву более влажной и плодородной, пшеница родится здесь превосходно. Население этой местности гуще, и в нем заметно больше движения и жизни. Многолюдные станицы – Екатериноградская, Александровская и другие – группируются по Военно-Грузинской дороге, а в соседстве с ними рассеяны ногойские аулы, раскинувшиеся верст на триста в окрестностях Ставрополя.

Эта полоса равнины более 800 верст длиной местами довольно узка, так что ширина ее часто не превышает 30–40 верст. В средней части она более или менее возвышенная и холмистая, а в приморских частях низменная и совершенно плоская.

На этом пространстве, начиная от берега Черного моря, пролегают обширные равнины Кубанская и Закубанская, далее, от реки Малки и до так называемого Качкальковского хребта, начинающегося у Сунженского ущелья, тянутся равнины Кабардинская, Владикавказская и Чеченская. Последние, примыкая к подножию гор, ограничены – Кабардинская Малкою и Тереком, Владикавказская – Карадагским хребтом, западной частью Сунженского ущелья и верхним течением Сунжи и, наконец, Чеченская – Сунжей и Качкальковским хребтом. Чечен-

ская равнина чрезвычайно богата лесом, который на Кабардинской и Владикавказской сохранился не в такой степени, преимущественно лишь по берегам рек.

Плодородная почва, роскошные травы и теплый климат составляют отличительную черту равнин, прилегающих к подножию гор.

К Чеченской равнине прилегает безлесная Кумыкская плоскость между Терекком и Сулакком и ограниченная с востока и юга Качкальковским хребтом и последними покатостями северного склона гор. Плоскость эта не имеет никакой покатости к Каспийскому морю, так что орошающие ее реки, *Аксай*, *Яман-Су*, *Ярык-Су* и *Акташ*, не достигают моря, а, разливаясь по равнине, образуют болотистую пустыню.

Переход от степной полосы к равнинной очень резок и поразителен: там безлесье и безводье, здесь обширный парк, обнесенный, точно оградой, с юга Кавказским хребтом, с севера значительными реками, с востока и запада – морями. Здесь Кавказ предстает во всем своем величии – прихотливый, поэтический и суровый. Теплый воздух освежается множеством источников, рек и ручьев, сбегających с гор, их снеговые вершины составляют фон грандиозной и величественной картины.

Благодаря теплоту климату полоса эта изобилует фруктовыми деревьями, не редкость здесь чернослив, персики, абрикосы, шелковица, прекрасные груши, бергамот и виноградники.

Близость снеговых гор отчасти причина того, что на некоторых возвышенностях этой полосы бывает довольно суровая зима, морозы доходят до 20 градусов. Плодородная почва, обильные и частые дожди дают иногда неслыханные урожаи, а трава местами достигает человеческого роста. Несмотря на столь щедрую природу, земля мало обработана и весьма мало населена. Линейные казаки, живущие поблизости от гор, долгое время владели землей, не считая ее на десятины, в прежнее время горцам, выселявшимся в наши границы, отделяли землю не десятинами, а целыми пространствами, от одного урочища до другого.

Население этой полосы чрезвычайно разнообразно: по Терекку, Сунже, Малке, Кубани и Лаббе поселены линейные казаки.

Восточнее или левее Владикавказа живут чеченцы, рядом и немного севернее, подле Моздока, – назрановцы, кисты и ингуши, принадлежащие к тому же чеченскому племени, напротив Кизляра и южнее – кумыки, расселившиеся до самого Каспийского моря.

Напротив Владикавказа и немного западнее поселились осетины, правее их – ногойцы, а за ними, вплоть до Черного моря, черкесы и абазинцы, занявшие оба склона Кавказских гор, как северный, так и южный.

Кавказский Водораздельный хребет с его отрогами составляет громадный естественный рубеж, диагонально разделяющий весь перешеек на две неравные части: *северную* (большую – 4640 квадратных миль) и *южную* (меньшую – 3360 квадратных миль)¹. Имея наибольшую высоту в середине, Главный, или Водораздельный, хребет постепенно понижается к обоим морям: на северо-западе к Таманскому полуострову и на юго-востоке к Апшеронскому полуострову.

В окрестностях горы Шемахи хребет как будто останавливается и, сразу понизившись, разбегается в разные стороны несколькими ветвями, сливающимися с морским побережьем.

Поразительно красивый вид представляет с полей Кабарды Кавказский хребет, вздымающийся громадной стеной от моря до моря. Снежные вершины ярко вырисовываются на небе и сверкают в солнечном свете, прихотливо играющем во впадинах, по выпуклостям и переходящем то в нежно-голубой, то в туманно-синий и белый.

Прекрасны и поэтичны эти горы, но только издали. Стоит подойти ближе, подняться до снеговой линии, и, пораженный величием и суровостью окружающей природы, человек чув-

¹ Цифры приведены по вычислениям Г.Н. Салацкого, исследованием которого я преимущественно пользовался при описании орографии Кавказа.

ствуется свое ничтожество. По мере восхождения горизонт ограничивается вершинами утесов часто унылого серого цвета, без признаков растительности. По ним ходят облака, лижут их ребра, то скрывают, то открывают их вершины, останавливаются на скалах, переплывают с одной на другую или, опустившись, покрывают туманом дорогу и проливают дождь, то мелкий и продолжительный, то потоком низвергающийся на землю.

Поднимаясь еще выше, встречаешь снег, современный Ною. Вокруг вид дикий, мрачный и грозный: ветер свищет и вздымает своими порывами снежную пыль, мороз сковывает члены и спирает дыхание. Здесь бессильно солнце, и светит-то оно издали, из-за вершины какой-нибудь снеговой горы, природа здесь как будто умерла, окостенела от мороза под снегами и льдом. Кругом бесплодие: ни куста, ни травки. В горах часто на значительном расстоянии не слышно ни малейшего звука, кроме воя ветра и изредка грохота обвала, глухо раздающегося в пропасти.

На первый взгляд горный хребет имеет пять почти правильных и симметричных рядов, которыми, точно исполинскими стенами, северная часть Кавказского перешейка отделяется от Закавказья.

Северная или ближняя к нам гряда состоит из самых низких гор, покрытых густым лесом. За этой грядой и почти параллельно ей идут более высокие горы, более крутые и обрывистые, с довольно малой растительностью, а в середине находится Водораздельный, или Главный, хребет Кавказских гор.

По южную сторону Главного хребта опять тянутся точно такие же горы, почти голые, крутые и обрывистые, а за ними идет линия лесистых, более низких гор, от подножия которых начинается *Закавказский край*. Лишь по обоим концам, приближаясь к берегам двух морей, горы нарушают свой строгий порядок. Сплошными массами или образуя нечто вроде узлов, напирают они на морские берега.

Под именем Главного хребта известен тот громадный, хотя и не самый высокий кряж, который, начинаясь у берегов Черного моря у Анапы и не прерываясь нигде ни поперечными равнинами, ни долинами, ни ущельями, идет почти до самого Каспийского моря, где оканчивается горой *Ильхи-Даг* недалеко от впадения в море *Сумгаит-Чая*.

Образуя настоящую водораздельную линию, Главный хребет имеет почти прямолинейное направление, и только между горами *Улукул* и *Борбало* линия ломается, образуя несколько острых углов.

Постепенно возвышаясь от Анапы, Главный хребет до горы *Оштен* не представляет собой ничего выдающегося. На протяжении же между горами *Оштен* и *Адай-Хох* он возносится большей частью своих вершин за границу вечных снегов и достигает горы *Баба-Даг*, за которой начинает понижаться и наконец сливается с низкими берегами Каспийского моря.

Между горой *Сонгути-Хох*, стоящей несколько западнее *Адай-Хоха*, и горой *Баба-Даг* средняя абсолютная высота Главного хребта достигает 11 240 футов, то есть на 257 футов выше нижнего предела вечных снегов. Впрочем, на всем этом пространстве высота Главного хребта не одинакова, наибольшая приходится на западную и в особенности восточную оконечности, а средняя часть (между Гуданью и Химриком) на 640 футов ниже снеговой границы.

К высочайшим вершинам на этом пространстве относятся горы *Базар-Дюз*, 14 722 фута; *Тхфан-Даг*, 13 764 фута; *Зильча-Хох*, 12 645 футов; *Салават-Даг*, 11 943 фута и *Барболо Большой*, 10 807 футов. Самые высокие перевалы через Главный хребет находятся между *Бегюлем* и *Баба-Дагом*, из которых определена высота только одного – по тропе из деревни Куткашин в деревню Хиналуг, перевал этот достигает высоты 11 068 футов. Затем следует *Кадласанский* перевал (10 770 футов), между Ляхвой и Тереком, и самый низкий, *Буслачирский* (7746 футов), между Гудомакарской Арагвой и Тереком. Немного выше последнего перевал через *Крестовую гору* (7957 футов), по которой идет Военно-Грузинская дорога.

Почти на половине длины Главного хребта, у горы *Сонгути-Хох*, отделяется от него громадный боковой хребет, который, сохраняя по большей части направление, параллельное Водораздельному хребту, простирается почти до самого Каспийского моря.

Пересекаемый поперечными ущельями Ардона, Терека, Ассы, Аргуна, Тушинской Алазани, Ори-Цхали и Аварского Койсу, хребет этот имеет направление сначала на восток-юго-восток, потом на юго-восток и, наконец, на северо-восток. Покрытый от начала до горы *Диклос-Мта* вечными снегами и ледниками, он поднимается до 14 420 футов абсолютной высоты, и таким образом на 1756 футов превышает самые высокие части Главного хребта. Высочайшая вершина этого хребта – конусообразная и голая гора *Казбек*, которая достигает высоты 16 546 футов. За Казбеком по высоте следуют пики: *Гимарай-Хох*, 15 673 фута; *Адай-Хох*, 15 244 фута и *Тебулос-Даг*, 14 781 фут абсолютной высоты.

Снега, покрывающие вершину Казбека, служат источником для образования ледников, из которых самый значительный по длине и гибельным обвалам Девдоракский. Спускаясь по крутой долине реки Кабахи, впадающей несколько выше Дарьяльского ущелья в долину Терека, ледник во время обвала заваливает эту долину льдом и камнями на высоту от 300 до 500 футов. Остановленные в своем течении Кабахи и Терек тогда затапливают долины до тех пор, пока не прошибут лед и с необычайной быстротой не ринутся по своему прежнему руслу.

Оба хребта, главный и боковой, связаны между собой семью поперечными перемычками, образующими столько же обширных котловин: *Нардонскую* (Ардонскую), *Терскую*, *Ассинскую* и лесистую *Аргунскую*, по которым протекают реки того же названия, составляющие бассейн Терека.

Аргунская котловина отделяется от *Тушинской* и Дагестана поперечным хребтом, связывающим горный узел *Барбалло* с вершиной бокового хребта, *Тебулос-Дагом*. Тушинская лесистая котловина, орошаемая рекой Тушинская Алазань и ее многочисленными притоками, начинает собой ряд дагестанских котловин. Непосредственно за Тушинской следует *Дидойская* котловина и самая обширная и обильная лесом *Анкратльская*, омываемая водами, образующими Аварское Койсу. Воды последних трех котловин через Андийское и Аварское Койсу сливаются в Сулак. Поперечная гряда, соединяющая горы *Анхимал* и *Саридах*, отделяет Анкратльскую котловину от продольной и безлесной долины *Самура*, выходящей на равнину, располагающуюся вдоль берега Каспийского моря между Дербентом и устьем *Сумгаит-Чая*.

На большей части Самурской долины и до оконечности Главного хребта северный склон его пересекается передовой цепью, прорванной множеством поперечных долин. Некоторые вершины этой цепи находятся за снежной линией: так, гора *Шахг-Даг* имеет 13 951 фут, *Шалбуз-Даг* — 13 679 футов и *Кызыл-Кая* — 12 247 футов абсолютной высоты.

Северную половину Кавказского перешейка создает северный склон Кавказского хребта, состоящий из двух полуэллипсоидальных масс, которые глубоким ущельем Терека разделены на две неравные части: *западную*, имеющую до 580 верст в длину (считая по главному гребню) и до 100 верст в ширину, и *восточную*, около 420 верст в длину и 140 верст в ширину. Наименьшую ширину северный склон, или его поперечник, имеет при живописном Терекском ущелье, известном под именем *Дарьяльского*. Оба полуэллипсоида имеют довольно плоские склоны и только при приближении друг к другу приобретают альпийский характер с крутыми обрывами.

Основанием западной выпуклости северного склона Кавказских гор служит плоско-выпуклый свод, образующий значительный контрфорс, заполняющий пространство между Малкой и истоками Кубани. На этом своде, служащем началом водораздела Черного и Каспийского морей, ближе к Главному хребту, на высоте около 11 000 футов находится основание высочайшей конусообразной горы *Эльбрус*, оканчивающейся двумя снежными вершинами: западной в 18 571 фут и восточной в 18 453 фута. С высоты 11 200 футов Эльбрус покрыт уже вечным снегом, из-под которого выглядывают темные скалы, как небольшие пятна. Гора

эта способствует образованию многих ледников, из которых наиболее замечательны ледники, находящиеся в верхних долинах рек Малки, Кубани и в особенности Баксана.

К западу от *Сонгути-Хоха* северный склон Кавказа образует контрфорсы, примыкающие к главному хребту под прямым углом и на некотором расстоянии от него поднимающиеся крутыми утесами, а потом понижающиеся более-менее пологими склонами, которыми они и прилегают к главному гребню. Уступы эти образуют передовую цепь, которая, сохраняя до некоторой степени параллельное направление, сопровождает главный и боковой (на всем его протяжении от Сонгути-Хоха до Диклос-Мты) хребты, и, «в дальнейшем своем протяжении на восток пересекает оконечности юго-восточных дагестанских цепей и образует часть Сулако-Терского водораздела».

Цепь этих гор, известная под именем *Черных*, прорвана многочисленными притоками Кубани и Терека, некоторые из ее вершин поднимаются выше снеговой линии.

Отличительная черта Черных гор состоит в том, что их южные склоны часто совершенно отвесны, тогда как северные, наоборот, весьма отлоги. Оттого все реки, пересекающие этот кряж, образуют великолепные ущелья вроде коридоров, с отвесными и постепенно понижающимися к северу стенами. К числу таких живописных ущелий можно отнести Ахметовское на реке Большая Лаба и Даховское на Белой. По выходе из теснин Черных гор все реки более-менее расширяются и текут в долины.

Постепенное понижение Черных гор к северу и слияние их с более низкими равнинами, примыкающими к Кубани, Малке, Тереку и Сунже, послужило причиной образования больших долин, частью чрезвычайно плодородных. На склонах этих гор лежат богатые и тучные пастбища, вот почему эти склоны были плотнее всего населены горцами, которые, пользуясь преимуществами закрытой лесистой местности, могли безнаказанно делать набеги на земли своих соседей.

К Черным горам близ прорыва через них реки Уруха примыкает невысокий кряж, простирающийся до крепости Грозной, где он образует возвышенный левый берег Сунжи. Прорвавшись через этот хребет, Терек разделяет его на две части: западную, имеющую северо-восточное направление и известную под именем *Карадагского* (Псехеш) хребта, и восточную, пролегающую сначала между Терekom и Сунжей, а потом вдоль левого берега последней, отчего и самый хребет называется *Сунженским*.

Севернее Сунженского хребта, в среднем на расстоянии около 17 верст и параллельно ему, между станцией Пришибской на Терекe и Умахан-Юртовской на Сунже, пролегает так называемый *Терский* хребет, наибольшая высота которого не превышает 2307 футов, а длина около 145 верст. Хребет этот является западным продолжением *Качкальковского* хребта, от которого отделяется Сунженским ущельем и который близ Герзель-аула примыкает к подошве Кавказа.

Черные горы на востоке, как мы уже сказали, входят в соприкосновение с передовыми параллельными цепями севернее бокового хребта. Эти цепи, переплетаясь и взаимно пересекаясь между собой, участвуют в образовании «замечательного водораздела, составляющего полукруговую окраину Нагорного Дагестана, или обширной котловины Сулака, к которой котловины Тушинская, Дидойская и Анкратльская относятся как части к целому».

Водораздел этот делится ущельем Сулака на два хребта, из которых один Н. Салацкий называет *Сулако-Терским*, а другой *Сулако-Кастийским*. Начальную часть Сулако-Терского водораздела составляет поперечная гряда, соединяющая вершину главного хребта, гору *Барбалю*, с вершиной бокового хребта *Тебулос-Даг* и разграничивающая Аргунскую и Тушинскую котловины. Далее от Тебулос-Дага водораздел пролегает по гребню бокового хребта до горы *Диклос-Мта*; отсюда по вершинам горного кряжа, соединяющего гору Диклос-Мта с передовой цепью гор, пересекаемых Андийским Койсу, близ Преображенского укрепления, а Аргу-

ном близ укрепления Евдокимовского. Пройдя потом верст пять по этой цепи, водораздел спускается на невысокую перемышку, соединяющуюся с Черными горами.

Начало Сулако-Каспийского водораздела составляет поперечная гряда, соединяющая горы *Анхимал* и *Сари-Даг* и отделяющая Анкратльскую котловину от продольной Самурской долины. От Сари-Дага водораздельная линия проходит по гребню бокового хребта, а «в дальнейшем своем продолжении водораздел пролегает большей частью по передовым цепям, а иногда по связывающим их перемышкам, и представляет весьма чистую линию».

Сулакская котловина, ограниченная этими водоразделами и частью Главного хребта, имеет от *Барбалю* до *Устисалу* 170 верст длины и от Анхимала до Сулакского ущелья 100 верст в ширину. Она представляет собой горную массу, состоящую главным образом из параллельных цепей, которые идут в юго-восточном направлении и пересекаются насквозь глубокими ущельями четырех Койсу. Сюда относятся плоскогорья, образующие нагорную страну Аварии, ограниченную с трех сторон течением Андийского и Аварского Койсу и достигающую 7244 футов абсолютной высоты; далее идут плоскогорья, находящиеся между Аварским и Кара-Койсу, и, наконец, самое замечательное из них – играющее столь значительную роль в военной истории – Гунибское, поднимающееся до 7742 футов абсолютной высоты. Гунибское плоскогорье отделяется глубоким ущельем Кара-Койсу от плоской возвышенности, имеющей 7905 футов абсолютной высоты, на которой, как раз над андаляльским селением Чохом, расположена гора *Турчи-Даг*. Большая часть этих плоскогорий окружена обрывами и связана между собою водораздельными перешейками.

Каменистые громады Аварии возвышаются в самом средоточии этого горного пространства. Повсюду одинаково недоступная, Авария как бы самой природой была предназначена для того, чтобы повелевать сообществами, поселившимися внизу, у ее подножия. Внешнее очертание Аварской возвышенности имеет вид сектора, омываемого Аварским и Андийским Койсу и замкнутого хребтом *Тала-Кори*. Внутреннее пространство угла, образуемого слиянием вышеупомянутых рек, занято недоступным *Кетлинским* кряжем (6213 футов); параллельно ему поднимается хребет *Арактау* (7713 футов); в промежутке между ними, севернее селения Моксоха, находится глубокое *Цатанихское* ущелье, а юго-восточнее этого селения расположилось замечательное *Балаканское* ущелье, имеющее в самом начале не более пяти сажен и ограниченное изрытыми, каменистыми, почти отвесными стенами. Соединившись у Цатанихского ущелья, хребты Арактау и Бетлинский достигают Андийского Койсу и, отвесно обрываясь, образуют правый берег этой реки.

«Параллельно Арактау тянутся уступами еще два хребта – *Таус-Бал* и *Тала-Кори*; последний ограждает Аварию с юга и юго-запада. Пространство между ними составляет так называемую Аварскую долину, в которой и сосредотачивается почти все население этого некогда могущественного ханства. Аварская долина с юго-востока ограничивается Гоцатлинскими высотами и посредством Кахского ущелья выходит на Аварское Койсу; с северо-запада замыкается отрогами Тала-Кори, который, убегая на север к Андийскому Койсу, образует на берегах ее неприступное ущелье Тлоха».

На восток от Аварии, по правому берегу Аварского Койсу, пролегает *Койсубулинский* хребет, замыкающий ущелье того же имени и достигающий своей высшей точкой, горы *Баркас*, 7415 футов. Хребет этот на западе имеет отвесные скалы, а к востоку спускается пологими склонами, покрытыми зеленью. Отроги Койсубулинского хребта, проходя через шамхальство Тарковское и нижнюю часть Мехтулинского ханства, достигают моря. Близ селения Аракан хребет принимает название *Баркас* и распадается на три ветви: главный хребет идет мимо селения Кодуха на Гергебиль и называется *Кодухские* горы, а затем, повернув на юго-восток, достигает селения Кутиши, где и оканчивается, занимая север Даргинского округа. Два же его отростка, отделившиеся близ Аракана, идут почти параллельно, причем северная ветвь отделяет нижнюю часть Мехтулинского ханства от верхней и оканчивается лесистыми горами

у Губдени, а южная, «оградив с северо-востока глубокое и неприступное Аймакинское ущелье, останавливается на левом берегу реки Лаваши-Чай».

К северу Койсубулинский хребет значительно понижается и соединяется с хребтами, прилегающими к берегу Сулака, которые, изрезав правый берег этой реки множеством балок, с крутыми склонами и заросших колючкой, идут в глубь шамхальства и оканчиваются у селений Кумтер-Кале и Капчугай. Вся эта местность, с очень сложным рельефом и совершенно безводная, ближе к морю становится необитаемой.

Следуя вдоль Главного хребта к востоку, мы встречаем лесистый хребет *Мечшиль*, который, отделившись от Главного хребта у горы Симура, достигает своими отрогами плоскогорья Аварии.

Далее на юг к его северному склону Главного хребта примыкает громадный горный узел из первоклассных вершин – *Гудур-Дага*, *Акимала*, *Сари-Дага* и лежащей вне Главного хребта горы *Дюльта-Даг*. От этого узла веером расходятся хребты в разные стороны, один заполняет пространство между *Аварским* и *Кара-Койсу* и через Тилитлинскую гору соединяется с Гунибским плато, другой пролегает между двумя истоками *Кара-Койсу* и, наконец, третий – между *Кара-Койсу* и *Казикумухское Койсу*.

К югу от *Дюльты-Дага* отходит на юго-восток довольно высокий хребет, который, следуя по левому берегу Самура до самого моря, своими отрогами спускается в долины Кюринского ханства.

Южная сторона этого хребта повсюду скалиста и крута, и лишь в немногих местах есть небольшие площадки, пригодные для хлебопашества и садоводства. Самые резкие контрасты и быстрые переходы от дикой и суровой природы к зеленеющим полям и селеньям с их садами, наполненными тополями, чинарами и кипарисами, делают дорогу по берегу Самура чрезвычайно живописной. От этого хребта между верховьями *Казикумухского Койсу* и *Чирах-Чая* отделяется высокий *Кокмадагский* хребет, который своими ответвлениями занимает верхние части *Казикумухского ханства*, *Сюргинское* и *Кубачинское* сообщество и всю *Табасарань*.

Избороздив последнюю по всем направлениям своими лесистыми и отлогими возвышенностями, горы оканчиваются недалеко от берега моря, оставляя узкий проход, замкнутый *Дербентом*.

Вместе с *Салухским* хребтом *Кокмадагский* хребет служит водоразделом между реками, впадающими в *Казикумухское Койсу* и впадающими непосредственно в Каспийское море. *Салухский* хребет, занимая своими отрогами южную часть *Акунии*, верхний и нижний *Кайтаги*, сливается затем с морским побережьем. Восточная часть *Самурского округа* и весь *Кубинский уезд* изрезаны отрогами Главного Кавказского хребта, одни из них упираются в *Самур*, другие следуют по его течению, и, наконец, третьи доходят до моря, оставляя ровной только узкую полосу земли, расширяющуюся по мере приближения к горе *Кубе*.

Таков общий вид *Дагестана*, горного пространства, заключенного в прямоугольный треугольник, вершина которого находится на *Апшеронском полуострове*, а стороны ограничены западным берегом Каспийского моря, Главным Кавказским и идущим от горы *Барбало Сулако-Терским* хребтами.

Северный склон *Сулако-Терского хребта*, будучи довольно пологим и покрытым с середины и до подножия густым лесом, представлял надежное убежище для чеченцев и какой-то части дагестанских горцев, тогда как южный склон покрыт скудным лесом и в некоторых местах представляет не менее скудные пастбища, на которых, как в оазисах, приютились поселения дагестанских сообществ: *Технучала*, *Андии* и *Гумбета*; в средней и восточной части хребет суров, скалист и крайне затруднителен для продвижения вдоль берега *Андийского Койсу*.

Вообще, на всем протяжении в глубь *Дагестана*, от Кавказского хребта отходят скалистые отроги, перерезанные мрачными, глубокими и малодоступными ущельями, попасть в которые

можно только по едва проходимым тропинкам. Здесь горы достигают наибольшего разветвления и нигде больше не являются столь дикими и суровыми.

Весь Дагестан состоит из хаоса гор, безлесных, каменистых, или окрашенных в бурый цвет с фиолетовыми оттенками, или подернутых сизоватой дымкой. Здесь все угловато, все дробится на ущелья, состоит из горных закоулков и скал. Глядя на этот хаос каменных громад, нигде не покрытых зеленью, почти не верится, что и тут могут жить люди и даже пользоваться богатыми угожьями.

Пути сообщения в большей части Дагестана – это тропинки, годные только для верховой езды. Тропинки почти всегда пролегают по ущельям, на большей или меньшей высоте над руслами горных речек и потоков или спускаются к самому их ложу, загроможденному камнями. На перевалах из одного ущелья в другое подъемы и спуски составляют наибольшее затруднение для проезжего, нет возможности проложить тропу иначе как зигзагами, иногда в несколько десятков поворотов на самом незначительном расстоянии. Крепкие и привычные к подобным дорогам горские лошади, карабкающиеся по отвесным скалам, как кошки, и те с большим трудом преодолевают некоторые тропинки и требуют, чтобы на крутых спусках всадник спешивался. Часто, проезжая значительное расстояние, всадник не видит ничего, кроме нового поворота дороги и обрыва, по краю которого проложена узкая и вдобавок осыпающаяся тропа².

В некоторых местах выющиеся тропы так узки, что там едва умещается лошадь. Горца не удивляет, что сбоку от него отвесный обрыв, и часто, соскочив с коня, он совершенно спокойно идет пешком, несмотря на то что любой неловкий и неверный шаг грозит падением в бездонную пропасть. Чем выше в горы, тем беднее растительность, и на самой вершине, у границы вечных снегов, только ярко-зеленые и красноватые мхи и ягели оживляют скалы. По мере подъема воздух делается реже и реже, дыхание ускоряется, и сердце неприятно колотится. Если скроется солнце и появятся облака, становится сыро и холодно до такой степени, что, несмотря на теплую одежду, сырость пронизывает насквозь. Облака разорванными клочьями носятся над головой, то охватывают лес и лижут горы, высящиеся над путешественником, то, расступаясь, открывают их. Мало-помалу обращаясь в черную массу, они скрывают самые близкие предметы, и чувство одиночества овладевает человеком, который видит себя на небольшом клочке земли в беспредельном пространстве среди грозящей природы. Ослепительный блеск молнии, а вслед за ней страшный удар грома, раскатывающегося по ущельям бесчисленным эхом, заглушается проливным дождем, который сменяется то снегом, то градом. Неожиданно налетевший ветер, срывая снег с горных вершин, вызывает метель, при этом непрерывно блистает молния и гремит гром. Восхитительная при всей ее суровости картина!..

² Воронов Н. Из путешествия по Дагестану // Сб. ев. о Кав. Гор. Вып. I; Салацкий Н. Очерк орографии и геологии Кавказа // Записки Кавк. отд. Импер. Рус. геогр. общ. Кн. VII. 1866; Щуровский. Геологические очерки Кавказа; Русск. Вести. // 1862. № 2–4; Перечень событий в Дагестане // Окольников воен. сбор. 1859. № 1; Покорение Кавказа // Рус. Вести. 1860. № 11; Дорога от Тифлиса до Владикавказа // Кавк. 1847. № 33; Очерк северной стороны Кавказа // Кавк. 1847. № 2; Воронов Н. Из Черноморского края // Русский вестник. 1856. № 21.

Глава 2

Гидрографический очерк Кавказа. Бассейн Черного и Каспийского морей. Характер местности, ее производительность и климатические особенности. Гидрография Дагестана

Скатываясь с подножия Эльбруса, *Кубань*, известная у черкесов под именем *Пииз* (что значит *князь рек*, или, в буквальном переводе, *старый князь*), в самом начале питается многочисленными стоками с той же горы, составляющими особый бассейн, который может быть назван Карачаевским от имени котловины³, по которой протекают эти источники.

Прорвав Черные горы ниже Верхне-Николаевской станицы, Кубань постепенно спускается ниже, и уже после Карачая постоянные броды встречаются редко. Впрочем, в большую часть года можно отыскать место для переправы через Кубань, особенно на отрезке от ее истоков до впадения в нее реки Урупа, далее же переправа возможна только по мосту или на пароме, в особенности во время прибыли воды.

Прибыль воды в Кубани бывает обыкновенно три раза в год: во-первых, весной, в марте и апреле; во-вторых, летом, в конце июня и в начале июля – в обоих случаях от таяния снегов, и, наконец, третий раз осенью, в октябре и ноябре, от обилия дождей. В такое время количество воды в Кубани почти мгновенно увеличивается, бывает, что меньше чем за час вода подымается на аршин и более, и тогда глубина ее местами доходит до трех саженей. При значительной прибыли воды Кубань разливается и затопляет все низменные места, в особенности

Черноморию и противолежащий ей левый берег. В июле 1846 года разлив Кубани во многих местах доходил до 20 верст, вода затопила все прибрежные закубанские аулы, истребив запасы хлеба и сена.

Зимой Кубань, за исключением некоторых мест, покрывается тонким льдом, редко удобным для переправы, но замерзание и вскрытие ее непостоянно. Чаще всего она замерзает в середине декабря, а вскрывается в средних числах февраля.

Протекая около 680 верст, Кубань признана судоходной до Тифлисской станицы, то есть на 400 верст от устья, но для сплава леса она удобна почти от самых верховьев.

Кубань подчиняется общим свойствам горных потоков. Все горные реки, стекающие с Главного и второстепенных хребтов, собираются из нескольких ручьев, которые, слившись в один шумный и быстрый поток, стремительно бегут по глубоким ущельям до выхода в предгорную полосу. На равнине, по мере удаления от гор, скорость течения уменьшается, и тогда река принимает на дно песок, снесенный ею с гор. От постоянной осадки песка дно постепенно повышается, и река, имея на равнине плоские берега, разливается на несколько рукавов, а во время половодья затопляет окружающую местность. Из-за плоских берегов при сильном напоре и прибыли воды некоторые реки меняют свои русла. Глубина горных рек неодинакова и непостоянна: в жаркое время в реках образуется множество островов, мелей и бродов, весной же и осенью и во время таяния снегов в июле уровень воды быстро повышается, и реки можно перейти вброд только в немногих местах. По мере приближения к устью горные реки разливаются и образуют болота, почти никогда не пересыхающие.

Эти свойства присущи и Кубани, в которой от быстроты течения и обилия песка, глины и ила вода почти всегда мутная, но вкусная и не вредная для здоровья.

³ Карачай не является собственно котловиной, а рядом углублений, образуемых Главным хребтом и его уступами. Западной границей Карачая служит водораздел между Тебердой и Даутом.

Имея первоначальное направление с юга на север, потом Кубань почти под прямым углом поворачивает на запад и впадает одним рукавом в Азовское море, а другим в Черное, образуя таким образом обширную дельту, низменную и болотистую.

Все прочие реки, вытекающие с северного склона Кавказского хребта западнее Эльбруса, вливаются в Кубань с левой стороны. Это небольшие речки *Даут* и *Теберда* и несколько большие оба *Зеленчука* – *Большой* и *Малый*, последний состоит из двух источников: *Маруха* и *Аксаута*. Большой Зеленчук принимает с левой стороны речку *Кефар* с притоком *Бежгонт*.

За этими притоками следует река *Уруп*, протекающая около 180 верст и принимающая в себя *Большой* и *Малый Тегени*. Уруп вообще мелководен, количество приносимых им вод невелико, и река почти везде проходима, за исключением периода, когда от таяния снегов вода значительно прибывает во всех реках, получающих начало на Главном хребте. Берега этой реки во многих местах покрыты хорошим строевым лесом.

Самыми значительными притоками Кубани можно считать реки *Лабу* и *Белую* (Схагуаше). Лаба образуется из двух источников: *Большой* и *Малой Лабы*, длина ее течения составляет около 250 верст. По выходе из Тамовского ущелья она протекает верст десять по долине, а потом, прорывая Черные горы, образует Ахметовское ущелье и, снова выйдя на равнину, принимает воды Малой Лабы, протекающей по Шахгиреевскому ущелью, и далее течет по равнине до самого впадения в Кубань. Воды Лабы, в отличие от Кубани, чисты и прозрачны, она чрезвычайно быстра и совсем не судоходна. С правой стороны Лаба принимает единственный значительный приток, реку *Чамлык*, а с левой стороны реку *Лодзь* с ее притоком рекой *Туба*.

Протекая Ирисским ущельем через Черные горы, *Лодзь* замечательна обилием известковых частиц, содержащихся в ее водах и составляющих ее отличие от всех прочих рек Кубанского бассейна. Западнее этой реки в Лабу впадают речка *Чохрак*, а потом *Фарс* с ее маловодными притоками: справа *Псефирью*, а слева *Кхатль* и *Серале*, наконец, последними данниками Лабы можно назвать весьма незначительные речки *Уль* и *Гиэг*.

Все речки, впадающие в Лабу, в низовьях образуют болотистые пространства, которые нередко встречаются по Лабе на всем ее протяжении от станицы Тенгинской до устья. Случается также, что вода в этих речках летом пересыхает, и тогда на всем пространстве между Лабой и Белой остаются только несколько источников.

Белая (Схагуаше) впадает западнее Лабы и составляет последний значительный приток Кубани. Беря начало на Главном хребте неподалеку от горы Оштен и протекая около 150 верст, Белая почти половину своего протяжения течет в горах. Прорываясь через Черные горы Даховским ущельем, стены которого, понижаясь к северу, постепенно сближаются и, наконец, почти сходятся, река всей массой своих вод пробегает в этом месте как бы глубокой пропастью, отверстие которой сверху составляет 3–4 аршина. С правой стороны Белая принимает в себя небольшие речки *Дахо* и *Фюнфт*, а с левой – *Курджипс* и *Пшеху*, которая является самым значительным из ее притоков.

Подвигаясь далее на запад, Кубань принимает реку *Пишишь* с ее левыми притоками *Мат* и *Пчас*; реку *Псекунс* с ее левыми притоками *Дюс*, *Цаок*, *Чибий* и *Вуанобат*; затем следует *Сун*, или *Сунс*; *Убын* с его притоками с правой стороны *Шебж*, *Афипс* и многими другими и, наконец река *Адакум*. Между Убыном и Адакумом к Кубани стекает с гор множество ручьев и речек, но все они, образуя так называемые прикубанские плавни, теряются в болотах, не доходя Кубани, или впадают в лиманы, которые образует эта река при своем устье.

У поста Славянский начинается разделение вод Кубани на отдельные русла: тут берет начало *Кара-Кубань*, текущая прямо на запад, тогда как главное русло поворачивает к северу, и от него отделяется вправо широкий рукав, который известен под именем *Протоки*. Впадая в Азовское море, Протока ограничивает Таманский полуостров и болотистые берега Кубани. Последняя снова поворачивает на юго-запад и сливается с Кара-Кубанью, образуя таким образом *Каракубанский остров*.

Начиная от Протоки, верст сорок вниз до Андреевской почтовой станции, берег Кубани представляет собой бескрайний плавень – камыши, болота, озера и каналы. Следуя по этому плавню, часто приходится двигаться буквально между двух стен камыша. От Андреевской почтовой станции и до города Темрюка (верст двадцать пять) местность становится холмистой, и глазам едущего открывается справа Азовское море, а слева воды Кубани, разветвляющейся на многие рукава и образующей лиманы, благодаря которым она и сливается с двумя морями.

Пространство, прилегающее непосредственно к левому берегу Кубани, главным образом состоит из трех больших равнин, и все они резко отличаются друг от друга. Первая лежит между подошвами отрогов Кавказского хребта, реками Кубанью и Абином, притоком Афипса, вторая находится между Афипсом, Фарсом, Кубанью и последними высотами Кавказских гор, и, наконец, третья – между Лабой, Кубанью и последними высотами, образуемыми Черными горами.

На первой из этих равнин реки, не доходя верст десять – пятнадцать до Кубани, разливаются по равнине, образуя огромные болота, проходимые только зимой, когда они замерзают. Тянущиеся верст шестьдесят вдоль берега Кубани, болота эти достигают 20 верст в ширину, в особенности в том месте, где Кубань отделяет от себя рукав Кара-Кубанский. Между Адакумом и Кубанью болото сплошь покрыто водой, отчего и носит название озера *Харам-Соагб*.

Вторая равнина, лежащая между Афипсом и Фарсом, изобилует хорошими пастбищами и способна прокормить значительное население, но места, прилегающие к самой Кубани, болотисты и имеют вредный для здоровья климат.

Равнина, лежащая между Кубанью и правыми берегами Лабы и Чамлыка, безводна и безлесна, перерезана во многих местах и по разным направлениям сухими балками, в которых только иногда, при сильных дождях, показывается вода. Все население этой местности теснится по берегам рек. Летом жара достигает 40 градусов и тем более несносна, что нечем утолить жажду и негде укрыться от палящих лучей солнца. Зато по мере удаления от берегов Кубани и приближения к горам богатство края и плодородие его почвы быстро возрастают. Почти с той точки, откуда Кубань начинает делаться судоходной, горы освобождаются от вечного снега и становятся обитаемыми до самой их вершины. Не только долины, но и горбы гор покрыты столь мощной растительностью, что самые небольшие пространства земли могут обеспечить значительные поселения. Тучные пастбища, способные прокормить огромные стада скота и табуны лошадей, встречаются на каждом шагу. Изобилующие ярко цветущими растениями луга и леса способствуют пчеловодству. Пасека в 200 ульев приносит 200 пудов меда.

Чем ближе к устью Кубани, тем ниже Кавказский хребет, очертания его становятся более плавными, размашистыми и растет плодородность почвы. От крепости Анапа и укрепления Суджук-Кале до истока *Пчеда* горцы жили почти у самого хребта и обрабатывали ближайшие к нему склоны, вообще удобные для хлебопашества. Строевой лес составляет готовое и естественное богатство закубанской равнины, начиная от дуба и сосны до кедра и пальмы – все есть. Здесь растут сливы, вишни, разные виды смородины, виноград и в особенности малина. В верховьях Теберды есть урочище, которое носит название Малиновой рощи. Здесь на бахчах растут арбузы и дыни; многие деревья славятся тем, что способны давать отличную краску, в особенности желтую, отчего, по мнению некоторых, желтый цвет и стал национальным цветом черкесов.

Территория между Белой и Лабой наиболее покрыта лесом: прекрасные груши и яблони составляют в некоторых районах этой местности сплошные леса, но чем дальше к востоку, тем больше лес редет и встречается реже.

На всем протяжении от устья Кубани до реки Белой леса простираются от гребня Кавказского хребта до последних возвышенностей, ограничивающих предгорья. До реки Афипс леса сплошь покрывают горы и доходят до самых болот Кубани: это сплошная стена, за которой внутри есть только небольшие поляны, занятые в прежнее время аулами и хуторами шапсугов

и натухажцев. От Афипса до Белой леса уже не занимают сплошного пространства, но оставляют открытые поляны, лежащие на отрогах хребтов. Долины рек и здесь покрыты густыми лесами, а потому дороги, которые большей частью проложены по речным ущельям, проходят под сенью леса.

От Белой и до Кубани леса стоят только небольшими рощами у Зеленчукской линии и узкими лентами вдоль рек Пчаш, Пшиш, Лаба, Чамлык, Уруп и верховьев самой Кубани.

Запасы камня, годного для разного рода поделок, алебастр, довольно хорошего качества, залежи купороса, каменного угля, горной нефти и признаки присутствия в горах металлов — все эти богатства составляют принадлежность Закубанья.

Правая сторона реки, покрытая казачьими станицами, является также одним из плодороднейших мест Кавказа, причем производительная сила почвы становится благодатнее и обильнее по мере приближения к берегу «*Князя рек*». Пшеница, известная под именем *кубанки*, отличаясь превосходными качествами, имеет мало соперниц.

Береговые склоны, обращенные на юг, способствуют разведению винограда, развитию садоводства, виноделия, шелководства и т. п.

К востоку от горы Эльбрус, кроме рек Малка и Баксан, берут начало на Главном хребте реки Черек, Урух и Ардон, составляющие бассейн Терека.

Терек — это самая большая река после Кубани в северной части Кавказского края. Беря начало у горы Казбек в Осетии, недалеко от истока Ардона, Терек сначала имеет направление на восток, и, принимая в себя множество потоков, течет в котловине, образуемой Водораздельным и боковым хребтом. Обогнув подножие Казбека, он поворачивает на север, течет в узком и скалистом ущелье, прорывается через горы живописным Дарьяльским ущельем и, пробившись вторично через Черные горы, выходит на равнину у города Владикавказа. Отсюда до станицы Николаевской Терек течет по равнине двумя рукавами, а затем, слившись в одно русло и прорвавшись через Карадагский хребет (Псехеш), до впадения Малки он выступает границей между Большой и Малой Кабардой. Приняв воды Малки, Терек круто поворачивает на восток и, пройдя около 180 верст, у Шелкозаводской станицы снова принимает северное направление и отделяет вправо *Каргинский* рукав, сохраняющий воду только во время таяния снегов. Рукав этот в семи с половиной верстах ниже города Кизляра впадает в Новый Терек. Подобно Кубани, Терек отделяет от себя влево рукав, называемый *Прорвой*, который течет прямо на север и, пройдя около 75 верст, впадает в Каспийское море у селения Черный Рынок.

Приняв в себя воды Малки и значительного своего правого притока, Сунжи, Терек несет до станицы Щедринской, откуда еле-дует по равнине в совершенно плоских берегах и разделяется на рукава, направление которых меняется каждый год. Разделившись на рукава, Терек течет медленно, осаждает на дно землистые частицы и, постепенно загрязняя ложе, прокладывает себе новые русла, скатывая свои воды туда, где местность имеет больше наклона. На три версты ниже отделения Прорвы от Терека отделяется влево река *Таловка*, которая, распавшись на несколько рукавов, несет свои воды в Каспийское море. Неподалеку от Кизляра Терек разделяется на два рукава: северный называется *Старым*, а южный *Новым Тереком*. Первый с каждым годом все больше и больше засоряется, а вся масса воды стремится в Новый Терек, который разделяется, в свою очередь, на многие рукава, часто образуя острова. Таким образом, при впадении в Каспийское море Терек вместе со своими рукавами образует дельту, низменную и болотистую.

На равнине из-за постоянного осадка землистых частиц, снесенных с гор, река поднимается так, что в настоящее время поверхность воды превышает крыши домов прилежащих станиц и постов на всем пространстве от Амир-Аджи-Юрта до устья, и во время наводнений эта часть долины особенно страдает. Долина же левого берега Терека от Владикавказа до устья Малки затопляется, чему способствуют сильные разливы множества его притоков. Терек, как и все горные реки, имеет подъем воды три раза в год, летом бывают самые большие половодья.

Тогда уровень воды повышается более чем на сажень, броды и острова покрываются водой, при каждом наводнении в той или иной степени страдают жители станиц, прибрежные посты и укрепления.

Терек редко замерзает, но лед всегда несется в нем очень быстро, и тогда вода в реке чиста и прозрачна, во время половодья вода мутная, но вкусная и здоровая для употребления в пищу. От Карадагского хребта и до устья Сунжи правый берег реки выше левого, а затем до впадения в море оба берега одинаково низкие. Вся долина Терека покрыта или высоким лесом, или кустарником, представлявшими в прежние времена укрытие для разбойных неприятельских набегов.

Из-за быстроты течения переправа через эту реку затруднительна, постоянных и удобных бродов мало, и они находятся преимущественно в тех местах, где Терек разделяется на большое число рукавов и образует много мелей.

Протекая от истока до устья около 450 верст, Терек принимает множество притоков, из которых мы упомянем только наиболее примечательные.

Один из первых притоков Терека с левой стороны – довольно значительная горная река *Ардон*, берущая начало на Казбеке в Осетии. Точно так же, как и Терек, Ардон прорывается через два хребта: северный, Снеговой, и Черных гор, течет сначала в тесных скалистых ущельях, выйдя на равнину, пересекает Военно-Грузинскую дорогу и разделяется на несколько рукавов, образующих в устьях болота. Глубина и ширина Ардона незначительны, но быстрое течение срывает мосты и делает переправу затруднительной. Река эта почти на всем протяжении покрыта лесом.

В Ардон впадает *Гизал-Дон* с притоками и река *Архон*.

Ниже Ардона в Терек впадают незначительные и пересыхающие летом речки *Дурдур* и *Шугуля*, или *Змейка*, затем *Урух*.

Урух, берущий начало со Снегового хребта несколькими истоками, течет в тесном и лесистом ущелье до впадения с левой стороны речки *Сохало-Дон*, которая служит границей между Большой Кабардой и Дигорским сообществом осетинского племени. Выйдя на равнину, Урух разделяется на несколько рукавов, которыми и впадает в Терек. Принимая несколько притоков, река эта отличается обилием воды и в устье часто затопляет окружающую территорию. Берега этой реки на всем протяжении покрыты густым лесом, открытых полей немного.

За Урухом в Терек впадают весьма незначительные и протекающие в топких берегах речки *Ардуган* и *Думаковка*, а за ними *Малка* с ее обширным бассейном.

Малка, главнейший приток Терека с левой стороны, берет начало с подошвы Эльбруса двумя истоками, правый образует замечательный водопад Кенрек, а при левом находятся два ключа кислосернистых минеральных вод. Оба истока сливаются вместе водопадом и, соединившись, получают название Малки. До впадения речки *Хасаута*, Малка имеет северное направление, течет между отвесными скалами, а затем, повернув на восток, протекает в тесном лесистом ущелье и служит границей между Кабардой и казачьими поселениями. Горные уступы, постепенно понижающиеся, сопровождают эту реку с правой стороны на всем ее протяжении до поста Известнобродского, а слева до станицы Марьинской; затем высоты переходят на левый берег Малки до самого ее впадения в Терек, а правый берег, сделавшись низменным, покрыт лесом и мелким кустарником. Выйдя на равнину, Малка течет широким руслом, отделяет много рукавов и во время половодья разливается у устья преимущественно по правой долине, образуя при этом болотистые пространства, заросшие камышом.

Протекая большую часть длины среди высоких гор, Малка имеет значительную глубину, особенно там, где не стеснена скалами, и оттого на всем ее протяжении встречается мало бродов, удобных для переправы. Из притоков Малки с левой стороны примечательны *Хасаут* и *Кичмалка*, почти до самого устья протекающая в тесных скалистых ущельях, покрытых лесом, и из-за недоступности берегов неудобная для переправы даже и пешему.

С правой стороны Малка принимает *Баксан*, самую значительную реку в Кабарде, вытекающую с южного склона Эльбруса. От истока и до Баксанского укрепления она течет то в тесном скалистом ущелье, то по горной долине, а ниже укрепления поворачивает на восток, извиляется по Кабардинской плоскости, течет широким руслом в невысоких берегах и разделяется на рукава, которые в низовье окружены лесом. Воды Баксана обильны и чрезвычайно быстры, особенно в половодье, тогда река ворочает большие каменные глыбы и переправа через нее невозможна.

И в Баксанском ущелье, и по выходе из Черных гор Баксан принимает множество ручьев и речек, некоторые, как, например, *Черек* и *Чегем*, впадающие с правой стороны, весьма значительны.

После Баксана *Черек* можно считать главнейшей рекой в Кабарде. Выходя из гор Балкарского сообщества, Черек течет между каменистыми берегами, только изредка покрытыми лесом. Прорвавшись через Черные горы, он переходит в гористую долину, покрытую густым строевым лесом. Приняв здесь притоки справа и слева, Черек образует несколько каскадов и ниже устья реки *Хоа* разделяется на рукава, которыми и впадает в Баксан. Из-за значительной быстроты и глубины переправа через эту реку весьма опасна.

Другой приток Баксана, река *Чегем*, течет в не менее скалистом ущелье, покрытом вековыми соснами. По выходе из Черных гор Чегем течет в узкой долине, постепенно расширяющейся и покрытой справа густым лесом, а слева открытой.

Выйдя на Кабардинскую плоскость и приняв восточное направление, Чегем бежит по лесистой местности в плоских берегах и, разделившись на несколько рукавов, впадает в Баксан. Хотя река эта неглубока, имеет много бродов, но переправа во время половодья из-за быстроты течения не только затруднительна, но и опасна.

Ниже впадения Малки Терек, прилегая к безводной степи Прикаспийской равнины, не принимает ни одного притока. С правой же стороны в него впадает незначительная и пересыхающая в некоторых местах речка *Камбилеевка* и еще менее значительные реки *Кури* и *Истису* (горячая вода). Главным притоком Терека с этой стороны является бассейн *Сунжи*.

Сунжа берет начало в Черных горах из двух истоков – Большой и Малой Сунжи. По соединении обоих истоков Сунжа течет на север между лесистыми хребтами в крутых и каменистых берегах. Выйдя на равнину в 5 верстах ниже Сунженской станицы, воды Сунжи теряются в каменистом русле и появляются опять несколькими потоками лишь на 12 верст ниже, у аула Экажева. Русло этой реки между станицей Сунженская и Экажевым аулом наполняется водой только во время таяния снегов в горах или после сильных дождей, а в остальное время остается сухим. По выходе из гор до станицы Карабулакская Сунжа сохраняет северное направление, причем слева к ней прилегает Надтеречная равнина, а справа почти к самому ее руслу подступают горы. От станицы Карабулакская она поворачивает на восток и затем сливается с Терекком.

Сунжа, по большей части зажата между крутыми берегами, имеет весьма быстрое течение. Оттого переправы через нее затруднительны и устроены только в некоторых местах. Берега этой реки от выхода из гор и до Казак-Кичинского поста открыты, а далее до самого устья справа к ней прилегают леса Большой и Малой Чечни, образующие в некоторых местах открытые поляны, в особенности около крепости Грозной. Главенство над местностью принадлежит левому берегу, а правый, низкий, ежегодно затопляют разливы многочисленных притоков Сунжи. Вода в Сунже прибывает внезапно и в значительном объеме, бывает, что после сильных и продолжительных дождей уровень воды поднимается на две сажени. Это случается преимущественно в апреле и мае, но и тогда вода в Сунже безопасна для здоровья и приятна на вкус.

Почти каждый год Сунжа замерзает, но некоторые участки из-за быстрого течения никогда не покрываются льдом.

Реки, составляющие бассейн Сунжи и орошающие Большую и Малую Чечню, можно разделить на две категории. К первой относятся те, которые стекают с Сулако-Терского водораздельного хребта, прорываются через ущелья Черных гор, быстро струятся по равнине в пологих и одинаковой высоты берегах и образуют множество мелких островов. В устьях эти реки, разделяясь на рукава и постоянно мелея от наносимых с гор камней, ила и песка, мало-помалу затопляют низменные места при своем впадении в Сунжу. Все они по причине песчаного и твердого грунта преодолимы вброд, тем более что глубина и ширина их в обычное время незначительны, но при быстром подъеме воды из-за дождей или таяния снегов переправа через них прекращается не только для пеших, но и для конных. От сильного напора воды во время разливов русла этих рек весьма часто меняются, а с ними изменяются и броды, так что после каждого разлива необходимо проверять старые и отыскивать новые броды. К числу этих рек относятся: 1) *Леса*, протекающая то в скалистых, то в плоских берегах, большей частью покрытых густым лесом, и принимающая множество притоков, из которых наиболее примечательна река *Фортанга*, впадающая со своими притоками с правой стороны; 2) *Гехи* со своим рукавом *Шавдопом*; 3) *Мартац*; 4) *Аргун*, образующийся из слияния Шаро-Аргуна с Чанты, или Шато-Аргуном; 6) *Хулхулау*, приток *Гудермеса*.

Ко второй категории относятся те реки, которые берут начало в Черных горах и в ближайших к ним отростках Главного хребта. Такие реки текут медленно, одним руслом и имеют вид широких канав. При впадении они не раздробляются на рукава и при разливах не затопляют так сильно правый берег Сунжи. Имея илистое дно, реки эти хотя незначительны по глубине, но затруднительны для переправы вброд, зато устройство мостов через них не представляет особых затруднений. Во время половодья прибыль воды в реках этого разряда незначительна, поэтому они не прокладывают себе нового русла и текут постоянно в одних и тех же берегах. К этому разряду относятся: *Валерик*, или *Вайрик*, все притоки *Фортанги* и *Мартана*; *Гойта* с ее притоком *Енгелик*; *Басс* с *Джалкой* и, наконец, *Гудермес*, или *Гумс*, с его притоком *Мичик*.

Верховья всех рек, составляющих бассейн Сунжи, протекают в ущельях, покрытых сплошным лесом, образующим местами небольшие поляны, очищенные жителями для хлебопашества.

Восточнее Терека по Кумыкской равнине протекает много рек, не достигающих Каспийского моря и теряющихся на заболоченных пространствах. К их числу относятся *Аксай*, *Яман-Су*, *Ярык-Су* и *Акташ*. Все они берут начало на Сулако-Терском хребте, протекают по территориям сообществ Ичкери, Аух и Салатау, преимущественно в тесных и скалистых ущельях, покрытых лесом. По выходе на Кумыкскую равнину берега этих рек становятся плоскими и болотистыми, и в некоторых местах их покрывает редкий лес или кустарник.

Обилие вод и теплый климат делают полосу земли, по которой протекает Терек с его многочисленными притоками, весьма плодородной, за исключением немногих мест, имеющих степной характер. Богатый слой чернозема покрывает большую часть этой территории и, перемешанный с жирной и плодородной глиной, способствует развитию хлебопашества. Из злаков рожь, пшеница разных сортов, ячмень, гречиха, овес, просо, лен, кукуруза, конопля, дающая отличную пеньку, замечательную своей прочностью, и, наконец, рис – все это дает обильные урожаи и щедро вознаграждает труд земледельца.

В горах имеются руды, а на равнине нефть, минеральные источники и залежи каменного угля составляют естественное богатство края. Вся страна покрыта лесом, которым преимущественно изобилует Большая и Малая Чечня, в котором попадаются плодовые деревья, растущие в диком состоянии. Лесные яблони, прививная слива, груша, тутовое дерево и, реже прочих, айва лучше всего указывают, что страна эта пользуется всеми выгодными условиями климата, способствующего садоводству и огородничеству. Кроме всех видов овощей, культивируемых в России, по обильным урожаям и их важности в рационе жителей заслуживают

внимания арбузы и дыни. По своей незначительной цене они доступны представителям всех классов, а для людей рабочих в безводной степи арбузы заменяют и пищу, и питье. Виноград разводят здесь с большим успехом, в особенности около города Кизляра. Здесь же, и вообще по Тереку, там, где земля сухая и песчаная, растут каперсовые кусты, разные породы крушины, желтак или желтинник, однолетний хлопчатник, кунжут, марена, растущая в степи около Терека в диком состоянии, разного рода целебные и фармацевтические травы: черешковый ревень, вероника, бузина, цикорий, солодковый корень и прочие растения составляют значительный источник дохода для многих, кто занимается их промышленным разведением.

Обширные луга, обильный подножный корм, которым скот может пользоваться почти круглый год, не доставляя хозяину забот о прокормлении стад, с давних пор способствовал развитию коневодства. Почти каждый кабардинский князь, каждый уздень и даже многие из простолюдинов имеют табуны или небольшие заводы лошадей под собственным тавром.

Горские лошади легки на ходу, приучены ко всякого рода лишениям, выносливы, привычны к продолжительному труду и крепки на ноги.

Скотоводство также составляет исключительное богатство жителей. Волы служат главным перевозочным средством, а здешние овцы составляют, можно сказать, единственную пищу как горских народов, так и крестьян, причем особенности трав делают их мясо очень вкусным и нежным.

Все сказанное о щедрости природы относится, разумеется, больше к равнинам и нижним уступам Черных гор.

Самые возвышенные места, относящиеся к умеренной полосе, лежат в горных котловинах между хребтом Черных гор и отрогами Водораздельного хребта. Летом жара достигает здесь 25 градусов по Реомюру, а в декабре и январе температура опускается до 20 градусов и 30 градусов. Жаркие дни стоят, впрочем, недолго, их охлаждают ветры и дожди, а весной, по утрам, часто бывают морозы. На восток, ближе к Каспийскому морю, жара усиливается, и во многих местах зной становится нестерпимым. На Кабардинской равнине, в Чечне и других местах по соседству от Черных гор жаркие дни освежаются порывистыми горными ветрами. Переход от дневной жары к холодной ночи чрезвычайно резок, и случается, что после 30 градусов тепла ночью термометр падает до нуля. Столь резкий переход имеет большое влияние на здоровье жителей. Близость Черных гор, покрытых снегом, делает на Кабардинской и Чеченской равнине зимы более суровыми.

Воздух благоприятен и здоров как для туземцев, так и для временных жителей. В местах болотистых, покрытых камышами, где происходит гниение, и близ рек с топкими берегами климат вреден для всех. К числу таких мест надо отнести обе дельты – Кубани и Терека.

Возвышенные места, где не бывает сильной жары, где воздух освежается частыми ветрами, и места, изобилующие лесами, считаются самыми здоровыми и не имеющими никаких эпидемических болезней. К таким местам относятся все горные котловины, большая часть Кабардинской равнины, равнины Большой и Малой Чечни и вся территория, примыкающая к уступам Черных гор.

Низменности, как, например, пространство, прилегающее к Тереку от Кизляра до его устья, равнина между Терекком и Сунжей, часть Кумыкской равнины, примыкающая к морю, Закубанского пространства, прилегающего к плавням, и прочее считаются местами наименее здоровыми.

По мере подъема в горы климат делается более и более здоровым, но только до известного предела, за которым он переходит сначала из умеренного в холодный, а потом в суровый, подобный климату Заполярья. Переход этот не резкий, постепенный. Так, склоны Черных гор, находящихся на значительной высоте над уровнем моря, покрыты преимущественно густыми хвойными лесами. Там снег лежит уже шесть месяцев, а в остальную половину года быстро

сменяется весна, лето и осень, но травы достигают еще полного роста и служат обильным кормом для скота.

Еще выше климат становится суровее, так что человек здесь уже не строит жилищ, а старается спуститься в глубокие долины этих гор.

На многих вершинах Черных гор и на некоторых второстепенных боковых хребтах, отходящих от снежного кряжа, климат положительно холодный. Там снег лежит десять месяцев, и оттого природа крайне бедна, кое-где виден только чахлый кустарник, мох и другие полярные растения. За двухмесячное лето вершины покрываются травой, не достигающей полного развития, каждую ночь бывают морозы и земля покрывается инеем. Полоса эта, как не представляющая никаких средств к существованию человека, относится к числу необитаемых.

По мере подъема на высоты Кавказского хребта, покрытые вечным снегом, органическая жизнь совершенно исчезает и глазу представляются только снег да скалы, лишённые всякой растительности.

Такой вид имеют горы, если следовать на юго-восток по Главному хребту от горы *Барбало* до горы *Баба-Даг*. На этом пространстве Кавказские горы достигают наибольшей высоты, так что вершины их постоянно выше снеговой линии, начинающейся здесь с 11 тысяч футов, а средняя высота самого хребта превышает 8 тысяч футов. Несмотря, однако же, на это, снег в течение всего года сохраняется только в котловинах и впадинах и редко на вершинах, так как последние из-за остроконечности и скалистости ребер не удерживают на себе снега. Большая часть хребта освобождается от него в середине июня, а в начале сентября верхние части гор почти на всем протяжении снова покрываются снегом, и в то время, когда у подножия цветет роскошнейшая зелень, на перевалах свирепствуют метели и вьюги, а по ночам морозы достигают иногда десяти и более градусов. Дагестан (от слова *даг* — гора), большей частью занятый горными пространствами, не имеет значительного числа больших рек, а орошается множеством горных ручьев. Горные речки Дагестана, часто срываясь с высоты огромной горы, образуют великолепные водопады, шум которых слышен издали. Падая почти с отвесной скалы, пробивая себе дорогу в дремучем лесу, опрокидывая на своем пути деревья и прыгая с камня на камень, горный поток вновь падает с голого утеса на новый уступ и дробится на мельчайшие брызги. Беспреданно извиваясь и проходя то под одной горой, то под другой, горная речка часто заставляет путника несколько раз переправиться с одного берега на другой, и не всегда безопасно: лошади спотыкаются, то оступаясь в ямы, то натываясь на камни, запруживающие все русло реки.

Соединяясь вместе, горные ручьи составляют те немногие реки, которыми и орошается весь Дагестан. Реки Дагестана берут начало преимущественно с северного склона Главного хребта, имеют северо-восточное направление, текут в глубоких котловинах, словно в трещинах, окруженных со всех сторон малодоступными горами. Все они известны под общим именем *Койсу*. Таких Койсу четыре: *Андийское*, *Аварское*, *Казикумухское* и *Кара-Койсу*. Все они сливаются в один поток, который, получив название Сулак, уносит их воды в Каспийское море. Другим собирательным рукавом для рек Дагестана служит *Самур*, берущий начало с восточных склонов горы Гудур.

Сулак и Самур с их притоками, можно сказать, единственные реки, орошающие весь Дагестан, только незначительная полоса земли, прилегающая к морю и лежащая между устьями этих двух рек, орошается речками, берущими начало на восточных склонах Койсубулинского хребта и несущих свои воды непосредственно в Каспийское море.

Бассейн Сулака значительно обширнее бассейна Самура, занимая около двух третей территории всего Дагестана, он омывает его самую суровую часть, известную под именем *Нагорного*. Страна эта отделяется от прочих частей Кавказа высокими и малодоступными горами, через которые есть всего несколько доступных для сообщения перевалов.

Сулак составляется из двух рек – *Андийского* и *Аварского Койсу*. Андийское Койсу берет начало на Главном хребте несколькими истоками, которые, собравшись на дне котловин Тушинской и Дидойской, текут в Ункратль и, слившись у селения Сотль, получают название Андийского Койсу. Тот исток, который, взяв начало у горы Барбало, следует по Тушинской котловине, называется *Дагестанской*, или *Перикательской*, *Алазанью*, а исток Дидойской котловины, берущий начало у горы Кодор, известен под грузинским именем *Ори-Цхали* — две воды. Андийское Койсу до слияния с Аварским, за исключением нескольких горных потоков, не принимает в себя ни одной заслуживающей внимания реки. Приближаясь к Аварии, река эта течет в утесистых и малодоступных берегах, так что переправа вброд возможна только в самом верхнем ее течении, да и то в немногих местах, в среднем же и нижнем переправа возможна только по мостам, длина Андийского Койсу не превышает 150 верст.

Аварское Койсу берет начало у подножия гор *Акимала* и *Сари-Даг* и тоже несколькими истоками, из которых наиболее примечателен *Джурмгут-Чай*. Протекая на высоте около 8 тысяч футов над уровнем моря параллельно Главному хребту до Андухского сообщества, Аварское Койсу делит область между Главным и боковым хребтом на две части, резко отличающиеся одна от другой: правая сторона заселена и удобна для обработки полей, левая камениста, бесплодна и покрыта довольно густым лесом. На этом пространстве Аварское Койсу принимает с левой стороны реки *Бежити-Эхоль-орг*, омывающую лесистое Капучинское сообщество и, после слияния с несколькими реками, теряющую свое название. «В Дагестане вообще, — пишет г. Воронов, — речкам и рекам не присвоено каких-либо собственных, единичных названий: всякая речка есть вода (тлар, герх, вац, озень, чай, нехи и т. д.), и к этому слову прибавляется имя селения или же общества, через которое она течет». Оттого и река Бежита не имеет одного определенного названия по всему течению.

Прорезав проход в снеговом хребте близ селения Ратлуха и встретив на своем пути скалы хребта *Талакори*, Аварское Койсу поворачивает на восток и, приняв у Койсубулинского селения Могоха реку *Казикумукское Койсу*, орошает Койсубулинское сообщество. Здесь, протекая в полном смысле между отвесными скалами, вздымающимися на несколько тысяч футов по обеим сторонам, и принимая все более и более северное направление, Аварское Койсу сливается с Андийским Койсу несколько ниже развалин селения Ашильты и верстах в десяти ниже разрушенного замка Ахульго. В среднем и нижнем течении Аварское Койсу окружено скалистыми берегами, неудобными для жизни и оттого малонаселенными. Переправиться вброд через эту реку затруднительно, это возможно только благодаря постоянным мостам, которых построено несколько. Будучи самой главной рекой во всем Дагестане, Аварское Койсу течет весьма быстро, имеет сильный напор воды, в особенности в весеннее время, и принимает в себя множество притоков. Последние из-за мелководности не заслуживают подробного описания, за исключением Казикумукского Койсу, впадающего с правой стороны.

Казикумукское Койсу берет начало на горе Дюльта-Даг в бывшем Казикумукском ханстве, от которого и получило свое название. Хотя река эта довольно быстра, она преодолима вброд там, где позволяют берега, которые в ее верхнем течении довольно пологи и совершенно безлесны, но удобны для возделывания и предоставляют обильные пастбища. За Кумухом горы подходят к обоим берегам, отчего последние делаются более каменистыми и бесплодными. Под Цухадаром Койсу пробивает себе узкий трехсаженный проход, длина которого не превышает 50 сажен, течет под нависшими скалами, а между селениями Таш-Кепур и Ходжал-Махи совершенно исчезает и проходит несколько сажен под землей. В этом месте природа перебрала с одного берега на другой естественный мост. Берега здесь соединяются, так что верхняя часть представляет настил моста в два-три фута толщиной, а нижняя образует арку, под которой и протекает скрытая от глаз река.

Отсюда Казикумукское Койсу поворачивает на запад, доходит до Гергебильских террас, приняв с левой стороны бурную и непроходимую вброд реку *Кара-Койсу*, вытекающую с тер-

ритории сообщества Тлейсеруха, стремительно спускается в Кикунинское ущелье и у селения Могоха Койсубулинского сообщества впадает в Аварское Койсу. Ниже Кумуха для переправы через Койсу устроено несколько мостов, так как отсюда река становится трудно преодолимой вброд. Из рек, впадающих в Казикумухское Койсу с правой стороны, заметны *Кюлюли-Чай* и *Акушинка*.

Слияние Андийского и Аварского Койсу дает начало Сулаку, который, оторвав в этом месте Койсубулинский хребет от Салатау (часть Сулако-Терского водораздельного хребта), «прокладывает себе глубокую впадину, один вид которой в состоянии привести в трепет» и ширина которой в некоторых местах не превышает трех сажен. Неподалеку от селения Чир-Юрт Сулак, с шумом вырываясь на равнину, расширяется и начинает образовывать островки. На расстоянии почти 30 верст он стремится к северу до Казияуртовского укрепления, потом, описав пологую дугу и повернув на восток, Сулак совершенно теряет характер горной реки: течение становится плавным, ширина и глубина его делаются значительными, берега низкими, в весеннее время река местами разливается на 100–200 сажен, и тогда бродов на ней не существует. В устье Сулак заболачивается и зарастает камышом.

После четырех Койсу и Сулака главное место среди рек Дагестана занимает *Самур*, который имеет два истока: *собственно Самур*, берущий начало в горах Гудур-Даг и Акимал на высоте около 9 тысяч футов, и *Кара-Самур*. Протекая около 290 верст, до выхода из гор близ укрепления Хазры Самур зажат горами, и во многих местах берега его представляют собой огромные отвесные скалы. За Хазрами русло Самура расширяется, река начинает образовывать острова и впадает в море четырьмя рукавами, главный из которых у Яломы достигает 490 сажен в ширину.

Миновав верхние области Элисуйского владения, Самурский округ и часть Кюринского владения, до самого впадения в Каспийское море Самур выступает границей Кубинского уезда. В верховьях река эта почти везде проходима вброд, и берега ее удобны для переправ, но в среднем и нижнем течении значительная быстрота течения, совершенно плоские берега, отчего при резкой прибыви воды она разливается на большое расстояние, лишают возможности устроить прочные мосты. Переправа возможна не иначе как вброд, хотя из-за быстрого течения иногда это бывает крайне затруднительно. Летом из-за дождей и таяния снега вода так сильно поднимается, что переправиться через Самур можно только в определенных местах, да и то с большим риском. В недалеком прошлом в течение мая, июня и июля почта переправлялась через Самур только в арбах (двухколесные туземные повозки), запряженных буйволами, так как только эти животные способны устоять против сильного напора воды.

Кроме Кара-Самура (Ихрек-Чая) из притоков, впадающих в Самур с левой стороны, стоит упомянуть только об одном, речке *Шипаз-Чай*, протекающей по широкому ущелью того же названия, которая, перевалив через Салават-Даг, выходит в Джаро-Балаканский округ Шинским ущельем, а с правой стороны в Самур впадает *Ахты-Чай*, по ущелью которого проложена Военно-Ахтинская дорога.

Самур и Аварское Койсу делят Дагестан на три части. Пространство, лежащее между Апшеронским мысом и рекой Самур, называется *Южным Дагестаном*, между Самуром, Аварским Койсу и южной границей владений шамхала Тарковского, – *Средним Дагестаном*, и, наконец, остальная часть, к северу от Среднего Дагестана, называется *Северным Дагестаном*.

Берег Каспийского моря между устьями Самура и Сулака, как мы сказали, орошается множеством ручьев и речек, стекающих с гор Дагестана и несущих свои воды непосредственно в море. Из них наиболее примечателен *Чирах-Чай* с притоком *Курах-Чай*. Протекая до селения Касим-Кента в горах, Чирах-Чай служит границей южной Табасарани и Кюринского ханства. Приняв потом название *Гюллар-Чай*, он впадает в море. Кроме того, на означенном пространстве протекают *Рубас-Чай*, главная река вольной Табасарани, отделяющая ее от Казикумух-

ского ханства, *Бугин-Чай*, отделяющий верхний Кайтаг от нижнего, и *Шура-Озень*, которая, минуя селение Кумтер-Кале, впадает в море недалеко от Озенского поста.

Озер в Дагестане немного, а все, которые есть, расположены в прибрежной части и, будучи солеными, по незначительности своей не заслуживают внимания. В горах известны только Технуцальское озеро в сообществе того же названия у селения Конхидатль и озеро Хупро в Дидойском сообществе. В устьях рек на берегу моря в некоторых местах встречаются болота, но и те незначительны, за исключением находящегося между рекой *Кара-Су* и низовьем Сулака, которое простирается на 500 квадратных верст⁴.

Дагестан страна безлесная, лес там большая редкость, и жители очень его берегут. Склоны гор хотя и покрыты во многих местах вековыми соснами, но они растут или на значительной высоте, или в таких труднодоступных местах, что едва ли когда-нибудь станет возможной их добыча. Лесом изобилуют преимущественно Кубинский уезд, Табасаран и Кюринское ханство. Небольшими участками он встречается в северо-прибрежной части Дагестана около Чир-Юрта, Губдени, Дешлагара и др. Северо-восточные отроги Койсубулинского хребта почти сплошь покрыты лесом.

В таком краю, как Дагестан, где горные кряжи, то сталкиваясь и переплетаясь между собой, то расходясь в стороны, образуют бесчисленные котловины, долины, ущелья и высокие плато, не может быть одинакового для всех областей климата. Дикие и скалистые хребты гор, то запирая выход холодному воздуху, то защищая от него низменные места, которые прогревает солнце, способствуют чрезвычайному разнообразию климатических условий, а следовательно, и большому разнообразию растительности. Ни одна страна в мире не представляет на столь тесном пространстве такого климатического разнообразия.

В горах каждое место имеет свой собственный климат, не соответствующий ни географическому градусу широты, ни абсолютной высоте места, ни близости моря, снеговых вершин или лесов. Тут все зависит от расположения гор, ущелий и склонов, направляющих ветры: теплые или морозные, постоянные, случайные или периодические. Встречаются долины с жарким климатом и с очень холодным. В долинах, защищенных от ветра со снегового хребта, климат жаркий. Тут растет дикий виноград, хлопчатник, шелковица, рис и марена. Но стоит только перевалить на противоположную сторону хребта, и долина, расположенная по другую сторону, прямо напротив ущелья, из которого дует холодный ветер, продемонстрирует климатическую суровость, там хлеб вымерзает на корню. Выпадение снега среди лета в горах не редкость, точно так же, как не редкость гроза глубокой осенью, страшная оглушительными раскатами грома в горах и обвалами камней, сорванных с высоких вершин сотрясанием воздуха⁵.

Низменные долины, защищенные от ближайших снеговых гор гигантскими утесами, имеют теплый климат, в пяти верстах на плато климат наших северных губерний, а еще выше – зимняя стужа, метель и глубокие снега.

На вершинах гор и в прилегающих к ним котловинах климат по своей суровости напоминает далекий Север, а в низменных местах и ущельях накаленный солнечными лучами воздух становится удушливым. Весна в горах начинается в апреле – мае, а на равнине, ближе к морю, деревья расцветают уже в феврале, хотя март и здесь по большей части холоден и дождлив.

Снег в горах выпадает в середине октября, и случается, что он несколько раз сходит, а иногда лежит до весны. Зимы в горах суровы и напоминают русские морозы. Вообще же климат Дагестана чрезвычайно здоров, нездоровые места встречаются весьма редко, преимущественно

⁴ *Неверовский*. Краткий взгляд на северный и средний Дагестан. СПб., 1847; *Забудский*. Военно-статистическое обозрение Ставропольской губ. СПб. 1851; *Обзор* послед. событий на Кавказе // Воен. сбор. 1859. № 10; *Берже Ад. П.* Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859; *Околыничий*. Перечень событий в Дагестане // Воен. сбор. 1859. № 1; *Веников*. Очерк пространства между Кубанью и Белой; Его же. Несколько данных для описания Северо-Западного Кавказа // Записки Импер. Рус. геогр. общ. 1863. Кн. II.

⁵ Дорога от Тифлиса до Владикавказа // Кавказ. 1847. № 33; Покорение Кавказа // Русский вест. 1860. № 11.

в низменностях, окруженных болотами, и в некоторых ущельях, где нет свободного движения воздуха. Господствующими болезнями таких мест можно назвать лихорадку и цингу.

В северо-прибрежной части Дагестана климат достаточно переменчив, лето дождливое и иногда обильное холодными туманами. Южная же прибрежная часть Дагестана имеет много сходства с климатом Закавказья, орографическое, гидрографическое и климатическое описание которого будет дано в следующей главе.

Глава 3

Орографический очерк южного склона Главного хребта. Орографический и гидрографический очерк Закавказья. Характер местности, ее производительность и климатические особенности. Несколько слов о племенах, населяющих Кавказский перешеек, и местах их поселения

Закавказье, или пространство, лежащее по южную сторону Водораздельного хребта до государственной границы с Персией и Турцией, занято южным склоном Кавказского и другими хребтами, непосредственно с ним связанными.

Южный склон Главного Водораздельного хребта, занимая около 1150 квадратных миль, то есть немногим менее одной трети всего Закавказского перешейка, достигает наибольшего орографического развития в средней части и наименьшего по обоим концам, выходящим к Черному и Каспийскому морям.

Начинаясь от побережья Черного моря, южный склон имеет малую ширину, но большую крутизну и состоит из контрфорсов, примыкающих к главному гребню преимущественно под прямыми углами и образующих точно такую же передовую цепь, какая расположена на северном склоне Водораздельного хребта. Цепь прорывается потоками, берущими начало на Главном хребте и протекающими в тесных ущельях, в глубоких долинах, вследствие этого им присущ чрезвычайно быстрый подъем воды, и в такое время их трудно перейти вброд. На пространстве между 59 градусами и 63 градусами широты южный склон довольно широк, но далее, постепенно сужаясь, спускается на юг невысокими, но длинными Бакинскими кряжами.

В западной части Главного хребта у горы *Паси-Мта* начинается *Сванетский* кряж с его контрфорсами и вершиной *Дадиаш*, который идет в западном направлении.

Некоторые из его вершин покрыты вечными снегами. Между Главным и Сванетским хребтами находится богатая ледниками долина *Ингура*, протекающего в глубоком ущелье. Долина носит название *Верхней Сванетии* и имеет в длину до ста двадцати, а в ширину 40 верст.

Отроги Сванетского хребта, пересекаясь в разных направлениях, образуют *Кодорскую* долину, по которой протекает река *Кодор*, тесное, глубокое ущелье, по которому протекает река *Цхенис-Цхали*, и, наконец, ущелья, лежащие между реками *Ингур* и *Хопи*, *Хопи* и *Техур*, *Цхенис-Цхали* и *Рион*.

На границе *Рачинского* уезда с *Шаропанским* (в *Имеретин*) пролегает *Рачинский* кряж, образующий южную окраину продольной долины *Риона* и составляющий последний из отрогов, примыкающих, у горы *Зикари*, к Главному хребту под острым углом. *Рион* отделяет его от горы *Хвомль*. Самое большее возвышение *Рачинского* хребта не превышает 9389 футов, склоны его занимают все пространство между *Рионом* и *Квирилой*.

На всем протяжении от горы *Барбало* до *Баба-Дага* Главный гребень обращает к югу крутые контрфорсы, которые, простираясь в длину на 15–25 верст, образуют долины рек *Алазань* и *Агрычай*. Восточнее *Баба-Дага* южный склон состоит из длинных контрфорсов Главного хребта, которые сначала имеют довольно значительную высоту и крутизну, а потом, к югу от горы *Шемахи*, пролегают в виде невысоких водораздельных кряжей между реками *Нижняя Кура*, *Пиресенат*, *Джеран-Кечмас* и *Сумгаит-Чай*, кряжи эти известны под именем *Бакинских* или *Шемахинских* гор.

Почти посередине к южному склону Главного Кавказского хребта примыкают *Грузино-Имеретинские* горы, которые, следуя в юго-западном направлении, соединяются с горами *Малого*, или *Нижнего*, Кавказа и служат водоразделом для Черного и Каспийского морей.

Малым, или Нижним, Кавказом называют гористую область Закавказья, начинающуюся от турецкой границы и тянущуюся до *Нижне-Курской* равнины.

Область эта ограничена с юга долиной Аракса, а с севера долинами Риона и Куры, которые отделяют ее от собственно Кавказских гор.

Малый Кавказ состоит из плоскогорий и горных хребтов, некоторые поднимаются выше лесной полосы, а большинство представляют бескрайние луга, пригодные для пастбы огромных стад кочующих народов. Плоскогорья Малого Кавказа орошаются множеством источников, известных под именем *Карасу*, или *Черные воды*.

Самую северную часть Малого Кавказа представляет горная цепь, простирающаяся от Черного моря до Тифлиса. Лесистое Боржомское ущелье, начинающееся у местечка Ацхуры и заканчивающееся у развалин древнего Боржомского укрепления, делит эту цепь на две части: западную, известную под именем *Ахалцихо-Имеретинские* горы, не превышающие высоты 9343 футов, и восточную, которая носит название *Триалетские* горы, которые не превышают 9351 фута.

Ахалцихо-Имеретинский хребет, примыкая восточной оконечностью к Грузино-Имеретинскому, образует Сурамский перевал (3027 футов), по которому проходит Военно-Имеретинская дорога. Западная оконечность Ахалцихо-Имеретинского хребта является естественной границей Озургетского уезда Кутаисской губернии с Турцией. Хребет имеет в верхней части крупные и открытые склоны, по мере понижения склоны становятся более пологими и покрываются лесами, на северной стороне они достигают необыкновенной мощи. Перевалы через этот хребет весьма затруднительны даже в летнее время.

От впадения в Куру речки Посхов-Чай в семи верстах к востоку от Ахалциха и до Тифлиса, на протяжении 130 верст, тянутся *Триалетские горы*. Северный склон этих гор имеет значительную крутизну и на всем протяжении покрыт лесом, южный склон более широк и гораздо более пологий. Триалетские горы соединяются с *Сомхетскими* (Акзыбюкскими), *Безобдальскими*, *Эсаульскими* и *Мадатапинскими*, разграничивающими Ахалцихский и Александропольский уезды. Притоком Арпа-Чая, речкой *Казанчи*, эти горы отделены от пограничных с Турцией Чалдырских гор.

Сомхетские горы занимают пространство, ограниченное реками *Орозман*, *Машавера*, *Храм*, *Ворчала*, *Каменка* и *Джилга*. Плоскость, служащая основанием для Сомхетских гор, имеет значительный наклон к северо-западу, и оттого северные контрфорсы этой цепи гораздо длиннее южных.

Безобдальский хребет тянется на восток от Сомхетских гор и имеет одинаковые крутые склоны, причем северный покрыт лесом, а южный обнажен. Через Безобдал проходит единственная колесная дорога из местечка Караклиса в Джелал-Оглы, поднимающаяся до высоты 6680 футов, а самая высшая его точка, гора *Аглаган*, возвышается над уровнем моря на 9833 фута. Между Сомхетскими и Безобдальскими горами лежит совершенно ровная, плоская возвышенность, известная под именем *Дорийской* степи.

К югу от Безобдальского хребта на расстоянии около семи верст пролегает *Эсаульский* хребет с горой *Бугатанец* 8408 футов абсолютной высоты. Короткий контрфорс, идущий от Бугатанца, соединяется с западной частью длинного (около 220 верст) и высокого водораздельного кряжа, образующего с ним *Ах-Булакский* перевал, через который проходит почтовая дорога из Александрополя в Тифлис. Средняя абсолютная высота этого хребта достигает 9600 футов. Та часть хребта, которая идет на запад, известна под именем *Памбских* или *Памбакских* (Бамбакских) гор, а вся остальная часть, выступающая границей между Эриванской и Елисаветпольской губерниями, носит название *Армяно-Ганжипских* гор.

Северный склон у Памбакских гор крутой, причем западная его половина открыта, а восточная лесиста. Напротив, северный склон Армяно-Ганжинских гор довольно пологий и лесистый, а южный – крутой и узкий.

Между подошвами Памбакских и Безобдальских гор простирается возвышенная плоская долина, по которой протекает речка Бамбак, давшая название самой долине.

Один из отрогов, известный под именем *Мисханского* хребта, примыкая к южному склону Армяно-Ганжинских гор, образует вместе с ними высокую лесистую долину, которую орошает Мисхана (приток Занги), известную под именем урочища *Дарачичаг*. Почти на середине Мисханского хребта к нему с южной стороны примыкает небольшой *Шахсуарский* кряж, имеющий юго-восточное направление, а на юг от этого кряжа до города Эривани тянется холмистая возвышенность, бесплодная и каменистая, которую долина Занги отделяет от гор, образующих окраину Гокчинского бассейна, а долина Абарана – от горной массы Алагёза.

Название *Алагёз* носит гористая область, ограниченная с запада рекой Арпачай, с юга долиной Аракса, с востока долиной Абарана, а с севера речками Карабулаг, Гезалдара и Каранга.

«По направлению от северо-востока к юго-западу страна эта занимает около 70 верст, а по направлению от северо-запада к юго-востоку с лишком 60 верст. Северо-восточная ее часть, достигающая наибольшей высоты, представляется в виде обширного, плосковыпуклого конуса, а все остальное пространство есть не что иное, как холмистая плоская возвышенность, понижающаяся от подножия конуса, по направлению к Арпачаю и Араксу». Высочайшая вершина Алагёза достигает 13 436 футов, из-за пирамидальной формы и крутизны склонов все вершины его остаются свободными от снега.

Между подошвами Алагёза, Памбакских и Эсаульских гор и долиной Арпачая тянется полукругом *Александропольская*, или *Шурагельская*, плоская возвышенность, состоящая из трех частей – две совершенно плоские равнины, расположенные одна выше другой, а третья, средняя, представляет собой пологий и волнистый склон, служащий переходом от одной равнины к другой. Равнина эта имеет здоровый климат, плодородную почву и весьма хорошо заселена и обработана. Хотя зима здесь довольно суровая, по непродолжительная, зато лето продолжительно и почти всегда сопровождается ветрами и частыми небольшими дождями.

У горы *Инак-Даг* к Армяно-Ганжинскому хребту примыкает высокий водораздельный кряж, служащий исходной точкой трех довольно значительных рек: *Восточного Арпачая*, *Базар-Чая* и *Тертер-Чая*. Южной оконечностью хребет этот упирается в так называемые *Даралагезские горы*, а с западной его стороны у горы *Сарьяр-Сарчала* примыкает длинный ряд вулканических вершин, расположенных по направлению двух осей подъема: западно-восточному и северо-северо-западному. Вулканические вершины обусловили образование плоско-выпуклого плато, простирающегося от Восточного Арпачая до Занги и от Аракса до Гокчинского озера. Склон этого плато, обращенный внутрь угла, имея весьма незначительное падение и встречаясь со склонами Водораздельного хребта и Армяно-Ганжинских гор, образует обширную долину, на дне которой находится озеро *Гокча*, или *Севанга*, занимающее пространство в 1204 квадратных версты и имеющее в среднем около 6340 футов абсолютной высоты. Здесь встречаются только растения, свойственные Северной Европе. Быстрая смена температур, резкая противоположность времен года, частые и опустошительные бури, а летом град придают климату этого плато значительную суровость и несут угрозу урожаю.

К самым высоким вершинам этой местности относятся: высящийся у Нового Баязета конус *Агманган* (11 902 фута), *Кызыл-Даг* (11 823 фута), *Ах-Даг* (11 711 фут), *Гезаль-Дара* и др., в число которых входит и *Шах-Булаг* (11 308 футов).

К юго-востоку от Сарьяр-Сарчалы между Базар-Чаем и Акяра-Чаем, притоками Бергушета, располагается *Карабахская* возвышенность, простирающаяся своей продольной осью в юго-восточном направлении и имеющая в длину сто, а в ширину около 34 верст. Общий склон ее идет в юго-восточном направлении и в летнее время покрывается прекрасными кормовыми травами, дающими обильный корм стадам карабахских татар и курдов. Северная окраина Карабахского плоскогорья, образующего водораздел между верховьями Тер-тер-Чая и Базар-Чая, выступает началом высокого *Карабахского*, или *Шушинского*, хребта, пролегающего по границе Шушинского уезда. Его главные вершины *Михтюкан* (11 853 фута), *Кырх-Кыз* (9329

футов) и *Кире* (8988 футов) дают начала отрогам того же названия, образующим несколько долин и ущелий.

Плоская возвышенность, на которой расположено Гокчинское озеро, связана Водораздельным хребтом с *Даралагезскими* горами, ограниченными Восточным Арпачаем, Араксом, Базар-Чаем и Бергушетом. Даралагезские горы составляют самую южную часть Малого Кавказа и восточной оконечностью упираются в реку Аракс близ горы Ордубат. Средняя высота вершин этого хребта около 10 200 футов, а из главных вершин можно назвать *Капуджих* (12 854 фута), *Оражин* (10 562 фута) и *Кюки-Даг* (10 282 фута). Подходя к Араксу, Даралагезские горы стесняют Аракскую долину и, сближаясь с *Азербайджанскими* горами, на пространстве от Ордубата до Мигри превращают Аракскую долину в глубокое ущелье, дно которого усеяно огромными обломками скал, по которым Аракс несется с оглушительным ревом. Азербайджанские горы с одной стороны восточной оконечностью примыкают к *Тальишенским* или *Ленкоранским* горам, окружающим юго-западный берег Каспийского моря и составляющим нашу границу с Персией, а с другой соприкасаются с высоким *Агридагским* хребтом, пролегающим по границе с Турцией и примыкающим, в свою очередь, к системе *Арарата*, расположенной на границе трех государств – России, Персии и Турции.

Последняя состоит из двух конусов, северо-западный называется *Большой Арарат*, его высота достигает 16 915 футов, а юго-восточный – *Малый Арарат*, его высота 12 840 футов. Обе горы отделены друг от друга широкой долиной, лежащей на высоте 8800 футов и представляющей собой превосходное пастбище.

Переходя к гидрографическому описанию края, мы должны начать его с побережья Черного моря.

На всем пространстве от устья Кубани и до турецкой границы Черное море имеет только три бухты: Новороссийскую, Геленджик-скую и Сухумскую. Первые две обширны, глубоки и закрыты от морских ветров, но вход в них узок, и в обеих есть тот огромный недостаток, что они подвергаются действию бора – особого сильного берегового ветра. Бора дует с северо-востока, с силой бури срывается с горного хребта и, действуя под углом, наносит страшные разрушения на суше и на море: вырывает деревья, срывает крыши с домов, а суда – с двух и трех якорей, ломает мачты, бросает их на мель или разбивает о берег. Нередко бывало, что суда, поставленные на мертвый якорь, не выдерживали бору, срывались с него и разбивались.

Осенью бора сопровождается снегом и морозом, но вода в бухте никогда не замерзает.

О приближении бору можно узнать по следующим признакам: небо очищается, а на вершинах гор появляются облака, похожие на снег, затем с гор начинает порывами дуть ветер, которые, постепенно учащаясь, превращаются в сильную бурю. Стихая, бора переходит опять в порывы ветра, которые, постепенно ослабевая, оставляют между собой все большие и большие промежутки, а затем от хребта отделяется белое облако и уносится вверх.

Столь серьезный недостаток первых двух бухт является причиной того, что Сухумская бухта, хоть и обращена своим широким отверстием к морю, считается все-таки лучшей. Она не подвержена действию бору и, имея илистое дно, лучше удерживает якоря, чем две другие, где дно песчаное и каменистое.

Отсутствие хороших бухт на кавказском берегу является серьезным недостатком, зато вдоль всего берега нет ни мелей, ни подводных камней, так что суда могут идти совсем близко от побережья, богатого роскошной растительностью.

По мере возвышения Кавказский хребет отдалается от моря и за рекой Кодор совершенно расходится с морским берегом. Хребет уклоняется к востоку и отходит в глубь Кавказского перешейка, а берег, описав небольшую дугу к востоку, направляется на юг. К самому берегу горы подходят только у Суджукской, или Новороссийской, бухты, а далее отбрасывают к морю короткие и крутые ответвления.

В начале Кавказского хребта почти до самой Новороссийской бухты высота и крутизна гор незначительна, склоны пологи и местность открыта и безлесна. Речные долины широки и неглубоки, а оттого и сами реки незначительны. Больших рек здесь нет вовсе, а малых множество, и все они годятся для переправы вброд.

К югу от Новороссийска и до реки Шапсухо, в устье которой было построено Тенгинское укрепление, отрасли Главного хребта достигают значительной высоты, склоны их круты, изрезаны оврагами, а гребни остроконечны. Это пространство покрыто лесами и мало обработано, дорог, удобных для путешествия в экипаже, нет, в прежние времена сообщение шло по горным тропам.

Реки, протекающие здесь, однако же, не имеют характера горных. Наиболее значительные из них – *Пиада*, *Вулан*, *Джуба* и *Шапсухо* – текут тихо, в глубоких руслах, по широким долинам, они всегда полноводны и не меняют своего ложа. От Шапсухо и до реки *Соча* (Саше) местность становится еще более суровой. От Главного хребта в этом месте отходят к берегу массивные и изрытые оврагами утесистые отроги, разветвляясь, они наполняют пространство столь же крутыми и резких очертаний второстепенными отростками, образующими теснины и ущелья, покрытые, как и склонами гор, вековыми лесами. Здешные реки, сбегая с большой высоты по крутым склонам, очень стремительны. Главнейшие из них: *Туансе*, *Мокунсе*, *Псезуане*, *Шахе*, *Зюебзе* и *Соча*.

В обычное время не более трех четвертей аршина глубиной, реки эти допускают переправу вброд, но в период таяния снегов или во время дождей, которые в этой местности нередко выпадают в виде сплошной массы воды, они становятся непроходимыми. Впрочем, в такое время не только реки, но и все ложбины и впадины, обыкновенно сухие, превращаются в стремительные и разрушительные потоки.

Если же при быстром подъеме воды ветер дует с моря, то, несмотря на сильное течение, реки в устье задерживаются прибоем морских волн, кроме того, набрасывающих в устья много песка и гальки. Тогда горная река, остановленная в своем течении, выступает из берегов и прокладывает себе к морю новое русло в том направлении, где встречает меньше сопротивления, то есть под более или менее острым углом к направлению морской зыби. При перемене ветра меняется и направление волн, поэтому реки часто меняют свои русла, чему способствует мягкий грунт долин, который состоит преимущественно из наносного ила и щебня.

За долиной *Сочи* Главный хребет Кавказских гор отходит еще дальше от моря, значительно повышается, расширяется в основании и занимает широкую полосу земли. Его отроги понижаются к морскому берегу в виде террас или нагорных долин. Таких долин до окончательного поворота Кавказского хребта к востоку три: *Ахчинсоу*, *Псху* и *Цебельда*. В первой протекает река *Мдзымта*, впадающая в море. Река эта, хоть и берет начало на Главном хребте, но чрезвычайно мелководна. Вторая, Псхувская долина, со всех сторон окруженная горами, понижается к морю и выдается углом к укреплению Гагры. В верхней ее части, углубленной посредине, протекает река *Бзыбь*, которая, собрав воды со всех мест этой долины, несет их в море. Плоская возвышенность Псху прикасается одной стороной к *Цебельдинской* нагорной плоскости, которая отделяет северную часть Абхазии от южной. Цебельда, тоже окруженная горами, состоит из двух террас: верхней и нижней. Верхняя, прилегающая к Главному хребту, отделена от нижней поперечной грядой, идущей параллельно главной цепи. Воды этой террасы собираются в две реки – *Чхальту* и *Секеи*, которые, соединившись, падают на нижнюю террасу единым потоком, получающим название *Кодор*, которая спускается к морю несколькими уступами. Кодор питается многими притоками и, собрав их в одно русло, выходит в южную часть Абхазии, где, разделившись на несколько рукавов, впадает в Черное море. К южной стороне Цебельдинской террасы прилегает южная часть Абхазии и *Самурзакань*. Северная же часть Абхазии, вдающаяся углом между Псху и Цебельдой, пересекается многими горными цепями и стекающими с них речками. Почти все отроги гор не доходят здесь до берега, кроме одного,

который, отделившись от Псхувской террасы у середины ее южного края, подходит к морю и образует между собой и берегом моря Псыртскую теснину. Кряж этот, разделяя Северную Абхазию на две части, оставляет возможность сообщения между ними только через эту теснину.

Абхазию отделяет от Самурзакани река *Галидзга*, а Самурзакань от сопредельной ей Мингрелии – река *Ингур*.

По мере удаления Главного хребта в глубь материка и его повышения реки, берущие начало на его склонах, становятся длиннее и водами полноводнее. Таким образом, на прибрежном пространстве между долиной Сочи и Ингуром все реки имеют характер горных потоков, главные из них, берущие начало на Главном хребте, имеют значительную глубину, препятствующую переправе вброд. К их числу относятся *Бзыбь*, *Кодор* и *Ингур* с его притоками. Ингур образуется из слияния двух истоков – *Калуэ-тюбе*, стекающего с Главного хребта, и собственно Ингура, стекающего с отрога Карилыпад, который является западной границей Сванетии. Соединившись у селения Лахшуты, река получает общее название Ингур, длина которого более 150 верст. Средняя ширина реки по выходе из тесных ущелий составляет 15–20 сажен, а при устье – 40–50 сажен.

Через *Бзыбь* можно еще иногда перейти вброд у устья по песчаным наносам с моря; через *Кодор* существуют два, впрочем, весьма затруднительных брода: выше и ниже Дранды, а через *Ингур* нигде нет переправы. Значительная скорость течения, утесистые берега в горной части и большая глубина на равнине, у устья, затрудняют устройство переправ.

Все эти реки, выходя на равнины, дробятся на рукава и образуют острова. Между этими четырьмя главными реками побережье Черного моря орошается множеством второстепенных, которые, спустившись с последних предгорий, проходимы всюду, особенно у устья, которое морской прибой заносит песком. К числу таких рек относятся *Псоу*, *Хошунсе*, *Апста*, *Гумиста* и более значительная *Келасури*⁶.

Для сообщения между Черным морем и лежащими по северную сторону хребта Кубанскими равнинами есть несколько перевалов. Так, от верховьев реки Клыч, впадающей в Кодор, к верховьям реки Учкулан, левого притока Кубани, существует переход, известный под именем *Иахарского* перевала, абсолютная высота которого достигает 9617 футов. Далее через перевал *Ахкльацаро* от станицы Карданьской по левому берегу реки Марух, притока Малого Зеленчука, через ледник *Марух-Аная* к реке Южный Марух ведет *Марухский* перевал высотой не менее 10 тысяч футов. С севера по реке Большая Лаба и ее притокам на юг к притокам реки Бзыбь достаточно близко расположенные друг от друга пять перевалов, высотой более 8 тысяч футов. Лучшим из них считается перевал *Санчаро*.

От истоков Малой Лабы к реке Мдзымте ведут также три перевала, расположенные близко друг от друга, из которых самый удобный *Псегашко*, имеющий высоту 6200 футов.

В средней части существует два перевала: *Белореченский*, по реке Белой, ее притоку Чурупсу, на перевал Шатлиб, высотой 6250 футов к верховьям реки Шахе и по течению до ее устья, и несколько западнее *Пиехский* перевал, высотой 6000 футов, по реке Пшех и ее истоку Цели на реку Хакучипсы и далее по реке Псезуана. *Гойтинский* перевал по правому берегу реки Пшиш через высоту около 1500 футов в верховьях реки Чилипса, впадающей в Туапсе, и далее, по правому берегу последней⁷.

По всему восточному берегу Черного моря равнины во многих местах покрыты болотами. Разливы рек и дождевая вода в тех местах, где они не имеют свободного выхода в море из-за морских наносов, частично испаряются, частично же увлажняют почву. При свойственных

⁶ Салацкий Н. Очерк орографии и геологии Кавказа // Записки Кавк. отд. Импер. рус. геогр. общ. Кн. VII; *Карлгоф*. Восточ. берег Черного моря. Общий обзор Кавказского края // Военный сборн. 1858. Т. IV.

⁷ Стебницкий И. Географические заметки о восточной части Закубанского края // Кавк. календ. на 1867 г.

жаркому климату высоких температурах растительность развивается с невероятной быстротой: лоза за четыре года превращается в большое дерево, очищенные от растительности места на следующий год опять зарастают. Край этот относится к полосе вечной зелени, которая цветет там круглый год, за исключением горных районов, где, в зависимости от высоты, зима более или менее сурова.

Благоприятные условия для растительности приводят к тому, что местность почти всюду покрыта густыми выющимися кустарниками, которые, переплетаясь между собой, составляют покров, непроницаемый для солнечных лучей и потому препятствующий осушению почвы. Гниение прошлогодней листвы и влажные испарения делают климат нездоровым и порождают болезни. Перемежающаяся лихорадка и цинга считаются господствующими в краях, граничащих с Абхазией, и в самой Абхазии, только возвышенности Псху и Дебельда и некоторые отдельные районы имеют довольно здоровый климат.

Вредный и сырой климат свойствен всему побережью Черного моря до самой турецкой границы. Не является исключением даже живописная Рионская долина.

Пространство между берегом Черного моря, подошвами Главного Кавказского хребта и Ахалцихо-Имеретинскими горами составляет Кутаисскую, или Рионскую, долину, обильно орошаемую реками Рион, Хони, Ингур и другими.

Рион с его притоками является главным бассейном Черного моря и орошает Имеретию, Рачу, Лечгум, большую часть нижней Мингрелки и часть Гурии. Рион, бесспорно, входит в число значительнейших рек Закавказья и по длине уступает только Куре и Араксу. Рион образуется из трех истоков: один берет начало близ горы Эденпси-Мта и соединяется с другим истоком, *Гебицхали*, стекающим с ледника на горе Паси-Мта в составе Главного хребта на высоте 6990 футов над уровнем моря. Гебицхали стремительно несется около 30 верст и, соединившись с третьим истоком, *Глолацхали*, получает название Рион. Протекая в юго-западном направлении, река имеет характер каскада до слияния у местечка Они (в Имеретии) с речкой *Джорджоры*. Подойдя к Они, Рион несколько утрачивает стремительность, поворачивает на запад и бежит по более широкой долине, изредка стесненной ущельями. У селения Дагера Рион поворачивает на юг и, выйдя у Кутаиса в долину, течет еще очень быстро до впадения в него *Квирилы*, затем, описав дугу, снова принимает западное направление, снижает скорость течения и расширяет свое русло. Ниже впадения в него с правой стороны *Губис-Цхали* Рион беспрестанно то расширяется, то сужается до самого впадения в море у горы *Поти*, причем расширение и сужение его берегов лежит в пределах от 40 до 200 сажен. При впадении в море Рион делится на несколько рукавов, образующих острова, его длина составляет 320 верст. От устья и до впадения Губис-Цхали Рион считается судоходным.

Большая часть притоков Риона – это горные реки, поэтому при обычном уровне воды любую можно перейти вброд. Из притоков с правой стороны заслуживают внимания *Сакаури* (Саканаури), *Лаквуани* (Лахауни), *Рицаули*, *Асхи*, *Лаиджури*, *Губис-Цхали*, *Техур*, *Циви* и самый значительный – река *Цхенис-Цхали*, протекающая около 150 верст и впадающая в Рион у местечка Орпири. Из рек, впадающих в Рион с левой стороны, примечательны *Герула*, *Джорджора*, *Шараули*, *Лехидаро*, *Хеис-Цхали* и самая значительная – *Квирила* с притоками, протекающая около 120 верст и впадающая в Рион в том самом месте, откуда и начинается так называемая Рионская равнина.

Несколько выше Риона в Черное море впадает *Хопи*, весьма быстрая в верховьях, протекающая около 100 верст, у устья которой расположен Редут-Кале. Принимая несколько притоков справа и слева, при впадении в море Хопи имеет около 20 сажен ширины и значительную глубину. На расстоянии около 20 верст от моря река эта так глубока, что в ней могли бы с удобством останавливаться корабли, если бы вход в нее не был затруднителен часто образующимися песчаными отмелями. У Хопинского монастыря она почти внезапно становится столь

стремительной и мелководной, что по ней не могут плавать даже небольшие лодки. По этой причине судоходство ограничивается тремя верстами вверх по реке до Редут-Кале.

К югу от устья Риона недалеко от побережья находится озеро *Палеостом*. Берега его низменны, болотисты, топки и покрыты осокой, камышом, а в некоторых местах и густым лесом. Глубина не превышает 10 сажен, цвет воды зеленоватый, запах у нее гнилой и вкус неприятный, летом поверхность покрывается водорослями, и озеро представляет собой зеленую равнину, зимой оно не замерзает. Палеостом служит источником для нескольких рек, впадающих в море, и принимает в себя реку *Печера*, текущую в низких берегах, но довольно глубокую (от 3 до 5 сажен) и при впадении теряющуюся в топях, окружающих озеро.

Из рек, орошающих Гурию, стоит упомянуть лишь об одной – *Сунсга*, берущей начало в Аджарских горах, протекающей около 80 верст и имеющей в устье до 30 сажен ширины. Принимая множество притоков, Сунсга во время половодья выходит из берегов, бывает глубока, но при впадении в море фарватер ее мелеет. Кроме Палеостома, на Рионской равнине встречается мало озер, сколько-нибудь примечательных, а в Имеретин их нет вовсе. Зато по всей равнине встречается множество болот. С приближением к Черному морю почва становится все более и более влажной, реки при впадении в море разливаются, образуют почти невысыхаемые топи, вредные испарения которых порождают болезни и повышают смертность. В тепле и сырости некоторые кустарники цветут здесь круглый год, многие, как, например, лимонные и померанцевые деревья, свойственны самым теплым странам Европы. Вообще, Рионская долина замечательна изумительной силой растительности: это обширный дикий сад чинар, каштанов, ореха, миндаля, персиков, дубов, обвитых виноградными лозами и ползучими паразитическими растениями. Селения здесь раскинуты на такое большое расстояние, жители селятся так далеко друг от друга, что деревня в двести домов занимает почти такое же пространство, как столичный город в Европе. Во многих местах дорога идет по густой тенистой аллее, среди редкого леса часто встречаются прогалины, превращенные в поля, засеянные кукурузой или гомией (разновидность проса), повсюду огромные высокие деревья, воздух напоен ароматом цветущих растений, ветер с моря, принося влажность, освежает и умеряет полдневный зной. С прогалин открываются великолепные виды: на горизонте сияют снежные вершины Главного Кавказского хребта и Аджарских гор, виднеются покрытые синевой громады отрогов Кавказа, спускающиеся к Риону, среди них наиболее заметен скалистый и мрачный *Хомли* (который называют *выходной юрой*, потому что в прежние времена на него ориентировались те, кто бежал из турецкого плена).

Ограниченная с трех сторон горами, а с четвертой морем, Рионская долина защищена от сухих восточных ветров и целиком находится под влиянием морского южноевропейского климата. Этой местности свойствен сильный ветер, который в летние месяцы дует с лесистых Ахалцихо-Имеретинских гор в сторону моря и, несмотря на влажность почвы и воздуха, наполняет долину в высшей степени сухим воздухом. Если это происходит в течение 6–8 дней, вся роскошная растительность поражается засухой, нередко истребляющей и сами деревья.

Вообще же климат этой долины сырой, и летом бывают обильные дожди. Чистое небо заволанивается тучами, дни напролет льются потоки воды, и тогда цветущая равнина превращается в сплошное болото. Горные ручьи и реки вздымаются, выходят из берегов, ломают и опрокидывают все встречающееся на пути и с шумом несут свои воды в Рион, который, разлившись у устья, затопляет окрестности. Глинистый грунт дорог обращается в топкую грязь, пересекаемую образовавшимися от дождя ручьями, повсюду видны лужи, дождь бьет в лицо, и путник промокает до костей. Через бушующие реки приходится переправляться вплавь, и стремительное течение часто топит или уносит отважного всадника вместе с его конем.

Весна начинается здесь с февраля или марта, сначала появляются полевые цветы, затем цветут деревья, и быстро завязываются плоды. Между тем реки разливаются, и сырость в воз-

духе увеличивается, ясные и теплые дни сменяются холодными ночами, и часто идут дожди. С середины июня наступает жаркое, знойное, расслабляющее человеческий организм лето.

Самым лучшим временем здесь является осень, тихая и ясная, в это время только изредка бывают недолгие дожди и ветры.

Перед наступлением зимы начинаются проливные дожди, леса обнажаются, зелень исчезает, ложатся густые туманы. С середины декабря наступает зима, проявляющаяся в постоянно дождливой и холодной погоде, иногда выпадает снег, но держится недолго, и случается, бывают выюги и бури.

Рионская, или Кутаисская, долина отделяется Грузино-Имеретинским хребтом от *Карталинской*, или *Горийской*, равнины, которая простирается на север до подножия Кавказа, на юг до реки Кура, а на восток до высот, лежащих между реками *Рехула* и *Ксан*. Между этими высотами, подножием Кавказа и рекой Арагва лежит *Мухранская* равнина, покрытая во многих местах мелким кустарником. Арагва отделяет эту долину от *Стурамской*, которая также покрыта кустарником. Между северной подошвой Триалетского хребта, Курой и к югу от Карталинской равнины расположены две небольшие равнины: *Карельская* и *Ахалкалакская*, разделенные отрогом Триалетских гор, упирающихся в Куру у города Гори. Мцхетское ущелье соединяет Ахалкалакскую равнину с *Дигомской*, ограниченную с севера и запада подножием Триалетских гор, с юга рекой Догони, а с востока Курой⁸.

Кроме названных равнин, Триалетские горы образуют много других небольших долин: долину близ Тифлиса, которая ограничена с юга ущельем реки Веры; долину *Загордань* на левом берегу Куры напротив Дигомской; на юг от Тифлиса *Кодтскую* равнину; и др.

Все эти равнины и долины орошаются Курой или ее притоками. Берущая начало на Саганлугском хребте на территории Турции, Кура пересекает Ахалцихские горы и входит в пределы Тифлисской губернии. Протекая в северо-восточном направлении по долине, в некоторых местах стесненной ущельями, у местечка Ацхуры она входит в Боржомское ущелье. Ширина реки на этом участке не превышает 12 сажен, а обычная глубина 5–7 футов. До Боржомского ущелья Кура принимает много притоков, из которых наиболее значительны: с правой стороны *Ахалкалак-Чай* и с левой – *Поцов-Чай*, берущий начало в турецких владениях.

Вступая в границы Карталинии и прорезав горы, Кура поворачивает на восток и протекает по равнине, состоящей из целого ряда долин.

Предгорья Армяно-Ганжинских гор, подходя к Куре близ поста Сала-Оглы, образуют границу между долиной рек *Арам* и *Ворчала* и Елисаветпольской равниной.

Долина Арама и Борчалы ограничена с севера подошвой Триалетских гор, с востока Курой, а с юга и запада – предгорьями Армяно-Ганжинских и Сомхетских гор. Долина имеет черноземный грунт и очень плодородна.

Елисаветпольская равнина простирается в юго-восточном направлении, между Курой и подножием Армяно-Ганжинских гор до реки Кюрак-Чай. Равнина эта относится к самым знойным и нездоровым местностям Закавказья, северо-западная половина ее холмиста, юго-восточная совершенно плоская.

Напротив долины Арама и Борчалы между Курой и подошвой Караязьской возвышенности лежит низменная равнина, совершенно безводная и безлесная, кроме узкой полосы по берегу Куры. Средняя часть равнины, где растет лес и сливаются реки Кура, Нора и Алазань, называется *Самух*, а остальная безводная и бесплодная часть – степь *Унадар*. Степь с одной стороны соединяется с долиной, пролегающей по обоим берегам Поры, а с другой через ущелье, образованное Шираком и Боздагом, соединяется с плоской и широкой долиной *Алазани* и *Агри-Чая*. Речка *Еурак-Чай* и горный хребет, лежащий между Курой и *Аджиган-Чаем*, обра-

⁸ Лаврентьев. Военно-статистическое описание Кутаисского генерал-губернаторства. Очерки Западного Закавказья // Кавк. 1852. № 80; Салацкий Н. Очерк орографии Кавказа // Записки Кав. отд. имп. Рус. Геогр. общ. Кн. VII.

зуют окраину плоской и обширной *Нижне-Курской* долины, простирающейся до Каспийского моря. Часть этой равнины между Курой и Араксом известна под именем *Иуинской* степи. Почва Нижне-Курской долины глиниста и только у подножия гор и по берегам рек черноземна. При постоянном орошении земля дает роскошную растительность, а без этого летом там растет лишь то, что выдерживает сильную жару: каперсы, полынь и терновник, в зимние полугодия земля покрывается тучной травой.

По Елисаветпольской губернии Кура бежит неподалеку от речки Кошкар в крутых и высоких берегах, от селения Карасаккал течет по равнине, шириной от 6 до 8 верст, и начинает образовывать острова. Течение здесь довольно быстрое, в зимнее время Кура мелководна, и можно часто найти удобный брод, весной река выступает из берегов, заливая окружающую территорию и портит сады.

В пределах Карабага, до Менгсчаура, течение Кура имеет быстрое, ширина в этом месте достигает 80 и даже 100 сажен, а глубина – от 10 до 15 сажен. В половодье уровень воды быстро повышается, и случается, река поднимается на шесть и даже на семь сажен, а в некоторых местах разливается на пять и более верст. Русло ее песчаное, но местами превращается в каменистое и илистое. Берега утесисты, река образует несколько островов, покрытых лесом. С наступлением зимы Кура покрывается тонким льдом, но только там, где течение медленное. Протекая далее по границе Карабага с Ширваном, Кура у селения Джават сливается с Араксом и, разделившись на рукава, тремя устьями впадает в Каспийское море, образуя дельтой остров *Сальян*. Нижнее ее устье называется *Акуишенским*, среднее – *Восточным*, верхнее – *Северным*.

Верховья Куры до Тифлиса удобны только для сплава леса, ниже Тифлиса при впадении в Куру Алазани расположены Самухские пороги, хотя и не полностью препятствующие прохождению плоскодонных судов, но все-таки весьма затрудняющие плавание. Далее река изобилует карчами, так что, по мнению некоторых, судоходность Куры начинается верст за пятьсот от ее впадения в море⁹.

Открытая воздействию сухих и сильных ветров, господствующих в степях Средней Азии, долина Куры подчинена влиянию континентального климата, которому свойственны довольно суровые зимы и знойное лето. Плодородная в среднем течении реки (в Карталинии), долина Куры с приближением к Каспийскому морю становится более жаркой и у устьев превращается в безлюдную степь, покрытую песками и солончаками. Ранней весной с таянием снегов здесь быстро появляется яркая зелень, которая также достаточно быстро выжигается солнцем, так что все лето равнинные участки восточной части Закавказья являются пустыней, лишенной всякой растительности и вредной для здоровья. Сальянский остров, низменный, болотистый, также известен своим вредным климатом.

На всем своем протяжении Кура принимает множество притоков, из которых мы упомянем только о наиболее значительных.

Так, с левой стороны в нее впадают *Лиахва* (Диди-Лиафа), состоящая из Большой и Малой Лиахвы. Стекая с Главного хребта, Большая Лиахва бежит сначала по нескольким ущельям и последним, Джавским, выходит на равнину, где принимает воды Малой Лиахвы (Патара-Лиахва) и впадает в Куру у горы Гори. Река эта полноводна и весьма удобна для лесосплава.

За Лиахвой следует река *Ксан*, берущая начало в Магдадолетском ущелье и протекающая по Мухранской равнине. Ксан мелководна, глубина ее лишь изредка превышает аршин.

Недалеко от перевала через Главный хребет, на Военно-Грузинской дороге, у Гуд-горы берет начало *Мтиулетская Арагва*, которая, протекая через середину Мтиулетского ущелья, принимает в себя с обеих сторон множество незначительных горных потоков.

⁹ *Дюкрусси*. Краткое описание торговых путей сообщения и пр. // Записки Кав. от. Ими. Рус. геогр. общ. Кн. I. 1852 г. См. также: Пароходство по р. Кура // Кавк. календ, на 1854 г.

У селения Живания она сливается с *Пшавской Арагвой*, берущей начало в Пшавских ущельях и имеющей глубину не более трех четвертей аршина. Соединившись и получив общее название *Арагва*, река эта впадает в Куру у Мцхета, имея глубину более полутора аршин.

Главным притоком Куры с левой стороны служит *Алазань с Порой*. Берущая начало на Главном хребте, Алазань спускается с гор с севера на юг, затем, приняв направление, параллельное Главному хребту, течет по равнине. Течение Алазани медленное, глубина ее довольно значительна, так что лишь в некоторых местах можно пересечь ее вброд. В Телавском уезде Алазань разделяется на рукава, и потом, соединившись в одно русло и опять повернув на юг, она впадает в Куру, имея ширину немногим меньше последней.

Почти у самого впадения неподалеку от Самуха, Алазань сливается с весьма значительной рекой *Порой*, также берущей начало на Главном хребте недалеко от горы Барбало. Пора протекает то в крутых и высоких, то в пологих берегах, имея общее направление на юго-восток. По обоим берегам Пору и по левому берегу Куры тянутся степные пространства: Караязы, Упатар и Ширак, ограниченные невысокими белесыми кряжами, лежащими параллельно берегам Куры, Пору и Алазани.

Берега как Алазани, так и Пору в нижнем течении считаются неудобными и нездоровыми для жизни.

Впрочем, долина Алазани, окруженная со всех сторон высокими горами, отличается необыкновенной растительностью и плодородием. Вся Кахетия почти сплошь покрыта зеленью, садами и виноградниками.

Из рек, впадающих в Куру с правой стороны, заслуживают внимания быстрая речка *Кавтура*, незначительная *Алгетка* и бассейн реки *Храм* с правым его притоком *Борчалой*.

Храм весной довольно глубок, а в остальное время его можно переходить вброд. Он разделяется на рукава и предоставляет возможность проведения из него каналов для орошения полей, в чем и состоит его главная польза, как реки, неудобной для судоходства.

За Храмом в Куру впадают речки *Акстафа* с ее левым притоком *Джеицулг*, затем следуют *Гасан-Су*, *Тауз*, *Дзе-Гамз*, *Джипир* и *Шамхор*, отличающийся быстротой, как в горах, так и на равнине, и вредностью своей воды. Не представляя нигде удобных берегов, Шамхор до такой степени быстр, в особенности при разливе, что опрокидывает экипажи. Ниже Шамхора в Куру впадает *Кушкар-Чай*, протекающий сначала в горах, а при урочище Дашкесан стремительно падающий вниз по скалам и затем протекающий в глубоком овраге. Русло Кушкар-Чая имеет здесь вид узкого канала, высеченного в каменистых скалах. Из-за мелководности эта речка там, где позволяют берега, проходима вброд.

Ганжи-Чай, или *Ганжинка*, стекая с гор, по выходе на равнину до самого Елисаветполя покрыта кустарником и в некоторых местах – чинаровыми деревьями. При незначительной глубине она проходима вброд и имеет вредную для здоровья воду, которая, впрочем, разводится по орошающим поля канавам.

Гораздо более значительны, чем Ганжинка, следующие притоки Куры – *Курак-Чай* и *Тертер*, при впадении разделяющиеся на несколько рукавов. Первая, вытекая из-под камня Омар-Дали у горы Капяс, протекает в высоких берегах. Дно оврага, в котором находится ее русло, является равниной в четверть версты шириной, покрытой кустарником и плодовыми деревьями, прекрасные пахотные земли и луга пролегают по обоим берегам этой реки.

Самый значительный приток Куры – это, бесспорно, *Аракс*, берущий начало в Эрзерумском пашалыке Турции и вступающий обоими берегами в пределы Эриванской губернии в 25 верстах ниже крепости Кагызван.

От устья Бураланского Карасу до Карадонинского поста, на протяжении около 362 верст, Аракс выступает границей России с Персией. Потеряв название при слиянии с Курой, он под именем этой последней впадает в Каспийское море. Все течение его по территории России достигает 720 верст. Аракс вступает в наши границы стремительными каскадами, но потом

падение постепенно уменьшается до Арасбарского участка, а в Мигринский участок река вторично входит стремительными *Арасбарскими* каскадами. За селением Мигри падение постепенно уменьшается до самого слияния с Курой. Дно реки, по большей части ровное, пологое и хрящеватое, удобно для переправы, обломки скал и огромные камни попадают только в тех местах, где река протекает между возвышенными берегами. Протекая по равнине, Аракс часто меняет русло, делится на множество рукавов, образующих песчаные острова, заливаемые в половодье и меняющие свою форму и положение. Вода в Араксе очень мутная и имеет красноватый оттенок, но здорова, приятна на вкус и не содержит минеральных примесей. Уровень воды в реке почти постоянен, приращения ширины и глубины незаметно. Из притоков Аракса заслуживают внимания *Восточный Арпачай*, *Абаран* и *Заниа*, остальные же незначительны, доносят свои воды до Аракса только весной при таянии снегов, а в остальное время года или пересыхают, или разводятся по канавам, устроенным для орошения полей. В горах река уже, чем на равнине, ее ширина находится в пределах от 60 до 20 сажен, глубина – около двух аршин. Берега, поднимающиеся над поверхностью воды на высоту от одной до полутора сажен, делают разливы весьма редкими, и притом лишь в немногих местах. С первых чисел июля, когда уровень воды значительно падает, открывается множество бродов, которые до следующей весны и прибыли воды удобны для переправы как конного, так и пешего.

Характер местности, по которой протекают правые притоки Куры и многочисленные притоки Аракса, резко отличается от той, которая прилегает к левому берегу первой.

Территория Эриванской губернии представляет собой более-менее широкую и возвышенную равнину, имеющую наклон к востоку и к югу.

Эриванская губерния – это восточное продолжение плоской возвышенности, начинающейся у Таврского хребта в пределах Азиатской Турции.

Постепенное понижение этой возвышенности к юго-востоку представляет собою ряд террас, которые оказываются в обоих соседних государствах. Из равнин этого края наиболее примечательна *Эли-Дара*, лежащая на левом берегу Арпачая и окруженная с трех сторон горами – Мадатапинскими, Гирлиполь, Мокрыми и Эсаульскими. Возвышенное положение этой равнины делает ее климат суровым, тем не менее на ней попадаются болота, хорошие пастбища и сенокосы.

Далее следует *Шурапельская* равнина, заключенная между хребтами Эсаульских, Джаджурских и Памбских гор и примыкающая к возвышенному Абаранскому полю, северному подножию Алагёза и склонам его Согутлинского ответвления. Долина эта плотно заселена, почва здесь плодородна, климат суровый, но здоровый.

От Джаджурских гор на протяжении 50 верст между Безобдальским и Памбским хребтами до Гамзачеманского перевала тянется равнина или, скорее, Бамбакская долина. Западная ее часть, отделенная от восточной Тапанлинскими горами, образует округлую равнину, сходную по характеристикам с Шамшадильской.

К северу от Бамбакской равнины тянется Дорийская степь, лежащая между Мокрыми горами, Сомхетским (Акзыбюкским), Алавердским и Безобдальским хребтами. Она представляет собой как бы возвышенную террасу долины Куры. Климат в этой местности умеренный, но сырой, дожди и частый град угрожают урожаю, грунт слабый и черноземно-илистый.

«По южную сторону Согутлинской горной отрасли, отделяющейся от Алагёза, местность спускается последовательными террасами, которые известны под именем *Мастаринской* и *Тальинской* высот». Террасы эти расположены очень высоко и рано покрываются снегом, но летом представляют собой хорошие пастбища. К северу и северо-западу от Алагёза тянется высокая равнина, которая носит название *Абаранское поле*. Несмотря на довольно суровый климат, летом эта равнина изобилует травой и водой, почти везде удобна для проезда, кроме небольших неровностей, лежащих между Памбским (Памбакским) хребтом до подошвы Алагёза.

От турецкой границы по всей южной части Эриванской губернии до города Ордубат тянется так называемая *Аракская равнина*, разделенная самой природой на несколько частей.

Начало Аракской долины расположено ниже устья Казыкапарана. Пересеченная во многих местах отдельными высотами и покрытая густым слоем лавы, она тянется по обоим берегам Аракса, та часть, которая примыкает к правому берегу, называется *Сагат-Чухару*, а к левому – *Сардар-Абадская*. Левый берег, резко понижающийся к востоку, из-за недостатка воды совершенно бесплоден до Сурмали, где равнина едва возвышается над уровнем реки. Такое резкое понижение способствует проведению каналов несколько ниже Сурмали и орошению полей водой Аракса. Тут пустыня превращается в плодородный край. Текущие по каналам воды Арпачая, Северного Карасу и Занги способствуют плодородию и развитию плотного населения. Здесь бывает суровая зима и зной летом, глубокий снег покрывает равнину иногда довольно долгое время. По мере приближения к рекам Занга и Арарату понижение равнины к востоку уменьшается, но к югу остается значительным.

При впадении Среднего Карасу Аракс протекает почти у самой подошвы Малого Арарата и отделяется от него только узкой болотистой полосой, которая замыкает лежащую по правому берегу Аракса равнину Сагат-Чухару.

К востоку от Арпачая по левому берегу Аракса тянется на 25 верст *Затибасарская равнина*. Орошенная каналами, она чрезвычайно плодородна и густо населена, здесь есть обширные сады, плантации хлопка и хорошие сенокосные луга. Отросток горы Архаман и ряд отдельных холмов отделяют Затибасарскую равнину от *Шарурской*, которая тянется по левому берегу Аракса верст на пятьдесят, имея не более 10 верст в ширину, и разделена реками и пересекающимися ее невысокими холмами на *Ведибасарскую* и *Садаракскую равнины*. Первая мало населена, из-за недостатка воды не обработана и в некоторых местах заболочена, климат ее в летнее время не вреден для здоровья. Садаракская же округлая равнина населена еще меньше и бедна растительностью. *Дагнийские* ворота соединяют эту последнюю равнину с собственно *Шарурской*, которая простирается до Ададжинской канавы, проведенной из Восточного Арпачая, орошающего эту равнину. Из-за орошения равнина эта представляет собой самую плодородную почву. Летом жара здесь хотя и душлива, но зато зима около Шарура едва чувствуется, и снег не лежит дольше нескольких часов. По правую сторону Аракса тянется узкая болотистая полоса, а за ней равнина, по физическим свойствам подобная равнине левого берега.

К Шарурской равнине примыкает безлюдная, голая степь, тянущаяся по левому берегу Аракса верст на 8 в ширину и на 35 в длину до самого Нахичевана, где соединяется с более широкой Нахичеванской равниной, наполовину окруженной скалами. Климат Нахичеванской равнины летом вреден для здоровья, зато зима теплая, вод *Пахичевст-Чая* и *Аланджи-Чая* недостаточно для ее орошения, поэтому она представляет собой голую степь. Деревни с садами и полями попадаются здесь очень редко.

В правом углу, у слияния Аланджи-Чая с Араксом, хребет Тарудаг подходит почти к самому левому берегу Аракса и образует очень узкую полосу – где находятся развалины города Джульфы, – соединяющуюся с равниной, окруженной близко подступающими горами, по которой протекает Аланджи-Чай.

«Небольшая цветущая поляна *Гюлистан* выходит из Аланджи-чайского ущелья на полукруглую голую равнину, имеющую версты две в радиусе, на которой построен Джульфинский карантин над самым Араксом».

Далее к востоку хребет Дар-Даг упирается в самую реку, но близ Ордубатского участка на обоих берегах Аракса снова появляется узкая бесплодная и каменистая равнина.

Наклон к востоку делается более значительным, у Ордубата горы с обеих сторон сходятся к берегам и замыкают Аракскую долину. Река пробивается сквозь трещину между скалами, нависающими над ней с обеих сторон, и резко падает вниз. За горными хребтами по берегу Аракса вновь тянется равнина, образующая юго-восточную часть Шушинского и Зан-

гезурского уездов. После впадения Аракса в Куру равнина эта постепенно сходит к Каспийскому морю¹⁰.

Все реки Эриванской губернии, в том числе и Аракс, незначительны по ширине и глубине, дожди и таяние снегов увеличивают их глубину, но не так резко, как в других областях Закавказья, широких разливов, прекращающих сообщение на долгое время, не бывает никогда. Летом все реки, кроме Аракса, пересыхают или струятся между камнями, которыми усыпано их русло.

Аракс не судоходен, но удобен для сплава леса. Совершенно бесплодная почва, на которой растения сгорают под палящими лучами солнца, не достигая зрелости, благодаря орошению становится плодородной, с избытком вознаграждая труд человека. Там, где нет возможности обеспечить искусственное орошение полей, земля остается мертвой пустыней из песка и камней. С давних пор человек трудится в этих местах над проведением каналов, всегда считавшихся общественным достоянием; за землю, через которую проходит канал, хозяин не имел права требовать вознаграждения.

Правильное распределение воды и исправность каналов была исключительной обязанностью правительства, имевшего для этой цели особую институцию, состоявшую из разного рода смотрителей. Последние разводили воду по каналам, соблюдая очередность между жителями и учитывая количество посевов каждого; оросив поля, они закладывали наливную канаву глиной и сверху прикладывали печать. Самовольное снятие такой печати считалось великим преступлением и беспощадно наказывалось.

Невыносимый летний зной в нижних частях долины Куры и Аракса заставляет жителей искать прохлады в соседних горах, куда они перекочевывают со своими стадами и семьями.

Долины пустеют, жители приходят в свои деревни всего на несколько дней для жатвы или других полевых работ, откуда опять спешат в свои кочевья, и только с наступлением осени возвращаются в свои дома.

Краткий орографический и гидрографический очерк Кавказского перешейка показывает разнообразие как особенностей местности, так и климатических условий. От этого происходит и чрезвычайное разнообразие жизни племен, его населяющих, или, лучше сказать, их быта. Переходя к описанию этого быта, мы должны предварительно указать место, которое занимает каждое из отдельных племен.

В северо-западной части Кавказского перешейка по обоим склонам Главного Кавказского хребта поселилось племя *адыгов*, или *черкесов*. Оно заняло треугольное пространство, две стороны которого составляют Кубань и северо-восточный берег Черного моря, а третью – линия, идущая от устья Шахе через Главный хребет и вдоль по гребню, разделяющему воды Белой и Ходзи. Отделившаяся с давних пор часть племени адыгов – кабардинцы, врезавшись углом в центральную часть Кавказа, заняли пространство от предгорий Эльбруса до верховий Сунжи и от левого берега Малки до вершин Черных гор и расселились на местности, по большей части плоской и открытой.

По берегу Черного моря между реками Шахе и Хамыш, примыкая непосредственно к черкесам, живут *убыхи*. Далее пространство между реками Хамыш и Ингур населено *абхазским* племенем, часть которого перевалила на северную сторону Главного хребта и, приняв название *абазии*, заняло узкую полосу земли между Главным и второстепенным хребтами и реками Ходзь и Большая Лаба. Так как значительная часть абхазского племени живет по южную сторону гор, то этнографический очерк этого племени войдет в описание народов, населяющих Закавказье.

¹⁰ Услар П. Равнины Эриванской губернии // Записки Кавк. отд. Импер. Рус. геогр. общ. Кн. I; *Его же*. Взгляд на Эриванскую губернию в гидрографическом отношении.

Несколько южнее кабардинцев за хребтом Черных гор дикие и неприступные котловины, образованные Снеговым и второстепенным хребтами и ограниченные верховьями Кубани и Терека, заняты *малкарским* (или балкарским) и *осетинским* племенами, которые разграничиваются между собой хребтом, разделяющим верховья Уруха и Терека. Малкарское племя, как один из тюркских народов, живет одной жизнью с кабардинцами. Часть осетин перевалила на южную сторону Главного хребта до границ Грузии и Имеретин, а часть поселилась вдоль склонов Черных гор и даже на равнине до левого берега Терека. Бассейн Сунжи и западный склон Судакского водораздельного хребта заняты *чеченским* племенем, а по соседству с ними на плоской и открытой полосе земли между низовьями Терека и Сулака поселились *кумыки*. Большую часть Дагестана, за исключением прибрежной части, населяют многочисленные отдельные сообщества, принадлежащие в основном к *аварскому* племени, которое известно у нас под именем *лезгинского*. В прибрежной полосе, подвергавшейся с давних времен влиянию разных завоевателей, население образовало отдельные ханства и представляет собой смесь аварцев с татарами, турками и персами.

В Закавказском крае к абхазскому племени примыкают *сваны*, занявшие суровые котловины в верховьях Ингура и Цхенисцхали, а на юг от Абхазии все пространство от берега Черного моря и почти до слияния Куры с Алазанью и между Главным хребтом и северными склонами Аджарских гор и Малого Кавказа занято племенем *картли*, или грузинским. Население Грузии, Имеретии, Мингрелии и часть Ахалцихского уезда относится к картвельскому племени. Остальная и большая часть Ахалцихского уезда населена *армянами*. Некоторые относят к грузинскому племени *тушин*, *пишавов* и *хевсуров*, удалившихся в самые суровые котловины между двумя снеговыми хребтами.

Угол между Курой и Араксом и все плато Малого Кавказа населены преимущественно *армянским* племенем, перемешанным с другими племенами. С другой стороны армяне, рассеянные по всей земле, живут отдельными группами во многих городах и областях как Закавказья, так и Кавказа.

Грузины и армяне, два христианских народа, отделены друг от друга мусульманским населением, которое, врезавшись клином с востока в середину Закавказья, расселилось до самой Куры и по ее долине. Мусульманское население состоит из *персов* и *татар*, а по религии делится на шиитов и суннитов. Персы расселились в юго-восточной и южной частях Закавказья, нижних частях долины Куры, на нижних уступах Главного хребта, частично по берегу Каспийского моря и в приграничных с Персией областях. Татары же поселились в низовьях притоков Куры.

Как персы, так и татары образовали отдельные ханства: Карабахское, Ганжинское, Шекинское, Ширванское, Дербентское, Кубинское, Бакинское и Талышское. Все эти ханства были под властью Персии и потом в разное время оказались в подданстве России.

Перечислив племена, населяющие Кавказ и Закавказье, мы должны сказать, что некоторые из названных племен дробятся на множество родов и отдельных сообществ, в особенности те, которые населяют горы. Там каждая долина реки представляет собой как бы отдельное сообщество, имеющее очень мало контактов с соседями.

Значительная высота горных хребтов, окружающих расположенные на высоте котловины, очень затрудняет доступ к некоторым сообществам. Часто одна только пешеходная тропа соединяет два сообщества, но и та доступна только в течение двух, самое большее четырех месяцев, в остальное время глубокие пропасти, заваленные рыхлым снегом, делают каждый шаг путника опасным. Вьюги и метели, сбрасывающие с соседних горных хребтов снеговые завалы, сильные и порывистые ветры, свирепствующие на перевалах, делают сообщение с соседями невозможным нередко в течение двух третей года. Предоставленные исключительно самим себе, запертые со всех сторон в своей котловине, жители усвоили дикий и суровый характер, такой же, какой проявляет окружающая их природа. Эта замкнутость является един-

ственной причиной того, что многие роды одного и того же племени живут различной жизнью, имеют разные обычаи и даже говорят на особом наречии, которое подчас с трудом понимают соседи-единоплеменники.

Краткий очерк этих обычаев, а главное, особенностей пародов, населяющих Кавказ и Закавказье, и является целью дальнейшего описания, приступая к которому мы будем придерживаться порядка того географического положения, которое занимают племена, населяющие Кавказский перешеек.

Черкесы (адыги)

Глава 1

Одежда черкеса, его жизнь и набеги. Черкесские деревни, дом и кунахская. Гостеприимство и черкесский этикет. Пища черкеса и угощение приезжего. Обычай куначества и усыновления

В самой высокой точке правого берега Кубани, напротив устья Урупа, стоит крепость *Прочный Окоп*. Господствуя над окружающей местностью, она видна издалека, равно как и из нее видно далеко за реку. Перед крепостью на противоположном берегу Кубани расстилается необозримая зеленая равнина, ограниченная на горизонте темной полосой лесистых гор, из-за которых белеет ряд зубчатых вершин Главного Кавказского хребта.

Уруп и его притоки выются серебристыми лентами по равнине, которая издали кажется совершенно гладкой, но на самом деле она перерезана глубокими оврагами, служившими удобным убежищем для черкесов, выжидавших удобного случая прорваться на нашу территорию. Хищник, везде проникающий, почти неуловимый, не знающий усталости, умеющий терпеливо сидеть в засаде, выжидая время, чтобы совершить убийство или похищение, и почти всегда уходящий без вреда для себя, – таков был черкес, скрывавшийся в балках, которыми изрезана Кубанская равнина.

От реки Зеленчук и до Черного моря по течению Кубани тянется эта равнина на 400 верст, простираясь в ширину на 70 верст. Здесь был разгул для конных черкесов и для наших линейных казаков. Первые искали добычи, вторые гонялись за ними, оберегая границу. И те

и другие отличались смелостью, ловкостью и сообразительностью, были отличными наездниками, уважали друг друга и избегали встреч, но, встретившись, не отступали и не просили пощады...

Без набегов не было для черкеса удовольствия в реальной жизни, не было блаженства и в загробном мире. Выводив как следует своего коня, выдержав его несколько часов без корма и призвав на помощь *Зейгута* — божество, покровительствующее наездникам, черкес отправлялся в набег — один, а чаще в компании из нескольких человек.

Одежда черкеса состояла из мохнатой бараньей шапки, обшитой галуном, прикрывавшей его бритую голову, из *беимета*, черкески, ноговиц и сафьяновых чевяков, обычно красных¹¹. Все это отличалось хорошим вкусом, изяществом покроя, в особенности чевяки, обувь без подошвы. На последнюю черкесы обращали особое внимание. Чевяки делают обычно несколько меньше ноги, и, перед тем как надеть, их предварительно размачивают в воде, натирают изнутри мылом и, еще сырые, натягивают на ногу, подобно перчаткам. Надевший новые чевяки вынужден лежать выжидать, пока они, высохнув, примут форму ноги. Под низ чевяков впоследствии подшивают очень легкую и мягкую подошву.

Весь костюм черкеса и его вооружение были как нельзя лучше приспособлены к верховой езде и конной битве. Бурочный чехол защищал винтовку от грязи, она закидывалась за спину, и ремень к ней был пригнан так, что черкес легко заряжал ее на всем скаку, стрелял и потом перекидывал через левое плечо, чтобы обнажить шашку. Последнее оружие черкес особенно любил и владел им в совершенстве. Черкесская шашка остра как бритва, страшна в руках наездника и употреблялась не для защиты, а для нанесения удара, который почти всегда бывал смертелен. Он носил шашку в деревянных, обтянутых сафьяном ножнах и подгонял так, чтобы она не беспокоила во время езды. За пояс были заткнуты два пистолета и широкий кинжал, его неразлучный спутник даже в домашнем быту. На черкеске на обеих сторонах груди были пришиты кожаные гнезда для ружейных патронов, которые лежали в *газырях* — деревянных гильзах. На поясе висела жирница, отвертка и небольшая сумка, наполненная тем, что позволяет всаднику, не слезая с лошади, вычистить оружие.

Хотя черкес был с ног до головы обвешан оружием, оно было подогнано так, что одно не мешало другому, ничто не брэнчало, не болталось, а это было крайне важно во время ночных набегов и засад. Шашка, покоившаяся в сафьяновых *пахвах* (ножнах), не гремела, винтовка, скрытая в бурочном чехле, не блестела, чевяк, мягкий и гибкий, как лапа тигра, не стучал, выхолощенный конь не ржал в засаде, и, наконец, сам язык, где мало гласных, а слова односложны, позволял обходиться без резких звуков при разговоре, если в нем возникала необходимость при ночном нападении.

Все незатейливое хозяйство в походной жизни черкеса находилось при нем. Отвертка винтовки служила огнивом, кремь и трут висели на поясе в кожаной сумке. В одной из патронных гильз лежали серные нитки и щепки смолистого дерева для быстрого разведения огня. Рукоять плети и конец шашки были обмотаны навощенной тканью, скрутив ее, он получал свечку. Богатый черкес всегда носил в кармане *кабалар* (буссоль), чтобы определять направление, куда обращаться лицом во время молитвы. Конь его был отлично выезжен и повиновался уздечке в совершенстве. Он не боялся ни огня, ни воды. Черкесские наездники шпор не употребляли, а погоняли лошадь тонкой плетью с привязанным на конце плоским куском кожи, чтобы при ударе не причинять лошади боль, а только понукать ее хлопаньем плети.

Седло черкеса было легко и удобно, не портило лошади даже тогда, когда по несколько недель оставалось на ее спине. Часто встречая неприятеля в засаде, спешившись, он возил за седлом *присошки* из тонкого и гибкого дерева, за седлом висели также небольшой запас продовольствия и *тренога*, без которой ни один наездник не выезжал из дому.

¹¹ Крестьяне носят иногда кобенек, нечто вроде куртки из холста (см.: *Каламбий*. На холм // Русский вест. 1861. № 11).

Разборчивый вкус черкеса, который не терпел ничего тяжелого и неуклюжего, наложил свой отпечаток и на присошки. Два тонких деревянных прута, отделанные по концам костью и связанные сверху ремешком, – вот черкесские *присошки*. Они напоминают циркуль, иглы которого втыкаются в землю, а наверх кладется ружье. Присошка легка и удобна в употреблении, если черкесу не хватало места пристегнуть ее к седлу, он пристегивал ее к ружейному чехлу, и она нисколько не мешала ни пешему, ни конному.

По лесам и оврагам пробирались черкес на разбой, ехал ночью, а днем отдыхал, скрывался и караулил стреноженного коня. Выбрав в лесу полянку, окруженную непроходимой чащей терновника, сообщники останавливались. Проворно соскочив с коней, доставали походные или седельные топоры, прорубали небольшую тропинку в чаще терновника, вводили туда лошадей и сразу же втыкали вырубленный терновник на прежнее место – прорубленная тропа таким образом *зашивалась*, как говорят черкесы. Убедившись, что их убежище никто не обнаружит, они снимали с лошадей седла, а с себя оружие. Один из спутников брал на себя заботы о приготовлении пищи или доставал походный запас, другой шел с кожаным ведром за водой, третий косил кинжалом траву лошадям или пускал их на поляну, но в последнем случае лошадей непременно стреноживали.

Черкесы, как и вообще все горцы, употребляли простой, но практичный способ стреноживать лошадей, отнимавший у них возможность делать большие прыжки и уходить далеко. «Тренога состоит из двух широких сыромятных ремней, одного длинного, а другого короткого, связанных между собой в виде латинского *T*; на концах этих ремней находятся петли из узких ремешков, застегиваемые на костяные чеки. Коротким ремнем спутываются обе передних ноги несколько выше копыта, а петлей длинного ремня обвязывается одна из задних ног выше колена»¹². Петли с чеками позволяли снять треногу в одно мгновение, при первой же неожиданной тревоге.

Поевши сухого чурека, сообщники ложились отдыхать, один стерег лошадей, другой с высоты наблюдал за окрестностями и «по полету и крику птиц заключал довольно верно о том, что происходило в непроницаемой глубине леса; и этих примет было достаточно для того, чтобы знать, приближаются ли люди».

В такой тревоге проводил черкес всю жизнь. Он не заботился ни о теплой сакле, ни о мягкой постели, ни о вкусном сытном обеде. Бурка заменяла ему теплый дом, защищала от дождя и непогоды, седло служило изголовьем, а об обеде он не думал, надеясь на гостеприимство своих соотечественников. Не имея никакого продовольствия и остановившись где-нибудь в лесу, группа разбойников отправляла, бывало, кого-то в ближайший аул, который, по обычаю, снабжал странников молоком, просом и баранами, оставляя их поблизости от места расположения группы и, по черкесскому этикету, не пытаясь узнать: из кого именно состоит группа, откуда она и зачем пришла в этот лес? Если случалось потом, что эта группа причиняла вред русским или угоняла скот из соседнего аула, то жители, кормившие ее, не выдав никого в лицо, с чистой совестью говорили, что не знают, кто это был. Разбойники не разбирали ни правого, ни виноватого. Черкесский разбойник угонял скот у своего соседа, если представлялся случай. Так, когда в 1848 году за Кубанью строилось укрепление, князь одного из ближайших аулов постоянно снабжал отряд мясом за очень умеренную цену. Впоследствии выяснилось, что он с товарищами угонял скот у подвластных ему людей, не возбуждая при этом никакого негодования, потому что кража производилась ловко.

Однако разбой не всегда удавался, часто бывало, что за украденного коня или быка разбойник платил жизнью или увечьем. Но в трудности предприятия и состояла вся слава разбойника, придававшая молодому черкесу авторитет и уважение. Его начинали приглашать на все разбои, отличившийся в набегах сам собирал сообщников, и количество собранных под

¹² Воспоминания кавказского офицера // Русский вестник. 1864. № 10. См. также: Кавказ. 1855. № 31.

его начало участников было лучшей вывеской его достоинств. Посвящая себя такой жизни, он раздавал похищенных быков, овец и лошадей знакомым, потому что настоящий джигит (витязь) должен был иметь щедрую руку, а сам ходить оборванным, питаться по знакомым и проводить молодость в тревогах и набегах.

Полуодетый, с обнаженной грудью и руками, голыми по локоть, с косматой шапкой на голове и буркой на плечах – таков был вид настоящего разбойника. Только три вещи – ружье, обувь и кинжал, без которых нельзя жить в горах, были у него исправны, а все остальное висело лохмотьями. Настоящий джигит презирал добычу и довольствовался лишь славой лихого наездника.

Страсть к разбою была у черкесов повсеместна. Но не одна жажда добычи побуждала черкеса к грабежу. Желание стать храбрым *джигитом*, прославиться своей удачей не только в каком-то одном селении, но во всем сообществе, в долинах и горах, составляло его страсть и вместе с тем лучшую награду за перенесенные невзгоды. Во многих случаях черкес брался за оружие, не знал отдыха, пренебрегал опасностью во время грабежа и в бою лишь для того, чтобы стать героем песни, персонажем былин и длинного рассказа у очага бедной сакли, а этого нелегко было достигнуть при врожденной скромности черкесов и отсутствии хвастовства и самохвальства. Черкес знал, что, прославленный поэтом-импровизатором, он не умрет в памяти потомков, что слава его переживет и сам надгробный гранит.

«Его гробница, – говорит народная песня, – разрушится, а песня до разрушения мира не исчезнет».

Слава джигита очерчивала вокруг него очарованный круг безнаказанности. Быть удалцом значило быть аристократом, только разбой давал право на почтение и уважение, воровство и мошенничество считалось лучшей похвалой горцу¹³.

Терпение, настойчивость, смелость и самоотверженность в набегах были изумительны. К этой страсти примешалась впоследствии политическая идея, и грабеж принял религиозный характер. С 1835 года разбойники приняли название *хаджиретов*, грабеж на русских территориях считался делом душеспасительным, смерть там давала павшему в бою венец *шахида*, или мученика. Набеги участились и отличались дерзостью. С наступлением ночи, переправившись за Кубань, черкесы проникали в глубь нашей территории, неожиданно нападали на селения, грабили оплошных жителей, угоняли скот, захватывали пленных и к утру, опять переправившись за Кубань, скрывались среди мирных аулов, и при их содействии добыча быстро отходила в глубь страны, от одного аула к другому. Преследовать, а того более – поймать разбойников было крайне затруднительно: за Кубанью они были дома. Почти до самого берега широкое пространство между Кубанью и горами было густо усеяно небольшими группами черкесских аулов. На каждой версте можно было встретить два-три двора, обнесенные оградами¹⁴.

Заметив на горизонте кучу сероватых бугорков, приподнимающихся иногда всего на сажень от земли, а иногда просто сливающихся с почвой, и следуя в этом направлении, путешественник приезжал к черкесскому селению. Кабардинские аулы издали отчасти похожи на русские деревни, но, присмотревшись, не найдешь никакого сходства: сакли раскинуты поодиночке или группами в разных направлениях, без всякого понятия об улицах. В самих саклях нет ничего общего: одна сложена из земли и камней и покрыта той же землей и теми же камнями, другая построена из турлука и обмазана с обеих сторон глиной, перемешанной с рубленой соломой. Крыша покрыта той же соломой или камышом и образует вокруг дома навес фута на четыре. Черкес любил жить отдельно, уединенно и потому выбирал себе место для усадьбы подальше от соседа, где-нибудь между деревьями, которыми так обильна его родина. Оттого очень часто аул разбросан на значительное расстояние вдоль высокого и крутого берега реки,

¹³ Верзенов Н. Из воспоминаний об Осетии // Кавказ. 1851. № 92.

¹⁴ Бушков. Общие замечания о закубанцах (рукой.). Военно-ученый архив главного штаба.

упираясь тылом в дремучий лес, который обеспечивал жителям надежное убежище в случае нападения русских войск.

Главный дом черкеса состоял из нескольких комнат с низкими дверями и маленькими окнами без стекол, изредка затянутыми пузырем. Плотнo запираемые ставнями, окна служили скорее для наблюдения за тем, что делается на дворе, чем для освещения, основной свет проходил через двери, растворенные настежь летом и зимой. На дверях не было ни запоров, ни замков, на ночь их запирали и заколачивали изнутри деревянными клиньями, отчего в аулах каждый вечер поднимался всеобщий стук, которым заканчивалась дневная деятельность жителей. У одной стены комнаты было устроено полукруглое или четырехугольное углубление в земле для огня, над которым висела высокая труба, сплетенная из прутьев и обмазанная глиной, земляной пол был так хорошо утоптан, что не давал пыли. Вокруг очага приделаны полки, а иногда повешен целый шкаф, где на полках стояла домашняя утварь и посуда, а оружие и одежда висели на гвоздях. Широкие низкие кровати, покрытые войлоком и коврами, и небольшие круглые столы, расставленные в разных местах комнаты, составляли всю мебель, а стоявшая во дворе маленькая четырехугольная двухколесная арба, в которую запрягали пару волов, служили единственным экипажем. На полках вдоль стен ставилась, как украшение, европейская посуда, и если хозяин был зажиточным человеком, то стопка тарелок, ничем не покрытая и стоящая на самом видном месте, свидетельствовала о его достатке¹⁵.

Хозяин, его жены и взрослые дети имели свои отдельные помещения, но посторонний никогда не проникал в эти покои, если же хозяин был человеком богатым, он прятал свою семью от постороннего глаза особым забором, которым обносил сакли и хозяйственные постройки. Это были кладовая и хлев для овец. Кладовая делилась на четыре закрома для разных сортов зерна; чтобы уберечь его от мышей, пол ее не касался земли. Все три строения стояли на одном дворе, огороженном плотным тыном. Рядом с ним находились огороды, где черкесы сеяли пшеницу и рожь, но главным образом просо и кукурузу. Огороды окружены были деревьями и рощами, которые были для черкеса первой необходимостью.

Вне ограды у богатых и в дальнем углу в ограде у бедных строился *хаджичиж* — дом для гостей, или *кунахская*. Самая значительная и лучшая часть имущества шла на убранство этой комнаты. Дом для гостей строился по возможности на удобном месте, огораживался частоколом или плетнем, оставляя чистый двор, нередко обсаженный ветвистыми деревьями, под сенью которых гость мог бы укрыться от летнего зноя. Люди со средствами устраивали другой такой же дом, меньших размеров, внутри семейной ограды, он был предназначен для приема исключительно родственников или самых близких друзей. При кунаской была устроена конюшня, а за оградой врыт столб (коновязь) для привязи лошадей, над столбом — небольшой круглый навес, чтобы укрывать седло от дождя, а лошадь — от зноя.

Устройство кунаской и ее убранство ничем не отличалось от устройства обыкновенных черкесских домов, только камышовые циновки, ковры, тюфяки и подушки, составлявшие самую роскошную часть домашнего имущества черкеса, свидетельствовали о стремлении хозяина сделать это помещение по возможности богатым и удобным.

По одной стене стоял невысокий диван с подушками, покрытый узорчатой циновкой, над диваном в стену было вбито несколько деревянных гвоздей или колышков, на одном обычно висела скрипка или балалайка о две струны, на другом — нечто вроде лиры о двенадцати струнах, а стальные гвозди предназначались для размещения седла, оружия гостя и других походных принадлежностей. Длинная дубовая скамья, которую по мере надобности передвигали с места на место, от одной стены к другой, — вот и вся мебель. Медный кувшин с тазом для омовения и *намаза*, шкура дикой козы или небольшой коврик, на который мусульмане стано-

¹⁵ Князь Т.Г. Баратов. О природе и хозяйстве Кабарды // Кавказ. 1860. № 73; О гостеприимстве у черкесов. Кавк. 1859. № 7; Воспоминания кавказского офицера // Рус. вест. 1861. № 10. Кавк. 1855. № 34.

вятся на колени во время молитвы, составляли необходимую принадлежность любой кунахской. Стеганные ситцевые или из синей бумажной материи одеяла вместе с подушками и коврами грудой лежали в одном углу комнаты. Слабый свет *чтаури* — плошки, в которой горит жир, — освещал кунахскую, часто состоявшую из одной комнаты, разделенной надвое верблюжьим сукном. Каждый хозяин столько же заботился о чистоте кунахской, сколько о том, чтобы доставить по возможности максимальные удобства гостю.

Гостеприимство было чрезвычайно развито между черкесами и составляло одну из важнейших добродетелей этого народа. Гость был священной особой для хозяина, который принимал на себя обязанности угостить, уберечь от оскорблений и готов был пожертвовать ради него жизнью, даже в том случае, если это был преступник или кровный враг. Стоило преступнику войти в первую попавшуюся саклю — и он уже под защитой, ему не грозит преследование.

«Благословение на дом и жену твою! — говорил незнакомец, входя в саклю. — Во имя славных дел твоих, седой джигит, требую гостеприимства, седла и бурки...»

«Голова моя, — отвечал хозяин, — и заряд за друга или недруга. Ты гость мой и, стало быть, властелин мой».

Любой путешествующий черкес останавливался там, где застигала его ночь, но предпочитал найти приют у знакомого, и притом человека с достатком, которому было бы не слишком обременительно накормить приезжего.

Если путников было много, останавливаясь на ночлег, они разделялись на несколько групп, которые и расходились по соседям.

Хозяин, слышав издали о приезде гостя, спешил ему навстречу и держал стремя, пока тот слезал с лошади. В глазах любого черкеса не было такого поступка или услуги, которые могли бы унижить хозяина перед гостем, как бы велика ни была разница в их общественном положении. Общественный статус хозяина, равно как и гостя, не играл здесь никакой роли, и только самые незначительные нюансы могли отличать прием более редкого или почетного гостя от обыкновенного. Едва гость слезал с лошади, как хозяин первым делом снимал с него ружье и вводил в кунахскую, указывая место, обложенное коврами и подушками, в самом почетном углу комнаты. Здесь снимали с приезжего все остальное оружие и либо развешивали его в кунахской, либо относили в дом хозяина. Последнее имело у черкесов двоякий смысл: или что хозяин по дружбе берет на себя всю ответственность за безопасность гостя в своем доме, или что, не зная его, не очень ему доверяет.

По обычаю, в сакле тотчас же разводился огонь, и чем больше было огня в очаге, тем больше почета для гостя. Если гость был высокого происхождения, какой-нибудь князь, приехавший к другому князю и имевший за собой многочисленную свиту, обычно останавливался у князя только в том случае, если у него не было гостей, в противном случае располагался у одного из старших, подвластных князю. При госте оставались его старшие спутники и человека два-три самых младших, прочая свита расходилась по домам остальных жителей аула.

Гостя принимали с тем радушием, которым отличаются вообще все горцы. Приезжий мог пользоваться гостеприимством сколько душе угодно, но приличия требовали не задерживаться слишком надолго. Войдя в саклю, гость все время пребывания в ней находился на попечении хозяина, который обязан был ограждать его от любой неприятности и угощать вместе со свитой, как бы многочисленна она ни была. Для почетного гостя хозяин резал барана, а иногда и быка. «Добрый хозяин, — говорит черкесская поговорка, — обязан доставить гостю сытный стол, хороший огонь и обильный фураж». Мысль о том, что скажут о нем гости по возвращении домой, преследовала хозяина, день и ночь он хлопотал о госте, старался быть при нем безотлучно и оставлял его лишь на несколько минут, чтобы взглянуть, накормлены ли лошади приезжих. Все это делалось без какой бы то ни было мысли о вознаграждении, из одного убеждения, что он исполняет завет отцов и долг гостеприимства. Взять подарок от гостя значило навлечь на себя всеобщее презрение, да и сам гость не предлагал его, боясь оскорбить хозяина.

Усевшись на почетном месте, приезжий, как водится у черкесов, проводил некоторое время в глубоком молчании, хозяин и гость, если они были незнакомы, рассматривали друг друга с большим вниманием. Помолчав, приезжий осведомлялся о здоровье хозяина, но считалось неприличным расспрашивать о жене и детях. В свою очередь, несмотря на то что черкесы крайне любопытны, они считали нарушением правил гостеприимства закидывать гостя вопросами: откуда он приехал, куда и зачем едет, гость, если ему было угодно, мог сохранить полное инкогнито. Все время пребывания в гостях приезжий был избавлен от всякой услужливости по отношению к хозяину. Зато на все время пребывания в чужом доме гость оставался как бы прикованным к месту – встать, прохаживаться по комнате было бы не только нарушением приличий, но многим из его соотечественников показалось бы даже преступлением.

Усадив гостя на самое почетное место и получив от него приветствие, хозяин спрашивал его о здоровье только в том случае, если приезжий был знаком, в противном случае задавал этот вопрос не раньше, чем гость объявлял свое имя. Тогда хозяин приглашал его снять верхнюю одежду, обувь, все остальные доспехи и отдохнуть. В оставшееся до ужина время считалось неприличным оставить гостя одного, и потому к нему, один за другим, являлись соседи хозяина с приветствиями. Если гость был родственником или особо уважаемым почетным лицом, к нему приходила дочь хозяина, а за нею вносили блюдо с сушеными плодами и разными овощами. В некоторых сообществах существовал патриархальный обычай, согласно которому дочь хозяина должна была умыть ноги странника.

«Когда мы у ourselves на приготовленных для нас местах и сняли обувь, в кунахскую вошла молодая девушка с полотенцем в руках, за которою служанка несла таз и кувшин с водой. В то мгновение, когда она остановилась передо мною, кто-то бросил в огонь сухого хворосту, и яркий свет, разлившийся по кунахской, озарил девушку с ног до головы. Она покраснела, улыбнулась и, молча наклонившись к моим ногам, налила на них воды, покрыла полотенцем и пошла к другому исполнять свою гостеприимную обязанность. Между тем свет становился слабее, и она скрылась в дверях тихо, плавно, подобно видению. Более я ее не видал»¹⁶.

Любой почин исходил от гостя. Он начинал разговор и просил присутствующих садиться, те сначала отказывались, но потом старшие по возрасту уступали вторичной просьбе и садились, а младшие стоя размещались вокруг комнаты. По обычаю, во время разговора гость обращался исключительно к почетным лицам или старшим по возрасту, и мало-помалу разговор делался общим. Общественные интересы страны, внутренние происшествия, известия о мире или войне, подвиги какого-нибудь князя, приход судов к черкесским берегам и другие темы, заслуживавшие внимания, составляли содержание разговора и служили единственным источником, из которого черпались все черкесские новости. В беседе соблюдалось самое тонкое приличие, придающее черкесам при общении между собой самый благородный и благопристойный вид¹⁷.

Появление прислуги, сыновей хозяина или, наконец, его соседей с кувшином и тазом для омовения рук служило знаком, что ужин готов.

Вслед за умыванием в кунахскую вносили небольшие круглые столики о трех ножках. Столики эти известны у черкесов под именем *аны*, слово это составное: *а* — значит рука, *ны* — глаза, то есть на них обращены глаза и руки всех сотрапезников. Черкесы всегда были чрезвычайно умеренны в пище: ели мало и редко, особенно во время походов и в пути. «Печали желудка, — говорит народная пословица, — легко забываются, а нескоро лишь муки сердечные».

¹⁶ Русский вестник. 1864. № 11.

¹⁷ Барон Сталь. Этнограф, очерки Черкесск, народа (Рукоп.) // От Зауралья до Закавказья. Вердеревский. Кавказ. 1855. № 30; Кн. Т.Г. Баратов. О природе и хозяйстве Кабарды // Кавказ. 1860. № 73; Замечание на статью «Законы и обычаи кабардинцев» Хан-Гирея // Кавк. 1846. № 10; О гостеприимстве у черкесов // Кавказ. 1859. № 7; Деву. О кавказской линии. 1829; Записки русского офиц. // Кавк. 1852. № 1 и 2.

Зато на званых обедах, праздниках и при угощениях они впадали в другую крайность: ели и пили так много, что можно было подивиться вместимости их желудков. В таких случаях меню черкесов бывало довольно разнообразно. Вместо хлеба они употребляли *пасту* — густо сваренную пшеничную кашу, которой окружают другие кушанья, ее режут ломтями. Хлеб если и употреблялся, то большей частью просяной. Просо составляло исключительную важность для черкесского стола: из проса готовили *халтхунс* — суп или похлебку с бараниной, и *тахсым* — бузу или брагу, которую пили вместо вина, запрещенного исламским законом¹⁸. Пища абадзехов состояла летом из проса и молока, а зимой ели просо, сыр и соленую баранину, при недостатке проса абадзехи часто питались тыквой. Вообще, пища черкесов состояла из говядины, баранины и конины (преимущественно молодых жеребят), которые солили и сушили осенью и запасали до мая. С мая до октября употребляли в пищу кислое молоко, сыр и растительные продукты. Кушанье подавалось чисто и опрятно, молоко черкесы ели деревянными ложками, говяжий отвар или бульон пили из деревянных плошек, а все остальное ели руками. Каждое блюдо подавалось на особом столике, без тарелок, которые, как мы видели, служили только для украшения комнат.

Зарезанного для почетного гостя барана варили в котле целиком, за исключением головы, ног и печени, и, окруженного этими частями, приправленными соусом, подавали на одном из столов. Кушанье это известно под названием *быго* и *быгомгази*. Следующее блюдо также состояло из отварной баранины, разрезанной на куски, между которыми ставилась каменная чашка с *шипсом* — кислым молоком, приправленным чесноком, перцем и солью: в этот соус туземцы макали мясо. Затем следовал *китлебс* — курица с приправой из лука, перца и масла, на столик клали *пасту* и, сделав в ней углубление, наполняли ее этим соусом, за китлебсом опять кислое молоко с кусками отварной бараньей головы, творог, варенный с маслом и запеченный в тесте в виде огромной ватрушки, пирожки с творогом, пилав, шашлык, жареная баранина с медом, вареное просо со сметаной, сладкие пирожки и другие кушанья, число и количество которых зависело от достатка хозяина. В конце обеда вносили котел с очень вкусным супом, который наливали в деревянные чашки с ушками и подавали гостям, за неимением ложек пили его через край прямо из чашки. Вино, пиво, буза или арак и, наконец, кумыс были необходимой принадлежностью каждого обеда. Число блюд, в зависимости от значимости гостя и состояния хозяина, бывало иногда весьма значительным. Так, в 1827 году натухажский старшина, Дешеноко-Темирок, угощая посетившего его анатолийского Гассан-пашу, подал за обедом сто двадцать блюд.

Ни у знатных, ни у бедных не было определенных часов для еды: каждый ел, когда захочется: отец в одном углу, мать в другом, дети там, где придется. Общим столом пользовались только при гостях.

За ужин рассаживались по достоинству и значению, возраст играл при этом весьма важную роль. Возраст черкесы всегда ставили выше всякого звания, молодой человек самого высокого происхождения обязан был встать перед любым стариком, не спрашивая его имени, и, выказывая уважение к его седине, уступить ему почетное место, которое в обиходе черкесов имело очень большое значение.

Если гость был человеком знатным по происхождению или по заслугам, то он ел один, а хозяин ему прислуживал, если же из низших, тогда хозяин разделял с ним трапезу.

Каждый столик с блюдом первым подносили почетному гостю, и, по черкесскому этикету, никто не прикасался к кушанью прежде старшего гостя. С первым куском, подносимым ко рту, гость вполголоса произносил молитву, призывая на хозяина благодать свыше, и затем обязан был непременно отведать каждого блюда, сколько бы их ни было: иначе он мог жестоко обидеть хозяина. Воздержание и умеренность в еде считались в то же время одним из похваль-

¹⁸ Буза готовится из проса с добавлением после брожения меда.

ных качеств черкеса, и в особенности соблюдались высшим классом. Такой гость лишь едва прикасался к кушаньям, несмотря на неоднократные просьбы хозяина есть досыта и побольше. Гость, отделивший часть блюда и передавший его слуге, выказывал этим уважение хозяину, который принимал такой поступок как знак особенного внимания к себе. Когда старший заканчивал есть, все сидящие с ним за одним столом также переставали есть, и стол передавался посетителям ниже рангом, а от них переходил дальше, пока совершенно не опустеет, потому что черкес не оставлял на другой день то, что было уже приготовлено и подано. Чего не съедали гости, то выносилось из кунахской и раздавалось на дворе толпе детей и зевак, сбегавшихся на каждое подобное пиршество.

После ужина подметали пол и снова вносили умывальник, на этот раз на особом блюде подавали небольшой кусочек мыла. Пожелав гостю спокойствия, все удалялись, кроме хозяина, который оставался до тех пор, пока гость не просил его также *успокоиться*.

Приезжий засыпал в полной уверенности, что лошади его накормлены, что им дана постилка или что они пасутся под надзором специально назначенного для этого случая пастуха. Гость знал, что если лошадь или какая-нибудь из его вещей пропадет, то хозяин, отвечая за нее, должен будет отдать ему взамен собственную вещь и сам потом разыскивать вора. Он знал и то, что хозяйка дома встанет еще до рассвета, чтобы успеть приготовить самые разнообразные блюда и как можно лучше угостить приезжего.

Утром гостю обычно приносили кислое молоко с пастой, а иногда и с ватрушкой, в полдень подавали в баранину, но немного, а вечером хозяева и их кухарки показывали все свое искусство, чтобы блеснуть угощением.

При отъезде хозяин и гость пили *шесибзь* — застремленную чашу. Гость выходил во двор, лошади его и его свиты были оседланы и выведены из конюшни, каждую лошадь держал особый человек и подавал стремя. Если гость приехал издалека, ему оказывали еще больший почет: тогда хозяин, не довольствуясь прощанием в доме, также садился на коня, провожал несколько верст и возвращался домой только после долгих уговоров и просьб гостя.

В прежнее время бытовал обычай засеивать для гостя особое поле просом или гомией, другое — овсом для его лошадей и отделять для него часть скота из своего стада.

Чем большим уважением пользовался человек, тем чаще посещали его гости. Если нечем было угощать путешественника, хозяин обращался к соседям, и те охотно снабжали его всем необходимым.

Соседи жили между собой дружно, охотно делились последним куском, одеждой, всем, чем только можно поделиться, и считалось постыдным отказать нуждающемуся, кто бы он ни был. Хозяин должен был защищать гостя даже ценой собственной жизни. Принявший под свое покровительство преступника обязан был примирить обе стороны, а если ему это не удавалось, то он передавал дело на рассмотрение народного суда. Если суд решал выдать обидчика обиженному, тогда давший убежище в точности исполнял приговор.

Отказ в гостеприимстве навлекал на хозяина нерасположение всего общества. Негостеприимство у черкесов считалось большим пороком и порицалось пословицей: «*Ты ешь один, не делись, как ногайский князь*». Чем гостеприимнее был хозяин, тем лучше он старался угостить приезжего и, провожая его домой, при прощании часто делал подарки, нередко весьма значительные. Со своей стороны, гости обязаны были досконально исполнять все обычаи страны и ни словом, ни даже намеком не оскорбить хозяина и тем не обесславить его гостеприимства. Нарушение законов гостеприимства вело к кровной вражде, возникавшей не просто между двумя людьми, но между целыми родами. По коренным черкесским законам, тот, кто оскорбил гостя, в чьем бы доме он ни был, платит хозяину дома штраф в одну *сха*, что равнялось количеству 60–80 быков. В случае убийства гостя убийца выплачивает девять таких цен за бесче-

стве дома, независимо от его цены, родственникам убитого¹⁹. Черкесы до такой степени ревниво оберегали обычай гостеприимства, что если два человека, враждовавшие между собою, неожиданно встречались в чужом доме, то, как бы сильна ни была эта вражда, они делали вид, что не замечают друг друга, и держались один от другого как можно дальше.

Приведем пример, прекрасно иллюстрирующий обычаи гостеприимства. Один из богатейших бзедухских князей был в гостях у князя другого племени, от которого при отъезде получил в подарок тысячу баранов. Обычай требовал отдарить приятеля. Бзедухский князь звал его к себе в гости, но тот медлил и только через год совершенно неожиданно явился с огромной свитой как раз в то самое время, когда хозяина не было дома.

Остановившись перед кунахской, князь слез с коня, его ввели в комнату. Княгиня-хозяйка засуетилась в хлопотах об угощении и отправила гонцов к мужу с известием о прибытии гостя. В ожидании приезда супруга княгиня была в крайнем затруднении: надо было готовить ужин, а она не знала как – готовить ли кушанье из мяса быка, забитого утром, или, как принято у черкесов, в честь гостя зарезать барана. Вызванный из кунахской старший из подвластных князя, человек опытный и хорошо знавший обычаи страны, разрешил затруднение: он определил готовить говядину и, кроме того, зарезать барана.

Эти затруднения затянули приготовление ужина, но, наконец, его подали. Князь, приехавший издалека, проголодался и, сев за стол, принялся за еду с большим аппетитом. По обычаю, когда следовало приняться за мясо, в богатых и знатных домах прислуживающие подавали ножи, и без этой формальности никто не дотрагивался до кушанья. Проголодавшийся же князь не соблюдал этикета и, не дожидаясь, когда ему подадут нож, вынул свой, бывший при ножнах кинжала, и начал резать говядину.

– Ого! Гости-то наши приехали вооруженные! – заметил вслух какой-то остряк из тех, кто был в кунахской при угощении.

Князь молча кинул сердитый взгляд на остряка и продолжал есть. Вскоре почетный гость потребовал пить, что, по принятым правилам, значило, что, отрезав себе еще кусочка два мяса, князь перейдет к следующему блюду. Усталость и голод взяли и тут верх над обычаем, куски шашлыка один за другим стали исчезать во рту гостя.

– По мокрому бруску провели ножом, – заметил вторично остряк.

Князь вспыхнул и, оттолкнув от себя стол с кушаньями, бросил ужин.

– Подайте мне оружие! – закричал он в гневе. – Я не с тем приехал к своему приятелю, чтобы слушать насмешки какого-то наглеца. Оружие!.. Коня! – кричал взбешенный князь.

Поднялась страшная суматоха. Подвластные хозяина стали просить гостя не сердиться, не уезжать и тем не наносить бесчестия хозяину. Бедная и ни в чем не повинная княгиня рвала на себе волосы и тоже упрашивала разгневанного гостя не наносить позора ее мужу. Гость уступил просьбам, согласился остаться, и все успокоилось. Приехал хозяин и скоро узнал о случившемся. На следующее утро он призвал к себе несчастного остряка и в присутствии гостей прогнал его из своих владений.

– Счастье твое, что с отцом твоим я ел хлеб и соль, а то отправился бы ты туда, к рыбам, – сказал князь остряку, указывая на реку, протекающую невдалеке от кунахской. – Отныне нога твоя не смеет переступить черту моих владений – вон отсюда! Но чтобы ты не подумал, будто я выгоняю тебя с намерением под этим предлогом отделаться от подарка, то на, возьми себе двух моих лучших коней и – с богом!

Остряк, довольный тем, что так дешево отделался, ускакал без оглядки. Князь гостил около недели, а при отъезде домой получил в подарок трех девушек, двух мальчиков, шестнадцать прекрасных лошадей, множество драгоценного оружия и несколько десятков сундуков, полных шелковых тканей.

¹⁹ Люлье Л. Обычаи шапсугов и натухажцев // Записки Кавк. отд. Ими. Рус. Геогр. об. Кн. VII. 1836.

Обычай одаривать гостя породил у черкесов особый род гостей *хаче-цако* — гость с просьбой. Такие люди, погостив несколько дней, просили у хозяина, преимущественно князя, подарить, например, десять лошадей, двадцать быков да сотню овец. По обычаю, князь не мог отказать в подобной просьбе и должен был удовлетворить просителя²⁰. Пользуясь законами гостеприимства, многие нашли средство всю жизнь существовать за чужой счет. Образовался особый, хоть незначительный, класс людей, которые, не имея пристанища, скитались из одного аула в другой и вели бродяжническую жизнь. Они знали, что их приезд под видом гостя любой из хозяев сочтет за приятное событие, доставляющее удовольствие и ему, и всем членам его семьи, и дающее возможность исполнить долг и священную обязанность. Зато среди черкесов ни разу не было случая, чтобы кто-нибудь умер от голода...

Гостеприимство, свято чтимое между черкесами, не следует путать с правами покровительства, или *куначества*, также весьма распространенного. Обычай *куначества* имеет долгую историю. В прежние времена, когда междоусобные войны раздирали мелкие черкесские племена, каждый черкес, нарушивший границы чужих владений, считался неприятелем или чужеземцем. Ему грозила опасность быть убитым, ограбленным или проданным, как невольник, куда-нибудь далеко на восток. Чтобы избежать этого, он должен был иметь в чужом сообществе влиятельного покровителя — *кунака*, на которого в случае надобности мог положиться. Обоюдная польза сделала куначество свято чтимым среди черкесов. Кунак и прибывший под его защиту были тесно связаны между собой, и никто не мог обидеть последнего, не подвергаясь неизбежному мщению кунака. Хотя впоследствии, с прекращением междоусобных раздоров, черкес уже не подвергался прежней опасности, но куначество так укоренилось в народной жизни, что ни один черкес не считал возможным обойтись без кунака, который бы мог выручить его из беды в случае ссоры, драки, убийства и грабежа. Кунаком, разумеется, мог быть только князь или владетельный дворянин, словом, такое лицо, чье имя имело вес в горах.

Отказать кому бы то ни было в покровительстве считалось предосудительным. Человек, совершивший преступление и опасавшийся преследования, являлся к князю, чье покровительство могло дать ему желаемую защиту, касался рукой полы его платья и произносил: «*Отдаюсь под твоё покровительство*». Коренные обычаи черкесов обязывали покровителя в любом случае вступаться за подзащитного. Ни тот ни другой ничего от этого не теряли — напротив, оба оставались в выигрыше. Нуждавшийся в защите приобретал сильную опору, а покровитель в случае обиды, нанесенной клиенту, получал право взыскивать штраф в свою пользу. Право это составляло даже одно из преимуществ князей, которым они старались пользоваться, получая от него материальную выгоду, и хотя оно часто вело к распрям и ссорам, однако князь, допустивший безнаказанно обидеть покровительствуемого, терял всякое уважение у народа.

Любой иностранец вне зависимости от происхождения и веры, имевший влиятельного кунака, находился в полной безопасности в этом сообществе. Все иностранцы, тайно посещавшие горские племена, жившие на побережье Черного моря, отправлялись в путь (по большей части из Турции), имея с собой рекомендации на имя владетельных князей, которые становились их кунаками, то есть принимали их под свое покровительство. Одни лишь русские не пользовались у черкесов этим правом. Любой русский в глазах черкеса подлежал закону кровной мести, так что очень немногие из черкесов решались вступать с ними в куначество, да и то не иначе как с соблюдением обеими сторонами самой строгой тайны.

Нужда в чем-то покровительстве и помощи дала начало оригинальному обычаю, известному под именем *усыновления*. Представитель чужого народа или чужого сообщества, переселившись к одному из черкесских племен и желая скрыться там от преследования или остаться

²⁰ О гостеприимстве у черкесов // Кавк. 1859. № 7. Замечания на ст. «Законы и обычаи кабардинцев // Кавк. 1840. № 11; И. Хазров. Остатки христианства между закубанскими племенами // Кавк. 1846. № 42; Князь Т.Г. Баратов. О природе и хозяйстве Кабарды // Кавк. 1860. № 73; Барон Сталь. Этнографический очерк черкесского народа (рукопись); Степанов. Беглые очерки Кабарды // Кавк. 1861. № 82; П. Невский. Закубанский край в 1864 г. // Кавказ. 1868. № 100.

навсегда, изъявлял желание быть усыновленным одним из семейств аула. Глава семьи призывал к себе желающего стать приемышем, в присутствии всех обнажал грудь своей жене, и приемыш три раза дотрагивался губами до ее сосков. Этот символ давал знать присутствующим, что приемыш был как бы вскормлен грудью этой женщины и отныне считается сыном. Усыновление устанавливало священную связь и налагало на приемыша те же обязанности, какие свойственны сыну по отношению к отцу. Точно так же поступали два человека, решившие образовать союз до гробовой доски. Жена или мать одного давала другому свою грудь, и с той минуты он пользовался такой же защитой, какая обеспечена настоящему сыну. Впоследствии этот обычай до того развился, что стоило только преследуемому дотронуться до груди женщины, как ее муж прекращал преследование даже в том случае, если дотронувшийся до груди был заклятым врагом²¹. Нижеследующий рассказ наглядно показывает, насколько свято соблюдали черкесы обычаи гостеприимства и усыновления.

Хегайкское племя раньше занимало важное место среди черкесских племен. Князя этого племени, два родных брата, славились благородством и щедростью. Старший из братьев, Атвонук, был средних лет и очень дурен собой, а младший, Канбулат, молод и красоты необычайной, плечи его были так широки, а талия так тонка, что когда он лежал на боку, то под ним могла пройти кошка, не задевая пояса, – а это верх черкесской красоты!

Сознавая свою физическую ущербность, Атвонук не хотел жениться, но настойчивые уговоры друзей заставили его взять жену – с тем, однако, с условием, что и младший брат последует его примеру. Оба брата женились, и Канбулат, как бы предчувствуя неладное, вопреки обычаям никогда не показывался своей невестке. Черкесская женщина в прежние времена пользовалась относительно большей свободой и даже принимала участие в общественных делах.

Однажды в отсутствие мужа к ней в гости приехали родственники и попросили Канбулата провести их в покои невестки. Отказать в такой просьбе было бы неприлично, и Канбулат был вынужден против собственного желания побывать у жены брата. После ухода гостей, пораженная красотой брата мужа, княгиня под предлогом переговоров о домашних делах удержала у себя Канбулата и с бесстыдством сладострастной женщины потребовала от него клятвы провести с ней наступающую ночь, угрожая в противном случае поднять тревогу и объявить народу, что он хотел ее обесчестить. Слова свои она подтвердила целованием молитвенника, который в серебряном футляре висел у нее на груди. Потрясенный ее бесстыдством, но понимая безвыходность своего положения, Канбулат дал слово исполнить желание невестки и в подтверждение поцеловал тот же молитвенник.

Наступила ночь. Канбулат явился, но объявил, что пришел не для того, чтобы быть преступником, а для того только, чтобы исполнить клятву, к которой добавил еще одну: что зарежет невестку при первом же нескромном порыве, при неуместной и соблазнительной ласке. Обнаженная сабля, как доказательство его решимости и твердости слова, легла между ним и княгиней. С наступлением утра Канбулат бежал из ненавистной ему постели, не заметив, что одна из трех стрел, которые носили тогда черкесы на себе даже дома, закатилась под кровать, он забыл даже о том, что у него были три, а не две стрелы...

Возвратившийся Атвонук в первую же ночь заметил чужую стрелу и по ее необыкновенной длине узнал в ней стрелу брата.

– Чего я опасался, – сказал он одному из своих друзей, – то и случилось...

Оскорбленный Атвонук оставил свой дом и уехал к крымским татарам. Князь хегайкский не терял, однако, надежды отомстить Канбулату. Настойчивостью и неутомимостью он сумел уговорить хана дать ему войско и повел многочисленный отряд татар на владения брата, почти по соседству от земель крымских татар. Распустив слух, что татары идут войной на отдаленное

²¹ Барон Сталь (рукоп.) Этнографический очерк черкесского народа; *Хан-Гирей*. Беслений Абат // Кавк. 1847. № 43.

племя, Атвонук хотел захватить брата врасплох, но приближенные Канбулата, узнав в стане татар пегую лошадь Атвонука, дали знать своему господину. Князь бежал, однако семья его попала в руки мстителя – старшего брата.

Пленницу, жену Канбулата, женщину твердого характера, поместили в отдельную палатку. Она была в то время беременна, тогда как у преступной жены Атвонука детей не было. Атвонук решил отомстить брату тем же, в чем подозревал его. Наступила ночь, и он отправился к пленнице...

Гордо встретила княгиня мстителя.

– Наш повелитель, – сказала она (так черкешенки величают старших братьев своих мужей), – ты торгуешь не совсем чисто: меняешь бесплодную корову на тельную...

Слова эти устыдили Атвонука, он оставил невестку и объявил ей, что отныне будет считать ее сестрой. Такое признание не означало еще примирения с братом: Атвонук обратил весь свой гнев на аулы, подвластные Канбулату. Тот же, скрывшись от преследований брата, поехал к жанеевцам, жившим на юго-востоке от хегайского племени. Пара десятков бедных хижин на Каракубанском острове – вот и все, что сегодня осталось от жанеевцев, некогда многочисленного воинственного племени, выставлявшего десять тысяч всадников и страшного для соседей. Один из жанеевцев, князь Хакушмук, человек уважаемый и могущественный, состоял в кровной вражде с Канбулатом. Тот в одном из набегов убил его сына.

И вот однажды утром у ворот ограды маленькой кунахской этого князя остановился всадник на вороном коне. Князя в тот день не было дома. Пользуясь отсутствием хозяина, разбрелись и его слуги. Оставив лошадь у ограды, приезжий вошел в кунахскую и лег на скамейку. Одна из прислужниц, пришедшая убрать комнату, была поражена его красотой и тотчас же объявила своей госпоже о приезде гостя. Княгиня отправилась в кунахскую в полной уверенности, что встретит там одного из самых близких друзей мужа: в противном случае гость не пришел бы в маленькую гостиную, предназначенную только для почетных гостей, а остановился бы в общей и большой гостиной.

Как только княгиня перешагнула порог, незнакомец вскочил и бросился к ней.

– Будь моею восприимчивой матерью! – проговорил он, дотронувшись до ее груди.

Перед княгиней стоял Канбулат – убийца ее единственного сына. Как ни велик был гнев княгини, преступить священные законы гостеприимства она не могла. Следуя обычаю, княгиня взяла Канбулата под свою защиту и поселила в безопасном месте.

Прошло некоторое время. В одну из отлучек мужа княгиня приготовила пир и, собрав из всего племени самых почетных старейшин, поручила им просить старого князя, чтобы тот дал слово исполнить самую ее заветную просьбу.

Сидя вечером в своей кунахской, князь был немало удивлен, когда к нему явились старейшины в сопровождении слугителей с блюдами, наполненными разными кушаньями. Князь принял старшин ласково. Сели за ужин, полные чаши стали ходить по рукам, и разговор ожил. Старейшины объявили князю свое поручение.

– Согласен! – сказал развеселившийся старик. – Но с условием, что княгиня сама и при всех откроет мне свою тайную просьбу.

В прежние времена в высших классах черкесского общества жена никогда не приходила к мужу в присутствии посторонних, и потому двое старейшин отправились к княгине объявить волю князя. Она не затруднилась нарушить обычай и в сопровождении посланных вошла к пирующим.

– Я прошу тебя оказать гостеприимство этому человеку, – сказала она, указывая на следовавшего за ней Канбулата, и при этом изложила обстоятельства, вынудившие ее принять его под свою защиту.

Неожиданная встреча взволновала старого князя.

– Конечно, – отвечал он внешне спокойно, – я не могу мстить человеку, который в моем доме ищет моего покровительства, но ты напрасно вздумала поить нас перед тем, как открыть свою тайну, столь для нас приятную: мы могли забыться, и наш позор пал бы тогда на тебя.

– Острые стрелы прошло, так перья не сделают вреда, – заметили дворяне, умевшие позлословить и польстить, и просили княгиню прислать по этому случаю еще бузы и браги.

– Дельно! – согласился и старый князь. – Только послаще той, которую ты поднесла мне теперь...

На следующий день жанеевский князь объявил Канбулата своим гостем, однако, следуя обычаям, потребовал от него плату за кровь, объявив, что, поскольку все богатство Канбулата заключается теперь в лошади и оружии, то он удовлетворится и этим.

Канбулат подчинился и оставил у себя только саблю, но и ту ему пришлось отдать, когда князь того потребовал.

– Что сказал Канбулат, отдавая саблю? – спросил князь принесшего ее старейшину.

– Сказал только, – отвечал тот, – что не считает саблю драгоценностью, а оставил ее для обороны от собак. Тут у него, – прибавил старшина, – на глаза, кажется, навернулись слезы...

– Он достоин и оружия, и уважения! – перебил князь. – Отнесите все обратно и скажите, что я хотел только испытать его, хотел узнать, таков ли он, как те, о ком говорит мудрая поговорка наших предков: *храброго трудно полонить, но в плену он покорен судьбе, а труса легко взять в плен, но тут-то, когда уже нечего бояться, он и делается упрямым*. Скажите ему, что я раскаиваюсь в том, что хотел его испытать, и что, пока он мой гость, – моя рука, мое оружие, все принадлежит ему.

Изгнанник был страшно доволен великодушием своего врага-покровителя, но, по местным обстоятельствам, не мог оставаться у него слишком долго и потому просил жанеевского князя проводить его к бзедухам, жившим в верховьях рек Псекупс и Пишиш.

Представители сильного бзедухского племени как раз были в сборе, на совещании по общественным делам, когда среди них явился жанеевский князь в сопровождении своего гостя. Объяснив причину своего приезда, старый князь поручил Канбулата великодушию их племени.

Обнажив, по тогдашнему обычаю, голову, Канбулат обратился к собранию:

– Бзедухи! Отдаюсь под защиту вашего рода. Отныне, после Бога, на вас вся моя надежда. Не мои достоинства, а ваша честь и глава мне порукой в вашем великодушии.

Бзедухи объявили себя защитниками гостя. Семь лет тянулась с тех пор ожесточенная война между братьями, лучшие воины с обеих сторон остались на поле сражения, разорение и кровопролитие опустошили землю и истощили обе враждовавшие стороны, но ни та ни другая не хотела уступить, и вражде не предвиделось конца.

Виновица всех несчастий – жена Атвонука, жившая у своего отца, – вздумала шить полный мужской костюм и послала его в подарок Канбулату.

Посланный был захвачен Атвонук, узнавшим работу своей жены. Чтобы окончательно убедиться в преступной связи брата с его женой, Атвонук, отправив посылку со своим слугой, поручил ему пригласить Канбулата на мнимое свидание. Канбулат изрубил на куски подарок ненавистной ему женщины и прибавил, что, если кто впредь явится к нему с подобным поручением, он повесит его на первом попавшемся дереве.

Этот поступок заронил у Атвонука подозрение, что брат не так виновен, как он предполагал, и он решил помириться. После переговоров братья съехались на встречу.

– Я знал, – сказал Канбулат, – что моя невинность меня оправдает, но ты не хотел видаться со мной, а я был готов скорее погибнуть, чем открыть кому бы то ни было несчастный случай, обесславивший наш дом.

Братья помирились. После долгого кровопролития наступил мир, бзедухам осталась слава строгого исполнения обычая гостеприимства, благородной защиты гонимого и удовольствие слышать о своих подвигах в народной песне и гордиться ею...²²

²² *Хан-Гирей*. Князь Канбулат, черкесское предание. Русский вестник. 1844.

Глава 2

Деление черкесов по племенам и место, которое занимает каждое из них. Краткий очерк местности, которую занимают черкесы, или адыги, и их экономический быт

Черкесы сами себя называют *адиге*, что на всех наречиях этого племени означает *остров*.

Происхождение названия *черкес* объясняют по-разному. Одни выводят его от *Чера* и *Чеса*, по преданиям бывших будто бы родоначальниками адигского народа²³, другие, не полагаясь на мифические сказания, утверждают, что *черкес* — слово татарское, происходит от речки Черек, известной кровопролитными битвами, происходившими между татарами и кабардинцами²⁴, наконец, дагестанцы и все остальные жители Закавказья называют черкесов *сар-кяс*, что означает *сорвиголова, головорез*²⁵. От последнего и произошло испорченное *черкес*, название, данное народу, от хищнических набегов которого соседи немало страдали. Откуда бы ни произошло название *черкес*, оно стало у нас гораздо популярнее, чем слово *адиге*.

Многочисленное черкесское племя делилось на несколько родов, известных под разными названиями.

Ниже города Георгиевска, на юг от казачьих земель, поселилось одно из значительнейших племен адыгов — *кабардинцы* (кабертай), которые, в свою очередь, делились на Большую и Малую Кабарду.

Большая Кабарда, примыкая на юге к осетинам, лежит между Малкой и Тереком, а Малая Кабарда, занимая правый берег Терека до предгорий и берегов Сунжи, примыкает на востоке к чеченцам.

Несколько кабардинских семей в разное время со всеми подвластными им переселились в долины обоих Зеленчуков, где образовали особые поселения, известные под именем *абреков*, или *беглых кабардинцев*.

В прежние времена жители Большой Кабарды были разделены между четырьмя княжескими фамилиями: Кайтукиных, Бек-Мурзиных, Мисосговых и Атажукиных²⁶. Малая Кабарда состояла из трех сообществ: Бековича, Ахлова и Тау-Султанова²⁷.

Составляя часть племени адыгов и говоря с ним на одном языке, кабардинцы были отделены от остальных ответвлений этого народа казаками 1-го Владикавказского казачьего полка и племенами татарского происхождения.

Кубанская котловина, орошаемая реками Ферзь, Гегене (Большая Тегень), Гегенезий (Малая Тегень) и Воарп, была занята *бесленейцами*, на северо-западе от которых, по долине, орошаемой ручьями Чехурадж, Белогиак и Шеде, жили *мохошевы*. К западу от последних между реками Схагуаше (Белая) и Пшиш обитали *хатюкайцы*, а севернее, между Кубанью, Лабой и Схагуаше, поселилось племя *кемгуй*, или *темиргой*, примыкавшее к *абадзехам*. Абадзехи населяли северный склон Кавказского хребта, пространство между реками Схагуаше и Суп, отделявшей их от шапсугов. Абадзехи, многочисленные и воинственные, делились на *нагорных*, или дальних, и на *равнинных*, или ближних. Нагорные абадзехи сражались по пре-

²³ Барон Сталь. Этнографический очерк черкесского народа (Рукой.); Буков. Опыт истории о черкесах и в особенности о кабардинцах (Рукоп).

²⁴ Шах-Бек-Мурзин. Сведения об адыгейцах // Кавказ. 1849. № 39.

²⁵ Макаров Т. Племя адиге; Кавказ. 1862. № 29.

²⁶ По сведениям барона Сталя, семейству Кайтукиных принадлежало 19 деревень с 3210 душ обоего пола, Бек-Мурзиным — 24 деревни с 7737 душ обоего пола, Мисосговым — 17 деревень с 6306 душ обоего пола, Атажукиным — 22 деревни с 7029 душ обоего пола.

²⁷ В Малой Кабарде, кроме того, жили: в ауле Псидах — чеченцы, в ауле Тур лов — кумыки, в Гайтиеве и Ельджеруковом ауле — назрановцы и осетины Эльтокова и Козрева (Рукопись Сталя).

имуществу пешими, а равнинные – всегда верхом. Главные аулы были расположены в долинах Курджипса, Пчехе, Пшиша и Псекупса. Они делились на девять сообществ или *хаблей*²⁸.

От реки Суп все долины, лежащие на северо-запад до Шипса, теряющегося, как и многие соседние реки, в болотах, окружающих Кубань, заняты были *шапсугами*.

На восток от них по левому берегу Кубани до Пшиша обитали *бзедухи*, делившиеся на два рода: *хамышей*, живших до Псекупса, и *перченей* — далее до Пшиша²⁹.

За рекой Шипе весь угол между низовьями Кубани и Черным морем и оба отрога Главного хребта заняты были племенем *натухаж* (ноткуадж), по южному склону хребта и побережью Черного моря их территория тянулась до речки Бу или Буань, протекающей ниже Головинского поста³⁰ и впадающей в Черное море. Кроме того, к адыгам принадлежат остатки некогда могущественного племени *жан*, или *жанеевцев*. Аулы их были расположены на 70 верст ниже бзедухов, на острове, образованном двумя рукавами Кубани, который носит название *Каракубанский* (по-черкесски *Детлясв*). Среди натухажцев жили три рода адыгов, потерявшие свою самобытность и слившиеся с местным населением: *чебеин* и *хегайк*, в окрестностях Анапы, в котловине Чехурай, и *хетук*, или *адале*, на полуострове Тамань, а теперь разбросанные в разных местах среди натухажцев³¹.

Таким образом, во владении адыгов находились: восточный берег Черного моря, значительная часть обоих склонов Кавказского хребта, Кубанская равнина и большая часть Кабардинской плоскости.

Весьма трудно точно определить численность черкесского племени: «Все цифры, которыми означали кавказское население, брались приблизительно и, можно сказать, на глаз. По понятиям горцев, считать людей было не только совершенно бесполезно, но даже грешно; почему они, где можно было, сопротивлялись народной переписи или обманывали, не имея возможности сопротивляться»³².

Следующая таблица показывает численность черкесского племени в разные годы.

	Число душ в 1835 году*	Число душ в 1858 году**
Большая Кабарда	24 000	24 282
Малая Кабарда	6000	12 756

²⁸ Сообщества эти были известны под именами: Туба, Темдаши, Даур-Хабль, Дженгст-Хабль, Гатюко-Хабль, Нежуко-Хабль, Анчоко-Хабль, Бешуко-Хабль и Эдиге-Хабль. «Хабль» означает то же, что и *улус*. Барон Сталь. Этнографический очерк черкесского народа (Рукопись). Воен. – ученый арх. главного штаба. Также рукопись, доставленная П.В. Кузьминским, которому приношу мою искреннюю признательность.

²⁹ Относительно этих родов и переселения их с берегов Туапсе на нынешние места сохранилась легенда, о содержании которой см. статью «Бассейн Псекупса // Кубанские Ведомости. 1867. № 5.

³⁰ Начиная от реки Аше натухажские сообщества, жившие вдоль юго-восточного берега Черного моря, имели, помимо общего племенного названия, еще и отдельные, по имени урочищ: Гоаие, или Шехокуадж, далее на юго-запад по порядку следовали: Цюхух, Шимитокуадж и Хизе.

³¹ *Люлье Л.* Общий взгляд на страны, занимаемые горскими народами, называемыми черкесами (адиге) и проч. // Записки Кавк. отд. Импер. Рус. геогр. об. Кн. IV. 1857.

³² Воспоминания кавказского офицера // Русский вестник. 1864. № 9.

Беглые кабардинцы	4000	4707
Шапсуги	200 000	160 000
Натухажцы	60 000	20 000
Абаздехи	160 000	40 000
Хатюкайцы	9000	6521
Бзедухи		4000
Кемгуй (Темиргой)	15 000	8168
Бесленейцы	25 000	5115
Мохошевы	5000	5000
Убыхи	19 000	25 000
	527 000	315 549

* Русский вестник. 1842. Т. 6.

** Кавказский календарь. 1858. Статья Ад. П. Берже.

К черкесскому племени мы должны причислить и *убыхов*, живших по берегу Черного моря на юго-восток от натухажцев между реками Зюебзе и Хамишь (или Хоста) в двух урочищах – Вардане и Саше.

По происхождению и языку убыхи вовсе не принадлежат к адыгам, но по обычаям, общественному устройству и, наконец, по всеобщему употреблению среди них черкесского языка наравне с родным должны быть причислены к группе черкесских племен³³.

Все пространство, занятое адыгами, имеет в топографическом отношении двойственный характер. С северо-запада на юго-восток земли адыгов пересекает Главный Кавказский хребет, который, как мы видели, от Анапы до мыса Адлер подступает к самому морю. Далее, поворачивая на юго-восток, хребет отходит в глубь Кавказского перешейка, а морской берег, описав дугу, постепенно отходит от гор.

До реки Мдзымта, впадающей в Черное море, Главный хребет, имея еще незначительную высоту, состоит из отдельных частей, связанных перемычками, образующими в местах соединения узлы или центральные пункты гор, которые дают начало рекам.

Самый замечательный узел представляет гора Оштен, достигающая 9359 футов абсолютной высоты и дающая начало рекам Белой (Схагуаш), Пшехе, Шахе и др. От начала и до реки Туапсе высота Водораздельного хребта не превышает 5000 футов, он довольно резко поднимается до горы Оштен, а оттуда до Мдзымты – относительно довольно равномерно. На всем этом пространстве высота его ниже снеговой линии, начинающейся на вершинах Абхазских гор.

По обеим сторонам Водораздельного хребта и почти параллельно ему тянутся по три хребта с южной и северной стороны. Все эти второстепенные южные хребты прорваны главнейшими реками – Туапсе, Псезуапсе, Аше, Шахе, Соча и Мдзымта, – стекающими с Водораздельного хребта. Второй хребет дает начало второстепенным рекам Дедеругай, Шепси, Мокуапсе, Дагомыс, Мецоста, Хоста, Псоу и др. Эти реки и речки прорывают третий и последний хребет, с которого стекают уже реки третьего разряда.

Продольные хребты, соединившись с поперечными по обоим берегам рек, следуют по их течению и упираются в море, образуя у устьев небольшие долины.

³³ О делении черкесского народа на племена и происхождение названий каждого см.: О хищнических действиях черкесов и чеченцев в наших пределах // Кавк. 1857. № 26; *Шах-Бек-Мурзин*. Сведения об атыхейцах // Кавк. 1849. № 39; *Макаров Т.* Племя адиге // Кавказ. 1862. № 29.

Пересеченная по всем направлениям местность представляет собой ряд котловин, окруженных со всех сторон горами и теряющих свой нагорный характер по мере приближения к морю.

Одно и то же на всем протяжении направление горных хребтов придает общий характер течению южных рек: все они имеют два главных истока – северный и восточный, после слияния которых они текут перпендикулярно к морскому берегу. Имея много восточных и мало западных притоков, почти все реки у устья левым берегом довольно близко подходят к горам, а по правому берегу лежат более-менее широкие поляны.

По мере подъема хребта и отступления его от Черного моря меняется полноводность и быстрота течения рек. Чем выше находится исток, тем больше тающего снега, тем больше количество воды, тем круче падение, а следовательно, и течение быстрее. У Туапсе, например, нет такого обилия воды и быстроты течения, каким отличается берущая начало гораздо выше ее Мдзымта, имеющая характер настоящей горной реки. Многие здешние реки маловодны, некоторые вообще пересыхают, однако весной они полноводны, и даже многие балки, сухие летом, весной, при таянии снегов, наполняются водой³⁴. Обрывающиеся вертикальными уступами и покрытые густою растительностью, прибрежные скалы бывают в это время иссечены потоками.

Берег Черного моря Геленджика до Гагр имеет почти прямолинейное очертание, и только в немногих местах выдаются в море короткие и тупые мысы или, напротив, море вдается в сушу пологими дугами. Частые морские приливы набросали к подножию гор узкую полосу песка, гальки и камня шириной от 5 до 10 сажен, где пролегает единственный путь для сообщения между собой жителей, разделенных горами. Однако дорога эта, идущая по ничем не скрепленному и подвижному обкатанному булыжнику, неудобна даже для верховой езды³⁵. Волны во время прибоя, ударяясь в самое подножие крутых скал, не только прекращают по этому пути всякое сообщение, но и разрушают постепенно сам берег³⁶.

Вообще, существует весьма мало хороших продольных путей сообщения между поселениями, расположенными в ущельях главных рек или их притоков.

Прибрежная часть Закавказья представляет собой ряд террас, постепенно снижающихся по мере приближения к Черному морю. Террасы изрезаны реками, вливающими свои воды в море. Ниже скалистых вершин расположены прекрасные пастбищные луга, ниже раскинулся громадный лес, по преимуществу сосновый. На высоте 4000 футов над уровнем моря растут чинары и грецкий орех. Прибрежная полоса может похвастать множеством самых разнообразных фруктовых деревьев, дающих плоды очень хорошего качества.

Недостаток значительных равнин делает эту часть Закавказского края непригодной для занятия одним хлебопашеством, но садоводство, виноделие и шелководство могут иметь здесь широкое применение. Около мыса Адлер растительность чрезвычайно разнообразна. Чирта, кипарис, пальма, увитые диким виноградом и другими вьющимися растениями, перекидывающимися с дерева на дерево живописными фестонами, видны повсюду, полевые цветы отличаются разнообразием и богатством красок³⁷. Прибрежная часть Закавказья превосходит в этом отношении Южный берег Крыма и из-за того, что она южнее по широте, и из-за обилия орошающей ее воды. Единственный, однако весьма важный ее недостаток – почти полное отсутствие бухт и пристанищ для судов. Зато сообщение через Главный хребет с хлебородной полосой северной части Кубанской области довольно удобно.

³⁴ *Стебницкий И.* Географические заметки о восточной части Закубанского края // Кавказ. Календ, на 1867 г.

³⁵ *Стебницкий И.* Географические заметки о восточной части Закубанского края.

³⁶ *Карлгоф Н.* О политическом устройстве черкесских племен, населяющих северо-восточный берег Черного моря // Рус. вест. 1860. № 16.

³⁷ *Дюкрюаси И.* Краткое описание глав. торг. пут. сообщения Закавказского края // Записки Кавк. отд. Им. Рус. Геогр. общ. Кн. I. 1852.

Климат этой местности нельзя назвать совершенно здоровым и благоприятным. Прибрежная полоса имеет местами дурной климат, особенно в устьях рек, по большей части разделяющихся на несколько рукавов. Задерживаемая нанесенной с моря галькой, вода в этих рукавах запруживается, часть ее медленно просачивается дальше, а остальная, застаиваясь, образует болота и заражает воздух. В некоторых горных ущельях с обильной растительностью от большого количества палой листвы и сырости воздух пропитан миазмами. Однако отличное состояние здоровья местного населения говорит в пользу хороших качеств климата.

В юго-восточной части находятся месторождения серебряной, свинцовой, медной и железной руд. По словам туземцев, на скалистой возвышенности Фишта есть месторождение ртути. Нефть, горный деготь и горный воск составляют главное богатство этого края. Кое-где попадаются минеральные источники.

С северной стороны Водораздельного хребта также, параллельно ему, идут три хребта с крутыми, недоступными скатами на юге и пологими на севере. Первый второстепенный хребет прорван реками, стекающими с Водораздельного хребта, части второго хребта, прорванного теми же реками, имеют вид дуги, обращенной выпуклостью на юг, от третьего и последнего хребта отделяются небольшие возвышения; пролегая между реками, они спускаются к Прикубанской равнине. На северном склоне орографический характер гор тот же, что и на южном: по мере удаления на юго-восток они постепенно возвышаются. Примечательно, что от верховьев Туапсе и до реки Соча Водораздельный хребет ниже параллельных ему с севера и юга, а далее на восток картина принимает совершенно обратный характер³⁸.

Отроги Главного хребта занимают и значительную часть Большой Кабарды – в ее юго-западной части. Вся же северо-восточная часть имеет наклон к слиянию Малки и Терека. В Малой Кабарде пролегают два хребта, почти параллельные друг другу, один из них делит ее пополам, а другой выступает ее южной границей³⁹. Край этот не может похвастать обилием ни леса, ни воды.

Подшвы последних уступов гор, примыкающих к Кубанской равнине и к Кабардинскому плато, почти сплошь покрыты лиственным и хвойным строевым лесом и изрезаны глубокими ущельями, тогда как пространство, прилегающее непосредственно к Кубани и к нижней части Лабы, – это гладкая равнина, покрытая мелким кустарником.

Обширную Закубанскую равнину и Кабардинское плато пересекает много параллельных рек и речек, главные из которых, как мы видели, берут начало на Главном, а второстепенные – на побочных хребтах. Все они сливают свои воды или в Кубань, или в Терек.

Климат этой части местности в целом здоровый, весна по большей части дождливая, лето сухое и жаркое, часто дуют ветры. Зима обычно наступает в начале декабря и длится до середины февраля. В январе морозы достигают иногда 20 градусов, но глубокий и большой снег выпадает редко.

Горная часть Кабарды от Чегема до Терека вся покрыта лесом, а в Малой Кабарде лес растет только по северному склону гор, образующих ее южную границу. Чинара, бук, липа и редко дуб наполняют леса, яблони, груши и другие плодовые деревья растут преимущественно в низменных местах лесной полосы, виноград встречается около слияния Баксана и Малки. Многие из черкесских лесов до того болотисты, что пройти по ним весьма трудно. Все пространство Закубанской равнины и Кабарды, не покрытое лесом, – это обширная плодородная местность, пригодная для выпаса скота, посевов зерновых и покосов. Трава здесь отличается ростом и необыкновенной питательностью. «Один год – теленок, а другой год – корова», – говорит черкесская поговорка, как нельзя лучше описывающая питательность местной травы.

³⁸ Дюкраси И. Краткое описание глав. торг. пут. сообщения Закавказского края. Кн. I. 1852.

³⁹ Князь Т.Г. Баратов. О природе и хозяйстве Кабарды. Кавк. 1860. № 73.

Земледелие здесь находилось в неразвитом состоянии. Между туземцами уважали не того, кто занимался хозяйством и торговлей, не того, кто богател мирными трудами рук своих, а того, кто приобретал добычу в бою и рисковал при этом жизнью.

Небольшие посевы кукурузы, проса, очень редко пшеницы окружали аулы, но их было недостаточно, даже чтобы прокормить семейство. Местные жители постоянно покупали хлеб, тогда как по богатству почвы и изобилию земли они могли бы иметь его с избытком. Причиной этого было отсутствие собственности на землю. Каждый пользовался землей, какую успел захватить, и такой порядок вел к бесконечным спорам и нескончаемым тяжбам. Садоводство и огородничество в особенности страдали от этого: никто не решался заниматься ими из опасения, что сообщество отнимет обработанную и удобренную землю.

Леса считались общими, принадлежащими всему народу нераздельно. Каждый мог пользоваться лесом для собственных нужд, но, чтобы продать лес, следовало внести определенную сумму в общественный капитал.

Главное богатство черкесов, особенно кабардинцев, составляли пчеловодство, огромные табуны лошадей и отары овец, и те и другие славилась своими качествами. Кабардинская лошадь не требует особого ухода, пасется круглый год в поле и питается зимой кореньями, которые вырывает из-под снега копытами. Кабардинские лошади не знают ковки, но в течение целого месяца легко делают переходы по 60—100 верст в день, причем без дневков.

Образцы местной промышленности представляли собой довольно грубое сукно, известное под названием черкесского, бурок, отличавшихся легкостью и непромокаемостью, разных кожаных изделий, расшитых серебром, пистолетных чехлов, чепраков, чевяков и чрезвычайно удобных арчаков с подушками⁴⁰.

В целом местная промышленность и торговля были незначительны. В горах изготовляли оружие и земледельческие орудия, но то и другое не отличалось хорошим качеством. Закубанские черкесы изготовляли вино, белое и красное, которое, вопреки запрету Корана, составляло обязательную принадлежность любого пира. За неимением денег торговля была меновая. Горцам были известны только русские рубли и грузинские абазы (двугривенные), да и то в обращении их было немного.

Главная отрасль промышленности черкесов, доведенная до довольно высокой степени совершенства, — ювелирное дело. Они имели искусных золотых дел мастеров, которые особенно отличались в рисунках для черни на серебре, которой покрывали рукояти пистолетов, пашек, ножны кинжалов и др.

С черкесского берега вывозили мед, воск, кожи, лес, масло и другие продукты, а главным объектом ввоза была соль, в которой черкесы испытывали крайнюю нужду и которая заставляла туземца ходить на наши меновые дворы, устроенные в разных пунктах кавказской линии, или платить ногойским мурзам тяжким трудом, а иногда и кровью...

⁴⁰ Князь Баратов Т.Г. О природе и хозяйстве Кабарды // Кавказ. 1860. № 73; Вести с Кубани // Московский вестник. 1860. № 2.

Глава 3

Религия черкесов и их суеверия. Обряды при лечении раненого. Вера в духов. Народные легенды. Колдуны и ведьмы. Гадание

В прежние времена все черкесы исповедовали христианство. Песни, сказки и предания черкесов свидетельствуют, что христианство было введено при Юстиниане, тогда были воздвигнуты храмы, поставлены священники (*шогени*), главный из которых в звании епископа (*техник*), по преданию, жил в четырех верстах от крепости Нальчик, в месте, до сих пор известном в народе под именем *лесистого кургана*.

«В те времена, — говорят черкесы, — народ отличался набожностью, твердой верой, и никто не клялся именем Творца, считая то величайшим для себя грехом. Каждый черкес довольствовался тем, если клянущийся в подтверждение истинности своих слов произносил имя уважаемого всеми человека».

По свидетельству древних писателей и лиц, посещавших земли⁴¹ черкесов, они называли себя христианами, имели священников, крестили детей по достижении ими восемнадцатилетнего возраста или вообще совершеннолетия. Имена новорожденным давали по имени первого встретившегося чужестранца или в честь дедов и отцов. По тогдашнему обычаю, в церковь могли входить только шестидесятилетние старцы, уже переставшие вести разбойничью жизнь, остальные становились у входа или у церковного притвора.

Не имея письменности на родном языке, они слушали богослужение на греческом, которого не понимали не только народ, но и сами священники.

Христианство пришло сюда не как догматическое учение, а только как новые обряды. Оно воздействовало на чувства и воображение формой богослужения, но не касалось нравственных понятий и внутренней жизни. «В обычай черкесов вошло соблюдение некоторых постов, и тем легче, что за исключением особых случаев горцы постоянно крайне умеренны в пище. Дальнейшим стеснениям они не подчинялись; так, например, *супружеский устав их остался в совершенном противоречии с церковными положениями*»⁴².

При таких условиях христианская вера не могла до конца укорениться среди черкесов, и с сокращением числа священников христианские обряды стали мало-помалу исчезать из памяти народа. Обрядовая сторона религии начала меняться, а с ее изменением стали меняться и понятия народа об исповедуемой им религии. Покинув церкви, черкесы при молитве всегда обращались на восток, зажигали в домах восковые свечи и ладан. К этим остаткам христианства народ прибавил свои собственные обряды, родившиеся из суеверий и предрассудков. Для молитвы собирались под сень огромных деревьев, привязывали к веткам кресты, приносили жертвы и заканчивали все это пиром. Обряд носил название *ташь* — богоугодная жертва. За неимением рукоположенного священника выбирали старика, надевали на него *ямычи* — белую войлочную мантию, и тот, взяв в руки деревянную чашу, наполнял ее вином или бузой и, повернувшись к востоку, читал молитву, по большей части импровизованную, потом обращался к народу, призывал на него благословение небес и просил исполнения того, о чем молились присутствующие.

Потеряв нить истинных христианских обрядов, черкесы не могли оставаться совсем без религии и потому примешали к своим религиозным верованиям понятие о многобожии, уста-

⁴¹ Георгий Интериано, посетивший восточный берег Черного моря между 1550 и 1557 годами, пишет о черкесах как о христианах. Где-то около 1637 года доминиканец Иоанн Лукский уже сообщает, что среди черкесов появилось магометанство. См.: *Хиццунов П.* Остатки некогда бывшего христианства на Кавказе // Кавказ. 1846. № 35; Начало христианства в Закавказье и на Кавказе // Сб. свед. о кавказских горцах. Вып. II. 1869.

⁴² Начало христианства в Закавказье и на Кавказе. Вып. 2. 1869.

новили посты и праздники в честь разных святых и почитаемых ими богов и таким образом незаметно отпали от христианства.

В таком состоянии были религиозные воззрения черкесов, когда в начале XVIII столетия⁴³ к ним стало проникать учение Магомета. Религиозное усердие крымских ханов, с которыми черкесы некогда поддерживали тесные и частые контакты, распространяло ислам.

То ласками и угрозами, то огнем и мечом вводили они среди народа магометанскую религию. Многие *шогени* (священники) были убиты, книги сожжены, а пастырские жезлы расхищены и с презрением выброшены. Память об этом событии до сих пор сохранилась в народе.

«Чтобы твое имущество, – говорит черкес, рассердившийся на соседа, – было расхищено так, как расхищены были шогейские жезлы!»

Старания крымских ханов не прошли даром, и из всех племен адыгов кабардинцы первыми стали исповедовать ислам.

После занятия турками Анапы влияние турецкого духовенства увеличило число последователей Магомета, и мало-помалу ислам, хотя и с большими препятствиями, утвердился среди племен, населявших северный склон Кавказского хребта.

Народное предание сохранило рассказ о сопротивлении, которое было оказано народом адыгов распространению магометанства. Шапсуги, видя, что в Анапе, в Кабарде, в ногайских степях распространяется ислам, решились и сами принять учение мединского пророка. Они построили мечети и стали молиться на юг, а натухажцы по-прежнему поклонялись кресту и молились на восток.

Следуя новому учению – распространять свою религию мечом, – шапсуги в значительном числе напали на натухажцев, собрали все кресты и сожгли их. Последние, оскорбленные таким вторжением, в свою очередь вторглись на земли шапсугов, разрушили и разорили все их мечети. Началась междоусобица, борьба двух религий, длившаяся, по сказанию народа, двадцать с лишним лет. Натухажцы обычно имели перевес и при заключении перемирий упрекали шапсугов в отступлении от веры отцов.

«Вы, – говорили они, – наши братья, изменили закону предков, приняли новый, но мы не можем согласиться, чтобы вы последовали Магомету, и требуем возвращения к старому закону».

Шапсуги оставались глухи к подобным просьбам, междоусобная вражда продолжалась. Оба племени несколько раз обращались с жалобой к анапским пашам: одни просили удовлетворения за сожжение крестов, другие – за разрушение мечетей. Анапские паши, сами магометане, естественно, принимали сторону шапсугов и старались положить конец вражде склонением натухажцев принять ислам. Усилия их долгое время оставались тщетными.

«Поклонение распятию, – отвечали натухажцы, – древнее магометанского учения. Все горцы поголовно исповедовали Христа, и шапсуги, отпав от закона предков, первые подали повод к неприязненным действиям оскорблением святыни».

После столь категоричного ответа, казалось, трудно было надеяться на распространение ислама среди натухажцев. Однако анапские паши разными способами сумели примирить оба племени, и каждое из них осталось при своем относительно исполнении религиозных обрядов. В такой ситуации черкесы встретили наступление XIX века. За истекшее время магометанское духовенство деятельно распространяло свое учение среди шапсугов. Тогда как натухажцы оставались совершенно забытыми, без пастырей и наставников. Священник Иоанн Хазров, посетивший черкесов, насчитывает за полвека только шесть священников, бывших пастырями для всей христианской или полухристианской части племени адыгов. За отсутствием пастырей натухажцы не могли сохранить твердость веры и рано или поздно должны были отпасть от хри-

⁴³ По свидетельству Шора-Бекмурзин-Ногмова, окончательное уничтожение христианства произошло в 1717 году (Кавк. календ. на 1862 г.).

стианства, что и произошло. В первое десятилетие XIX века Гассан-паша Анапский вступил со значительным войском в земли черкесов и то угрозами, то большими подарками сумел склонить их к принятию магометанства. Они дали клятву в соблюдении законов Корана и согласились принять к себе духовных наставников, и этого было совершенно достаточно. С тех пор господствующей религией черкесов стал ислам суннитского толка⁴⁴. Христианство исповедуют только черкесы, живущие в Моздоке, около Кубани, — так называемые *прочноокопские* черкесы, и около Пятигорска. Первые двое относятся к православному, а последние к армяно-григорианскому изводу.

Беспокойная, тревожная жизнь делала черкесов плохими мусульманами, а недостаток в образованном духовенстве лишал их возможности основательного изучения основ этой религии.

«Мусульмане у нас, — говорили старики-горцы, — только одни муллы и кадии, но они все из Турции или из ногайцев; муллы из адыгов недоучиваются. Мы же умеем делать только намазы; два человека из тысячи умеют читать Коран, а старики наши и до сих пор сохраняют в памяти рассказы отцов о сборах в рощах, о сборах в *топах* — церквях, где блистали золотом *техники* (епископы) и *шогеи* (священники), говорившие им слово спасения».

«Техник наш защитник и воспитатель, — говорит черкесская песня, — техник — наш свет. Воспитатель рассуждал о законе Божием с вершины лесистого кургана. И на лесистом кургане сделан ему дом из жести с дверями из литого серебра, и там-то обитал светлый Божий Дух. И ангелы беседовали с мудрым старцем. Свет от бороды его уподоблялся свету факела. Он парит в воздухе, как земная птица подымается под облака, и видит творящих беззакония. Ребра его не простая кость, но кость слоновая, и благородный золотой крест сияет на его груди».

Магометанская религия не помешала отважным черкесам, поборникам свободы и грабежа, отправлять языческие обряды, удовлетворявшие их жажду воинственных потех, набегов и наездов.

В основной части народа, особенно в низших сословиях, религиозные верования состоят из смеси остатков христианства и язычества с добавлением ислама. От христианства у черкесов остались развалины церквей⁴⁵, свидетельствующие, что учение Христа было не чуждо земле адыгов.

Существование в Кабарде нескольких священных книг, частые находки зарытых в землю распятий и глиняных горшков с угольями и ладаном неопровержимо свидетельствуют о христианском прошлом. Туземцы еще помнят время, когда поставленный в саду или перед домом крест делал их неприкосновенными и никто не осмеливался войти в дом или сорвать что-либо в саду. Если отец или мать, умирая, делали завещание своим детям и хотели, чтобы оно было в точности исполнено, то складывали крест-накрест указательные пальцы и только после того изъявляли свою волю. Этот обычай, сохранившийся почти до середины XIX века, разумеется, является остатком прежней веры черкесов. Когда какому-нибудь аулу угрожала заразная болезнь людей или скота, то на границе с местом, где свирепствовала эпидемия, горцы вкапывали крест. Обряд подобного крестовоздвижения совершался всем сообществом, с пышной церемонией. И даже сейчас любая вещь, оставленная в поле без присмотра, над которой поставлен крест, остается неприкосновенной. Названия дней недели также указывают на то, что черкесы исповедовали христианскую религию. Так, среду черкесы называют *бираскезий*, а пятницу — *бираскеихуо*, то есть малый и великий пост (*бираск* значит «пост», *зий* — «малый»,

⁴⁴ Хиццнов П. О состоянии некогда бывшего христианства на Кавказе // Кавказ. 1846. № 35; Иоани Хазров. Остатки христианства между закубанскими народами // Кавказ. 1846. № 42; Шах-Бек-Мурзин. О быте, нравах и обычаях древних атыхейских, или черкесских племен // Кавказ. 1849. № 36; Карлгоф Н. О политическом устройстве черкесских племен // Русский Вестник. 1860. № 16; Люлье Л. Верования, религиозные обряды и предрассудки у черкесов // Записки Кавк. отд. Импер. рус. Геогр. об. Кн. V. 1862.

⁴⁵ Барон Сталь в своем сочинении называет шесть таких церквей.

а *ихуо* — «великий»), воскресенье, *тгаумаф* (Божий день), считают днем, назначенным для отдыха, и потому не работают⁴⁶.

Необходимо заметить, что развитию магометанства способствовали враждебные отношения между черкесами и русскими. Фанатическое учение магометанских проповедников сильно действовало на умы народа и подстрекая их на войну с русскими. Проповедуя новое учение, исламское духовенство ходило вместе с народом на войну, на разбои, производило волнения, следствием которых, как увидим ниже, стал упадок власти князей и дворянства. Мало-помалу духовенство слилось с народом и приобрело в его среде весьма большое значение. Эфенди и мулла разделяли с наездником его риск и невзгоды, бойко сражались и наряду с этим играли важную роль на народных собраниях. Такими поступками муллы достигли того, что слово *шоген*, означавшее на черкесском языке христианского священника, означает теперь медика, знающего свойства трав и умеющего лечить⁴⁷.

Будучи, однако, весьма плохо образовано, мало знакомо с основами ислама, духовенство передало черкесам шаткие понятия о религии, но сумело уверить народ, что гяуры, принудившие Магомета бежать из Мекки в Медину, не кто иные, как русские, и что правоверных, павших в бою с русскими, ожидает райское блаженство, а тех, которые им покоряются, — адские муки.

«Все религии от Бога, — говорила черкешенка одному из русских пленных, — все пророки от него и передавали людям только одни его заповеди. Сперва был послан Мусса (Моисей) просветить умы еврейского народа и подготовить своим законом приход Иссы (Иисуса), чье чистое, возвышенное учение из-за строгих правил оказалось неисполнимым для слабого человеческого рода, продолжавшего грешить через беспрестанное их нарушение. Тогда Аллах всеблаготворитель послал Магомета смягчить закон Иссы, определив, что тот, кто не станет следовать этому последнему учению, не превышающему человеческих сил, будет осужден на веки веков».

Просвещенная горянка сожалела о заблуждениях христиан, исповедующих, по ее же собственным словам, более чистое и возвышенное учение, чем она сама⁴⁸.

Эфенди уверили суеверный народ, будто бы нашли в Коране пророчество, согласно которому абадзехи, шапсуги и убыхи никогда не будут подвластны русским, если только станут защищать свою независимость, молиться и уважать духовенство. Возлагая в этом случае всю надежду на лес, горы и свою мнимую многочисленность, но не отрицая могущества России, они обычно говорили: «Мы знаем, что русские богаты и пользуются житейскими удобствами. Бог им дал мир, но они гяуры и будут в аду, мы бедны, но мусульмане — и рай наш. Жизнь эта коротка — не променяем блаженства будущей, вечной, на удобства преходящей»⁴⁹.

Ислам не коснулся, однако, большей части простого народа, особенно жителей морского побережья от Геленджика до мыса Хизе и примыкающих к нему долин. Они оставались без определенной религии, придерживаясь обрядов жертвоприношения и возлияния. Особой формы деревянный крест, прислоненный к дереву, был единственным символом их поклонения. У них не было ни церквей, ни особых молитвенных домов или жертвенников. Священные рощи, к которым никто не смел прикасаться, заменяли храм, были местом для молитвы: в святость таких рощ и лесов, в их чудесную силу черкесы верили всей душой. *Джемплыхский* лес, например, был посвящен богу изобилия (Тхагалегг), и ежегодно белая телка приносилась в этом лесу в жертву. В 1841 году, когда генерал Засс вторгся на территорию между реками Белой и Пшехом, где находился Джемплыхский лес, он встретил там горячее сопротивление и

⁴⁶ Остатки христ. и проч. // Кавк. 1846. № 40; *Шах-Бек-Мурзин*. Сведения об атыхейцах. Кавк. 1849. № 37; *Люлье Л.В.* Зап. Кавк. отд. Импер. Рус. геогр. об. Кн. V. *Зубов*. Картины Кавк. края. *Каменев Н.* Развалины церкви Св. Георгия // Кубанские войсков. ведом. 1869. № 36 и 37.

⁴⁷ *Барон Сталь*. Этнографический очерк черкесского народа (рукопись).

⁴⁸ Воспоминания кавказского офицера // Рус. вест. 1864. № 12.

⁴⁹ *Барон Тарнау*. Запис. офиц. бывшего в плену у горцев // Кавк. 1852. № 1 и 2.

сам был ранен. Черкесы были уверены, что Господь наказал Засса за то, что он решился пройти с отрядом через их священную рощу. Спустя семь лет, в 1848 году, генерал Ковалевский также совершил набег на это урочище, который оказался удачен, потери были незначительны. Абадзехи очень удивлялись счастливому исходу этого набега для русских и пришли к выводу, что, вероятно, Ковалевский – это *шейх* (святой), раз так счастливо отделался.

В одной из таких рощ, считавшихся священными, собирался народ для молитвы. Под открытым небом, под сенью развесистого дуба устраивалось нечто вроде алтаря, украшенного простым деревянным крестом грубой работы, и народ возносил свои мольбы к небу, призывая Всевышнего по имени – *Тгаихуо*. В каждой долине было по несколько таких священных рощ с известным числом «приписанных» к ним домов или семейств, составлявших, так сказать, приход этой рощи, или *тгахапх*. Богослужение совершал старец, избираемый в звание жреца пожизненно. Он первым делом ставил у дерева крест, облеплял его свечами, зажигал их и умывал руки и лицо. Накинув на себя бурку, сняв шапку и встав на колени, он громко произносил молитвы, соответствующие празднику. По большей части молитвы представляли собой прошение земных благ, урожая, дождя, избавления от повальных болезней и других бедствий. Окончив молитву, жрец приступал к закланию жертвы – барана, козла или быка. Взяв от креста одну из зажженных восковых свечей, он натирал воском шерсть на лбу животного, предназначенного в жертву, совершал над его головой возлияние из приготовленной для этого бузы и тут же закалывал. Затем жрец брал в одну руку пирог или лепешку, в другую – деревянный сосуд, выточенный наподобие чаши и наполненный бузой, и, вознося все это к небу, вновь молился. По окончании молитвы пирог и сосуд передавались старшему из присутствующих, а несколько таких же пирогов и чаш – другим, стоявшим рядом, которые передавали их следующим, – это заменяло причастие, после которого каждый трижды обходил вокруг креста. Между тем голову животного, принесенного в жертву, насаживали на длинный шест, воткнутый в землю где-нибудь поблизости от креста, а из мяса готовили пищу, шкуру жертвенного животного получал жрец. Во время приготовления пищи старики и старухи, взявшись за руки, составляли круг и плясали под звуки песен особого напева. К старым присоединялись молодые, и скоро веселье делалось всеобщим.

Кроме приготовленного мяса, каждое семейство приносило с собой кругленький столик, *пасту*, пирожки с сыром и прочие кушанья. Рассевшись на земле вокруг столиков человека по четыре, главы семейства принимались за пищу и питье. Молодые люди не участвовали в пиршестве, они разносили яства и напитки, прислуживали старшим и довольствовались остатками кушаний. Женщины составляли отдельный кружок и старались скрыть от мужчин, что едят, в особенности девушки, которые скорее готовы были остаться голодными, чем допустить, чтобы мужчина увидел их жующими⁵⁰.

Подобные жертвоприношения совершались у черкесов довольно часто, в честь разных божеств и высших покровителей. Веруя в единого Бога и называя его *Тиа* и *Тиар*, черкесы признавали божество в трех лицах: *Тга-Шхуо* (великий Бог), *Марием-Тга-Пиши* (Мария-Бог-князь) и *Шериунз* (смысл и значение этого слова утрачены), но в то же время верили и молились множеству различного рода покровителей. Так, в народном сознании существовал *Зегуи* (или Зейкутх), покровитель наездников, *Емиги* — покровитель овец, *Хепегуаиш* — дева морских вод и *Псегуаишаха* — дева вод речных, *Хятегуаиш* — дева, покровительница садов, *Кодес* — бог в образе рыбы, удерживающий море в пределах берегов, *Мезитх* — бог лесов и покровитель охотников. Его молили об удаче на охоте и представляли едущим на кабане с золотой щетиной.

⁵⁰ Люлье Л. Вера, религиозные обряды и предрассудки у черкесов // Записки Кавк. отд. Импер. рус. геогр. об. Кн. V. 1862; Невский П. Закубанский край в 1864 году // Кавказ. 1868. № 98; Барон Сталь. Этнографический очерк черкесского народа (Рукопись). Карлгоф Н. О политичес. устройстве черкесских племен // Рус. вест. 1860. № 16; Краткое описание восточного берега Черного моря и племен, его населяющих (рукопись); Секретная записка в текущих делах штаба Кавк. военного округа.

Народ верил, что по мановению Мезитха собираются на луга все олени и лоси и божественные девы доят их самок.

Всем этим богам приносились жертвы. Так, после каждого удачного набег черкесы отделяли лучшую часть добычи в пользу *Зейгута*, относили ее в священную рощу и вешали на деревья. Многие леса до сих пор наполнены множеством приношений, состоящих по преимуществу из старого оружия и металлических предметов. *Хепещаш* чествовали пляской на берегу моря, а в честь *Псегуашахи* плескались в воде и обливали друг друга.

Гром и вообще гроза особенно сильно действовали на воображение народа и внушали ему безотчетный страх. Черкесы благоговели перед *Шибле* — богом грома — и представляли его себе соперником *Тга-Шхуо*, или великого бога. По народным преданиям, старшинство последнего сомнительно.

«Если бог Шибле рассердится, — говорили черкесы, — то вряд ли Тгашхуо найдет себе место, где укрыться»⁵¹.

Вера в силу Шибле была так велика, что убитого молнией считали блаженным и погребали на том самом месте, где он был убит. По мнению черкесов, жертве молнии приносит этот знак небесного благоволения ангел. Животных, убитых молнией, хоронили также на месте гибели.

Такое погребение происходило с особенной церемонией, которая отличалась от обыкновенных похорон. Л. Люлье, ставший свидетелем обряда, совершенного над тремя козами, убитыми молнией, пишет: «Около коз составилась круг, и началась обычная пляска с напевом, в котором часто повторялись слова: Шибле (гром) и Ялий (Илья). Между тем несколько человек отправились в лес, нарубили жердей и кольев, устроили из них на четырех столбах довольно высокий помост, уложили на нем коз и накрыли их листьями. Помост делается высокий для того, чтобы укрыть трупы коз от хищных зверей. В то время когда одни устраивали помост, другие успели сходить в аул и принести оттуда разных съестных припасов, в том числе и нескольких живых коз. Эти последние тут же были принесены в жертву с обрядом возлияния, а головы их надеты на высокие шесты, воткнутые в землю около помоста. Вся эта процедура называется *шибласха*. Устроенного помоста, кольев и коз никто не трогает, и все остается до совершенного разрушения и тления. Пока приготавлились яства и варилась паста, заменяющая хлеб, молодежь обоего пола плясала с рвением; веселость и одушевление были общие. Когда все было изготовлено, нас накормили и только тогдапустили в путь»⁵².

По обычаю, над телом убитого животного празднование происходило в течение трех дней, а над телом человека — семи. Случалось, что родственники поздравляли друг друга с особенной честью, которую даровало им небо. Разбитое или расколотое молнией дерево было объектом особого уважения, и ему часто приписывали целебные свойства, например исцелять от лихорадок. К одному такому дереву стекались страждущие со всех концов. Больной приезжал с запасом приношений, большей частью пирожков, которые и съедались его спутниками. Кусок дерева зашивали в лоскут материи, надевали больному на шею, чтобы он носил его постоянно, а остаток материи вешали на дерево, ветки которого были увешаны подобными приношениями.

С наступлением осени и в день уборки хлеба черкесы приносили благодарность богу *Туа* за прошедшее лето и молили его об обилии хлеба и плодов земных на будущее. Сохранением стад они считали себя обязанными *Ахину*, покровителю скота, которому приносили жертвы.

Ахин, по народным представлениям, существо весьма сильное и потому заслуживающее особого почета. Вера в это божество была свойственна не одним черкесам, значительная

⁵¹ Барон Сталь. Этнографический очерк черкесского народа (Рукопись). Военно-ученый арх. глав. шт.

⁵² Люлье Л. Верования, религиозные обряды и предрассудки у черкесов. Записки Кавк. отд. Импер. Рус. геогр. об. Кн. V. 1862.

часть Абхазии надеялась на его благосклонность, тем более что в прежние времена постоянные поклонники и служители Ахина жили именно в этой последней стране. Там существовало, а может быть, существует и до сих пор сообщество *Аркоадж*, в котором был род или семейство *Цсбе*, состоявшее из нескольких дворов. Это семейство с давних пор состояло под особым покровительством Ахина, и вот по какому случаю.

На жителей окрестностей Ахиновой рощи⁵³, говорит предание, однажды напало скопище враждебных племен и многих из них взяли в плен. Никем не преследуемый при отступлении, неприятель перевалил через горы и расположился отдыхать. Довольные захваченной добычей, налетчики предались увеселениям, пению и пляскам.

В припадке иступленного веселья они нарушили обычаи страны, заставив плясать и своих пленниц. Одна из них, будучи беременна, просила оставить ее в покое⁵⁴, но победители не слушали ее просьб и требовали, чтобы она тоже плясала.

– О, Ахин! – проговорила она со слезами. – Поневоле пляшу!

Божество явилось на помощь к несчастной и проявило свой гнев тем, что победители целыми толпами стали проваливаться сквозь землю. Тогда один из рода *Цсбе* обратился с мольбой к разгневанному божеству.

– О, Ахин! – закричал он в отчаянии. – Если возвратишь меня домой, то через каждые три года буду пригонять к твоей роще корову на жертву.

Он был спасен и исполнил данное обещание.

Обычно перед праздником, как утверждают в народе, Ахин сам избирал себе в жертву еще не телившуюся корову из стада, принадлежавшего семейству *Цсбе*. Избранная жертва разными движениями и ревом давала понять, что она удостоена чести быть принесенной в жертву божеству. Тогда все члены семейства собирались к корове, мыли ее молоком и после обычной молитвы провожали из дому. Хозяин избранной жертвы отправлялся в путь вместе с ней и брал с собой *тхие* (вареное тесто, нечто вроде освященной булки).

Корову никто не гнал – она сама шла к месту заклания в священную рощу, отчего иногда и называлась «*чеме тлерекуо*», то есть корова, идущая сама. Она проходила по местам, известным под именем *Цзуржи*, *Чеккофи* и *Хмиги-Тчей*, а потом переходила через реку *Сфеши* и вступала в убыхское селение *Сшаше*. Здесь корова останавливалась у двора рода *Чземух* и, отдохнув, снова отправлялась в путь, сопровождаемая крепостным человеком старшины *Чземух*, также с *тхие* и черной козой. Дальнейший путь жертвы лежал через сообщество *Ордане* (*Вардане*), где ее принимал старейшина из рода *Зейфи*, здесь также присоединялся человек с *тхие* и козой и проводил жертву через сообщество *Десчеи*. Тут старейшины разных кланов с *тхие* и козами присоединялись к свите коровы и следовали за ней до места жертвоприношения, называемого *Ахин-итхачех*, которое находится в верховьях *Шахе* и представляет собой купу огромных вековых деревьев, на которых висит разное оружие, покрытое ржавчиной.

Церемониальное шествие Ахиновой коровы представляло в прежние времена любопытное зрелище. Огромная толпа народа с непокрытыми головами, в праздничных одеждах следовала за коровой и гнала перед собой множество коз. Туземцы уверяют, что во время разлива рек, когда сопровождающие корову были вынуждены отыскивать броды в их верховьях, корова без труда переплывала реки и сама, одна, добиралась до места назначения. Подойдя к священной роще, она ложилась под сенью одного из деревьев и ожидала прибытия хозяина и сопровождавшей его толпы. В течение ночи, предшествующей празднику, жертва оставалась на одном месте. Сопровождавшая ее толпа также ночевала в лесу и воздерживалась от пищи и питья до следующего утра, с наступлением которого жертву закалывали с особой молитвой, в которой особенно примечательны следующие слова:

⁵³ Роща находится в верховьях реки *Шахе*.

⁵⁴ Замужние женщины *Черкесии*, согласно обычаю, никогда не принимали участия в танцах.

О, Боже! О, Ахин!
Если и придут – даруй мне!
Если и пойду – даруй мне!

Смысл этих слов: когда молящиеся пойдут на войну сами или когда на их землю придут враги, чтобы и в том и в другом случае победа и добыча досталась им.

Характерную особенность этого жертвоприношения составляло то, что зарезанную жертву переносили несколько раз с места на место. Так, чтобы освежевать и разделить на части, ее переносили на другое место, а мясо варили в котлах на третьем месте и, наконец, кушанье относили на место пиршества. При каждом переносе присутствующие, взявшись за руки и образовав круг, с пляской, песнями и с обнаженными головами сопровождали принесенную жертву.

Под священными деревьями постоянно хранился огромный ковш, наполняемый вином. В день жертвоприношения, совершаемого через каждые три года, перед закланием коровы старшины пили по чарке вина, произнося при этом особые молитвы. Тут же всегда находился старинный котел, в котором варили жертву. Потом мясо делили на части, разносили по домам и, как особую святыню, давали каждому домочадцу, не исключая и младенцев, которым клали его в рот. Кожу, голову и ноги жертвы зарывали в землю на месте жертвоприношения.

Почти в одно время с нашим Рождеством черкесы отмечали праздник в честь *Созериса*, божества, покровительствующего хлебопашцам, изобилию и домашнему благосостоянию⁵⁵. Пришествие Созериса ожидается до сих пор с особенным благоговением, и существует поверье, что он ушел пешком по морю и точно так же вернется. Олицетворением этого божества служил деревянный обрубок с семью суками, вырубленный непременно из дерева под названием *гамишут*. Обрубок этот весь год тщательно сохранялся в амбаре каждого дома, кроме того, был еще и общий, принадлежавший всему селению.

Вечером накануне праздника одна из молодых женщин, обычно из тех, кто недавно вышел замуж, одевшись в самое нарядное платье, отправлялась в дом, где хранился общественный обрубок. Держа в руке зажженную свечу из оставшихся от прошлогоднего праздника, она, обратившись лицом на восток, зажигала от нее все свечи, прилепленные на обрубке. Осветив весь дом, женщина выходила, запирала за собой дверь и вставала у двери, закрывая собой вход в дом. Вокруг нее между тем собиралась толпа. Хромой старик брал в руки палку, унизанную восковыми свечами, и обращался к божеству.

– Ай, Созерис! – восклицал он. – Отверзай нам двери (Ай, Созерис, пчерухи тхечах).

Народ вторил словам старца. Тогда молодая женщина отворяла дверь, и толпа входила в дом. Старик с палкой зажигал бывшие на обрубке свечи, читал молитву, а в доме и на улице зажигали костры. По окончании молитвы народ расходился по домам, неся с собой горящие свечи.

В самый день праздника все члены семейства собирались вечером в амбаре, где каждый хозяин с непокрытой головой выносил своего идола на середину. К каждому суку прилеплял по одной восковой свечке, изготовленной заранее из желтого воска. В каждом доме на полках хранились для этого в течение всего года куски желтого воска: под полками висели особые деревянные сосуды, предназначенные исключительно для возлияния. Вместе со свечами к тем же сукам обрубка привешивались пирожки и кусочки сыра. Убрав таким образом своего истукана, хозяин с торжеством в сопровождении всех своих домочадцев вносил его в саклю. Установив его на подушках в середине комнаты, все члены семьи без различия пола и возраста, взявшись за руки, окружали обрубок, а хозяйка читала молитву.

⁵⁵ У некоторых кланов праздник в честь Созериса был осенью после уборки урожая.

– Созерис! – произносила она. – Благодарим тебя за урожай нынешнего лета, молим тебя даровать и в будущие годы обильную жатву. Молим тебя, Созерис, охранять наши хлеба от кражи, наш амбар от пожара.

Молитва эта произносилась с паузами, в которых окружающие идола делали движения вокруг него и хором произносили: *аминь*.

Примечательно, что после молитвы идол сразу терял всю свою святость и значение: его без всяких почестей относили обратно в амбар и хранили там до следующего года. Семья садилась за ужин и, пользуясь праздником, уничтожала много еды и вина⁵⁶.

За этим праздником следовал *итляс* — Новый год. Год у черкесов состоял из двенадцати месяцев и носил название *итляс*. Названия месяцев, или по-черкесски *мазо*, соответствовали явлениям природы. Так, январь назывался *тчимахок-мазо* — сильный мороз, март — *гатхене-мазо* — первый весенний месяц, апрель — *мальхоо-мазо* — мор на баранов⁵⁷. Месяц делился на *тхаумахо*, или недели, которые состояли из семи дней⁵⁸.

В один из зимних месяцев черкесы устраивали праздник в честь *народов* (богатырей), из которых они особенно отличают *Саузерука*. Приготовив кушанья, часть их относили в кунахскую, где и оставляли для приезжего, заменявшего Саузерука, который, несмотря на все ожидания народа, до сих пор не является, а между тем и доныне в день праздника для *буланой*⁵⁹ лошади Саузерука заготавливают сено и овес, а в стойле стелют солому. Появление в этот день гостя неизмеримо поднимало праздник в глазах хозяев и придавало больше веселья, за неимением гостя пировали с друзьями и соседями.

У черкесов существовало нечто вроде мясопуста и сыропуста православной церкви — *ллуемешхе* и *коаяште* — праздники, отмечавшиеся ранней весной один за другим с небольшим промежутком. Ллуемешхе в буквальном переводе означает: *не ешь мяса*, а коаяште — *взятие сыра*. В эти дни на стол подавали пироги, начиненные сыром, а вечером молодежь наряжала чучело или куклу в какой-нибудь странный костюм.

Некоторые посещавшие черкесов свидетельствуют, что у них существовала Масленица, *угаг*, и Великий пост, *угыг*, продолжавшийся 48 дней⁶⁰, говорят, что черкесы признавали *гушгах*, Вербный день или воскресение мертвых, и отправлялись в этот день на могилы поминать родственников. В течение всего поста черкесы не употребляли яиц ни для каких нужд, и разбить яйцо в это время считалось грехом. Накануне Пасхи красили яйца и ими разговлялись. В первое воскресенье после гушгаха праздновали *кутишь* — Пасху, и в этот день яйца составляли обязательную принадлежность стола, как и небольшой круглый пшеничный хлеб с изображением трех голов.

7 апреля черкесы праздновали *нагышатах* — дарение свежих цветов. В этот день девицы и молодые женщины толпами отправлялись в поле, собирали цветы и дарили их друг другу в память того, что ангел в день Благовещения принес цветок Деве Марии. После этого праздновали

⁵⁶ *Султан-Хан-Гирей*. Мифология черкесских народов // Кавказ. 1846. № 35; *Иоани Хазров*. Остатки христианства и проч. // Кавказ. 1846. № 40; *Люлье Л.* Вера, религиозные обряды и предрассудки у черкесов. Записки Кавк. отд. Импер. Рус. Геогр. об. Кн. V.

⁵⁷ Названия месяцев упоминаются в двух статьях: «Сведение об атыхейцах» Шах-Бек-Мурзина (газета «Кавказ». 1849. № 37) и «История атыхейского народа» Шора-Бекмурзин-Ногмова («Кавказский календарь» 1862 г. По всей вероятности, это один и тот же автор, чьи статьи опубликованы под разными заглавиями. В статьях написание названий месяцев разнится, в обеих статьях недостает по одному месяцу: в первой — декабря, во второй — июля. Шора Бекмурзин называет июнь гомахопе-маза (середина лета), а в газете «Кавказ» июль назван гомахопев-маза — тоже середина лета. Впрочем, редакция газеты оговорила, что туземные названия месяцев, напечатанные русскими буквами, не совсем похожи на произношение туземцев.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ По другим сведениям, лошадь Саузерука саврасая.

⁶⁰ Люлье Л. утверждает, что пост продолжался не более двух недель. Ср.: *Хазров И.* Остатки христианства и пр. // Кавказ. 1846. № 40 и ст. Люлье «Вера, религиозные обряды и проч.» // Зап. Кавк. отд. Импер. Рус. Геогр. об. Кн. V. 1862. См. также: *Карлгоф*. Краткое описание восточного берега Черного моря и племен, его населяющих // Рукопись о текущих делах штаба Кавказского военного округа.

вали день *Вознесения Господня* — приносили в жертву ягненка, готовили из него обед, и с этого дня разрешалось употребление мяса. Смешивая этот праздник с праздниками Троицы и Сошествия Святого Духа, черкесы убирали свои дома в день Вознесения Господня деревьями и цветами.

Богородицу считали покровительницей пчеловодства. Сохранилась легенда, что в то время — а когда оно было, черкесы и сами не знают, — когда все пчелы погибли, одна, каким-то образом уцелевшая, скрылась в рукаве Богородицы, которая ее спасла. Эта пчела произвела всех ныне существующих. В честь Богородицы было установлено несколько праздников и пост. В день *тгагрных* — Божья дочь или Господня дева — каждая девица была обязана отнести на место моления цыпленка и там приготовить из него кушанье. Собравшийся народ потчевали этим кушаньем и после этого поздравляли присутствующих с заговением в честь Богородицы. Пропустившись следующую неделю, в первое воскресенье праздновали *марием* и *янь* (или, по другим сведениям, *Тгаихуо-янь*), что происходило в августе и соответствовало нашему Успению. В этот день черкесы пели всенародно песнь в честь Богородицы: «Великого Бога мать, великая Мария, облаченная в золото белое, на челе имеет луну, а вокруг себя солнце».

Называя святую Марию «матерью великого Бога», черкесы питали к ней особенное благоговение. Множество хвалебных песен в честь Богородицы, длинный ряд осенних праздников и, наконец, обычай прыгать летом через огонь свидетельствуют о большом уважении к ней в народной среде. Прыгая через огонь, туземцы просили Марию о прощении грехов и после этого считали себя очищенными от них.

К этому ряду праздников мы должны прибавить праздник в честь *Тлепса* — покровителя кузнецов, бога железа и оружия. В народе существует предание, что *Тлепс* был кузнецом, отличавшимся святостью жизни и изготавливавшим такие сабли, которые рассекали целые горы железа. В семействе Шумноковых хранится до сих пор древняя сабля, которая, по преданию, была сделана каким-то *оружейником-полубогом*. При разорении аулов Шумноковых сабля эта была захвачена черноморскими казаками и впоследствии была возвращена владельцам, значительным у себя на родине лицам. Когда черкесы узнали о ее возвращении, они поспешили посмотреть на саблю, о которой ходит столько преданий. До двух сотен подвластных и знакомых Шумноковых собралось в аул, они один за другим подходили и прикладывались, по обычаю, к поле верхней одежды человека, способствовавшего возвращению дорогой сабли.

По преданию, *Тлепс* похоронен в лесу под названием *Гучипце-Говаих*, до сих пор черкесы показывают его могилу, усыпанную железными опилками.

Тлепс очень уважаем в народе, так что его имя произносят как род клятвы или божбы. В день праздника черкесы молились, совершали возлияние на лемехе и топоре, а совершив обряд, пили, ели и предавались забавам, главной из которых была стрельба в цель, преимущественно в яйцо, поставленное на видном месте. К Тлепсу обращались с молитвой об излечении каждого раненого.

Вообще, обряды, которые совершают черкесы при лечении раненого, были остатком времен язычества. Если раненый был человеком знатного происхождения, его помещали в доме ближайшего владельца того аула, возле которого он был ранен.

Перед тем как внести больного в назначенное ему помещение, возвышали порог, прибавляя к нему толстую доску, а девушка моложе пятнадцати лет обводила коровьим пометом черту по внутренним стенам комнаты, чтобы предохранить этим больного от дурного глаза. У постели больного ставили чашку с водой, в которую опускали куриное яйцо, и тут же клали железные лемехи и молоток. Последние иногда привешивали к потолку или клали у порога при входе в комнату. Каждый посетитель должен был подойти к ним и три раза ударить молотком по лемехам. Этим отгоняли злых духов, заклинали бога войны и унимали жар в ране.

Посетитель старался ударить молотом по железу так сильно, чтобы звук был слышен всеми, кто находился в доме. В народе бытовало поверье, что, если пришедший навестить ране-

ного был братоубийцей (мехаадде) или убийцей невинного человека (кайлы), то удар молота не производил звука. Если такой человек, говорили черкесы, прикоснется к чашке с водой, то лежащее в ней яйцо непременно лопнет и тем обнаружит преступление посетителя. Поэтому убийцы не касались чашки, стараясь, однако же, скрыть это от присутствующих.

«Бог да сделает тебя здоровым!» – произносил посетитель, подходя к постели больного и слегка окропляя одеяло водой из чашки.

Входившие к больному и выходившие от него должны были переступать через порог с крайней осторожностью, чтобы не задеть его ногой, так как это могло повредить раненому и считалось для него неблагоприятным предзнаменованием.

Поместив раненого в дом, тотчас же призывали доктора, который и оставался при нем до выздоровления. Каждую ночь у постели больного собиралось множество народу: старики и молодые, приезжие и жители аула – все считали своим долгом его навестить. В самый короткий срок аул становился сборным пунктом посетителей не только соседних, но и дальних дворян и лиц высшего звания. Из общего правила не исключались и девицы. Хозяйка дома и ее дочери спешили пригласить к себе соседок, дав им возможность проявить внимание к больному. Женщинам же, напротив, обычай строго воспрещал подобные посещения.

Посетители, окружавшие больного, старались не давать ему заснуть и для этого разделялись на две партии, каждая старалась превзойти другую в изобретении средств для развлечения больного. Перед его глазами происходили разные игры и пение. Сначала пели песни, сложенные исключительно для подобного случая, а затем, если больной находился вне опасности и был весел, переходили к обычным песням, в противном случае тянули прежние песни, пока хватало сил.

Девицы, находившиеся у постели раненого, принимали особое участие в играх, из которых наиболее употребительной считалась *рукобитье*. Кто-нибудь из посетителей, подойдя к одной из девиц, требовал, чтобы она протянула ему свою руку, и бил ее по ладони, после чего она, в свою очередь, подходила к одному из мужчин с точно таким же требованием. В этом и заключалась вся игра, тем не менее она продолжалась довольно долго, потому что, по замечанию автора-туземца, «никакая другая забава в сих сборищах не доставляет столько удовольствия мужчинам. Вероятно, и девицам не бывает неприятно позабавиться с молодыми наездниками, которые привлекают их внимание, потому что они играют в рукобитье весьма охотно».

Крик, шум и толкотня окружали больного постоянно и продолжались до тех пор, пока присутствующие не устанут. Тогда, в ожидании ужина, вновь затягивали песни, но продолжались они недолго. Напившись и наевшись досыта, мужчины расходились по домам, а девицы в сопровождении друзей хозяина переходили на женскую половину и там, дождавшись утра, расходились по своим саклям. С наступлением сумерек общество вновь собиралось для того, чтобы повторить вчерашнее. Сборища продолжались до тех пор, пока раненый не выздоравливал или не умирал.

«Разумеется, – говорит тот же автор, – если нет надежды на выздоровление, когда больной явно приближается ко гробу, сборища бывают невеселы, следы уныния заметны на лицах посетителей, которые в таком случае немногочисленны и состоят по большей части из друзей больного и хозяина дома, его содержащего. Но песни не прекращаются и в последнюю ночь жизни больного».

Народный этикет требовал, чтобы сам больной, несмотря ни на какие страдания, принимал участие в забавах и увеселениях. При входе и выходе посетителей он должен был вставать с постели, а если не мог этого сделать, приподнимался на изголовье. Охавший, морщившийся и не приподнимавшийся с постели больной падал в глазах общества и подвергался насмешкам, оттого черкесы во время болезни были всегда терпеливы до чрезвычайности.

Часто случалось, что родственники и близкие знакомые раненого присылали скот и разного рода припасы. Когда больной выздоравливал, хозяин дома, где он лечился, устраивал

в честь его праздник, дарил выздоровевшему подарки и вознаграждал лекаря. Последнему, кроме того, отдавали все кожи от быков и баранов, съеденных во время лечения. Со своей стороны, выздоровевший награждал подарками женщину, которая стирала ему бинты и тряпки, девушку, проводившую черту внутри комнаты, где он лечился, хозяина дома, в котором он лежал, и доктора, с которым бедные люди предварительно торговались, а лица знатного происхождения предварительные условия с доктором считали предосудительными⁶¹.

Таков был уход за раненым, способ его лечения и уверенность черкесов в участии в этом деле Тлепса.

Кроме Тлепса, черкесы почитали еще и многих других лиц, отличившихся святостью жизни.

Все жители, обитавшие между бассейнами рек Туапсе и Шахе, почитали священным урочище *Хан-Кучий* (что в переводе означает «священная роща»), где и совершали богослужение. Посреди рощи находится могила, в ней, по преданию, похоронен человек, который делал много добра ближним, был известен храбростью, умом и, дожив до глубокой старости, был убит молнией. Звали его Кучий, но поскольку князь на местном наречии называется хан, то и роща получила название *Хан-Кучий*.

По уверениям туземцев, больные, принесенные в рощу, получали облегчение, а просьбы молившихся у могилы всегда исполнялись. По воскресным дням в роще совершались богослужения и приносились жертвы, особенно во время голода и разных невзгод и бедствий. Когда народ собирался в роще, закалывали жертву и ее кровью поливали могилу Кучия, а в память о жертвоприношении вбивали в дерево, растущее над могилой, железный или деревянный крест. Все дерево унизано такими крестами, и по наслоениям его коры видно, что некоторые из них вбиты более ста лет назад. После жертвоприношения опять следовали молитвы, мясо животного раздавалось нищим, потом присутствующие пировали: ели, пили, плясали и стреляли в цель. Жители окрестных аулов, питая особое уважение к этой роще, со страхом смотрели на то, как русские солдаты в 1865 году рубили в ней деревья. Проводники-туземцы просили разрешения не располагаться в роще вместе с отрядом, уговаривали солдат не рубить деревья и, наконец, объявили, что русских за такое святотатство постигнет кара небесная.

Примечательно, что на одном из деревьев в этой роще была прибита дубовая доска с вырезанной на ней надписью плохими славянскими буквами: «*Здесь потеряна православная вера. Сын мой, возвратись на Русь, ибо ты отродье русское*». Эта надпись дает некоторым возможность предполагать, что небольшое племя, известное под названием *хакучей*, состояло из русских выходцев – как говорят, бежавших когда-то некрасовцев, нашедших приют в горах и одичавших⁶².

Горцы верили также и в существование множества духов: каждая речка имеет свою богиню (гоуаше), многие ущелья – своих духов.

Некоторые туземцы рассказывают, что существуют богини – покровительницы ворожей и колдуний и что последние обращаются с мольбами к каким-то *трем божественным сестрицам* (тхашерейпх-шерейпхум). Черкесы верят и в русалок, которых они представляют себе прекраснейшими женщинами.

Черкесы убеждены, что никто не может избежать своей судьбы, что есть дни счастливые и несчастные, что колокольчик спасает от воровства, что существуют злые духи, привидения и домовые. Многие уверяют, что видели их собственными глазами и с большим трудом могли от

⁶¹ Барон Сталь. Этнографический очерк черкесского народа (Рукопись). Остатки христианства и проч. // Кавказ. 1846. № 42; *Султан-хан Гирей*. Мифология черкесских народов // Кавк. 1846. № 35; Воспомин. Кавказе, офицера // Русский вестник. 1864. № 12; *Шах Бек-Мурзин*. Сведение об атыхейцах // Кавк. 1849. № 37; Вера, нравы, обычаи и образ жизни черкесов // Русский Вест. 1842. Т. 5.

⁶² А. Ржондовский 3-й. Экспедиция в Хакучи в 1865 году // Кавк. 1867. № 97.

них скрыться. Существование духов разного рода и вида породило в народе множество легенд, не лишенных поэтических достоинств. Приведу из них более замечательные.

По преданию кабардинцев, на горе Эльбрус, а по сказанию других кланов черкесского народа – в верховьях Большого Зеленчука, который они называют Энджик-Су, обитает *джин-падишах*, дух гор, владыка духов и царь птиц, которому известно все будущее. Он знает, что за его старую вину могущественный *Тиа* пошлет великанов покорить его мрачное царство, что великаны явятся из полуночных стран, где царствует вечная зима. Седовласому старцу не хочется расставаться со своими заоблачными владениями, которые принадлежат ему от сотворения мира, и вот в мучительной тревоге он встает со своего ледяного трона и сзывает со всех вершин и из пропастей Кавказа огромные полчища духов против ожидаемых великанов – русских⁶³. «Когда он летал, то от ударов его крыльев тряслась земля, поднималась буря, море бушевало и страшным ревом своих волн будило дремлющих в его пучинах духов... Иногда со снежной вершины, где был трон царя, раздавались плач и стоны: тогда умолкало пение птиц, увядали цветы, вздымались и ревели потоки, вершины гор одевались туманом, тряслись и стонали скалы, гремел гром, все покрывалось мраком... Порой неслись гармонические звуки и пение блаженных духов, витавших над тронном грозного владыки гор, желавших пробудить в нем раскаяние и покорность воле великого *Тиа*: в это время облака быстро исчезали с лазурного неба; снеговые вершины сверкали как алмаз; ручьи тихо журчали; цветы благоухали; повсюду водворялся мир, тишина; но грозный старик не внимал зову небес, угрюмо глядел в будущее и из преисподней ждал помощи против русских»⁶⁴.

Перед Новым годом каждый кабардинец считает своей обязанностью отправиться к *джин-падишаху*. Джигит, исполнивший это, целый год будет иметь удачу во всех своих предприятиях: вражеская пуля его не заденет, шашка не прикоснется к его телу, и он может быть уверен, что его жизни ничего не будет угрожать до тех пор, пока не придет время вновь идти на поклонение к духу. Но как добраться до него? Гора Эльбрус не для всех близка, да и подняться на нее трудно, и потому жители, не имея возможности проникнуть туда, где пребывает дух, отправлялись к урочищу *Татар-Туп*.

Под названием Татар-Туп (в переводе: *татарское место*) в прежнее время известны были у кабардинцев башни, или *жулаты*, превращенные татарами в минареты. «Жулат» значит *часовня для добровольных дарителей*, и в старину их было много по берегам Терека, выше его слияния с Малкой. Туда издревле ходили черкесы на поклонение, и там приносили жертвы, там кончались все ссоры и произносились клятвы. Нередко и теперь черкесы во время клятвы произносят: «*Татар-Туп, пенже сан*», то есть «да буду под Татар-Тупом хоть миллион раз».

Кабардинцы до сих пор питают глубокое уважение к курганам и древним развалинам, в особенности к урочищу Татар-Туп, лежащему на западном берегу Терека на семь верст ниже реки Комбуля. Кабардинцы сохраняют предание о существовании близ него какого-то большого города. Урочище и сами развалины считаются убежищем для убийц от преследования мстителей, здесь же раньше заключались все договоры и приносились те клятвы, в точном исполнении которых обе стороны хотели быть уверенными.

При поклонении *джин-падишаху* горцы произносят какие-то таинственные слова, в знак своего посещения они оставляют в ущелье несколько пуль, нож или какую-нибудь вещь. То же самое происходило и в верховьях Большого Зеленчука. В обоих ущельях можно обнаружить множество пуль, стрел, ножей, шашечных клинков и разнообразных мечей, ржавеющих там с незапамятных времен. Никто из местных жителей не решался их тронуть из боязни прогневить духа гор⁶⁵.

⁶³ Отдаленные непокорные общины в великанах видели русских.

⁶⁴ Невский П. Закубанский край в 1864 г. // Кавказ. 1868. № 98.

⁶⁵ Вердеревский Е. О народных праздниках и праздничных обыкновениях христианского населения за Кавказом // Кавк.

На той же горе Эльбрус, по сказанию черкесов, за какие-то грехи прикован великан. «На высокой снеговой горе, на самой вершине ее, есть громадный шарообразный камень, на котором сидит старик с длинною, до ног бородой; все тело его обросло седыми волосами, ногти на ногах и руках очень длинны и похожи на орлиные когти; красные глаза его горят, как раскаленные угли. На шее, посредине тела, на руках и ногах тяжелая цепь, которою прикован он с незапамятных времен. Он прежде был близок к великому *Тиа* (Богу) за свое благочестие; но когда вздумал свергнуть его и стать выше, то погиб в борьбе и прикован к скале на вечные времена. Немногие его видели, потому что доступ к нему сопряжен с большими опасностями; никто не мог видеть его два раза: кто пытался этого достигнуть – погибал».

Давно, очень давно томится старик и находится по большей части в оцепенении, но когда пробуждается, то первым делом обращается к сторожам.

– Растет ли на земле камыш и родятся ли ягнята? – спрашивает он.

– Камыш растет, и ягнята родятся, – отвечают безжалостные стражи.

Великан приходит в бешенство, зная, что будет томиться до тех пор, пока земля не перестанет производить камыш и ягнят. С отчаяния он рвет на себе оковы, и тогда земля дрожит от его движений, цепи его производят гром и молнию, тяжелое дыхание – порывы урагана, стоны – подземный гул, а слезы его – та бурная река, которая с неистовством вырывается из подножия снежного Эльбруса⁶⁶.

Искренняя вера в существование духов привела к тому, что некоторые кланы суеверного черкесского народа имели своих гениев-покровителей. Натухажцы избрали своим покровителем *Хакуанаши*, считая его в то же время покровителем и пахотных волов. Зажиточные семейства до сих пор посвящают одного из своих волов Хакусташу. Вола не употребляют ни в какую работу и называют «вол Хакусташа». В таком же почете находился *Тугуплоху* у клана *надхо* и *Тугузитха* у клана *нетахо*, входящих в племя натухажцев.

Среди суеверий черкесского народа особенно важную роль играли гадалыщицы и колдуньи, или ведьмы.

Гаданием обычно занимались старухи, к чьей помощи чаще всего прибегали несчастные влюбленные. В таких случаях гадание производилось на нескольких зернах фасоли с одним камешком. К чести гадалыщиц надо признать, что из своих знаний они не делали ремесла, а гадали только из одного желания услужить тем, кто приходил к ним за утешением. Самое же частое гадание у черкесов было по лопатке убитого домашнего животного. Разглядывая на свет эту кость, по заметным на ней жилкам и линиям предсказывали: будет ли хороший или дурной урожай, будут ли дождь, засуха, голод, холодная зима или война, словом, опытный гадалщик или гадалыщица могли предсказать всевозможные бедствия или, напротив, благополучие. К гаданию прибегали и собираясь в набег на русские территории. После роскошного угощения предводитель партии брал косточку *чен* — бараний альчик — и бросал ее на пол у очага. Если косточка падала гладкой поверхностью вверх, это предвещало неблагоприятный исход, и наоборот. В первом случае набег откладывался, а во втором тотчас же осуществлялся. О провидческих способностях своих гадалыщиков черкесы рассказывают чудеса, будто бы оправдававшиеся на самом деле. Так, по их словам, один из князей предсказал, что в следующую ночь необходимо быть готовым к тревоге — и действительно, аул в ту же ночь был атакован неприятелем; другой был в гостях и, посмотрев на лопатку, увидел, что его жена, пользуясь отсутствием мужа, сидит с посторонним мужчиной. Поспешно оседлав коня, он поскакал домой, но, когда сообщили об этом его родному брату, бывшему среди гостей, тот потребовал ту же самую лопатку.

1835. № 1; *Шах-Бек-Мурзин*. О быте, нравах и обычаях атыхейских племен // Кавказ. 1849. № 37; Новый год в Ставроп. губернии // Кавказ. 1855 г. № 7; *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. II. 1823.

⁶⁶ *Вердеревский Е.* О народных праздниках и проч. Кавк. 1855. № 1; *Султан-хан Гирей*. Мифология черкесских народов. Кавк. 1846. № 35; *Невский П.* Закубанский край в 1864 г. Кавказ. 1868. № 98.

– Брат мой увидел, – сказал он, посмотрев на лопатку и улыбаясь, – что с женой его сидит наедине мужчина, но не рассмотрел, что этот мужчина ее младший брат.

Спешно посланные в дом князя, возвратившись, подтвердили справедливость его слов.

Если, с одной стороны, подобные гадальщики возбуждали уважение к себе у суеверного народа, с другой стороны, черкесы жестоко преследовали колдунов и ведьм. Таких людей они называли *удде*, считали их злыми и истребляющими собственных детей. Удде может быть и мужчина, и женщина, последние бывают чаще. Они находятся в контакте с нечистым и могут наслать на человека любую невзгоду. Изнурительные детские болезни, зараза, падеж скота и прочие несчастья приписывались действию их дурного глаза. Поймать колдуна или колдунью на месте преступления не было возможности, потому что, по понятиям черкеса, они при помощи нечистого духа могут превращаться в собак, кошек, волков и даже делаться невидимками.

У черкесов, в особенности у шапсугов, существовало поверье, что раз в год, весной, в определенную ночь, удде собираются на вершине высокой горы *Себеркуасха* в верховьях реки Убин и приезжают туда верхом на разных животных, как домашних, так и диких. Шапсуги уверяли, что сбор ведьм и чертей на этой горе бывал каждую пятницу в двенадцать часов ночи. Отдав нечистому отчет в своих поступках, они проводили ночь в пиршествах, пении, пляске, а с рассветом, схватив мешки – в одних заключались все земные блага, а в других все вредное для человечества, – разлетались по домам. Таким образом, все болезни, которыми люди страдают весной, приписывались удде. Не будь на свете *цысое* (знахарь), черкесы не знали бы, как отделаться от ведьм и колдунов. Цысое имел способность узнавать чародеев.

Чтобы снять болезнь, посланную ведьмой, призывали знахаря, который объявлял, что может вылечить больного и снять с него наговор не прежде, чем отыщет саму ведьму и очищением снимет с нее способность быть ведьмой и вредить людям. Ему представляли тотчас же всех, кого подозревали в чародействе. После тщательного осмотра обвиняемых знахарь указывал на виновных и отпускал признанных невинными. Обвиняемых в чародействе, если они не признавались в грехе, подвергали пытке: зажигали на близком расстоянии друг от друга два, а иногда и три костра. Жертву раздевали донага, связывали и сажали между костров. Знахарь, а иногда вместо него и мулла, при стечении народа, выпрашивал у обвиняемого в чародействе имена сорока чертей, с которыми он должен был быть в сношении и союзе. Бедная жертва, терзаемая мучениями, сознавалась в преступлении, и тогда приступали к ее очищению. Убивали совершенно черную, без всяких пятен и отметок, собаку, вынимали печень и, надев зажаренный кусок на ветку терновника, совали его в рот мнимому чародею. Несмотря на крик жертвы и боль, причиняемую терновником, ее заставляли съесть это нелакомое блюдо и тем же терновником прочищали горло. Между тем жареная печенка вызывала тошноту и рвоту, а народ уверял, что чародей изрыгает из своих внутренностей все зло, которое там скрывалось. Уничтожив таким способом у виновного всякую способность к чарам и взяв с него клятву навсегда прекратить сношения с нечистым духом, его освобождали. Впрочем, чародейная сила могла опять проявиться у такого человека, если он в течение тридцати дней после очищения украдкой съедал куриное яйцо или куриное мясо, а потому народ строго следил за этим тридцатидневным карантином⁶⁷.

Точно так же поступали черкесы и тогда, когда полагали, что свирепствующая повальная болезнь в околотке вызвана колдунами или ведьмами. Составлялась инквизиционная комиссия, которая переходила из аула в аул, отыскивая ведьм и колдунов – виновников болезни. Предводителем такой комиссии был *цысое* или какая-нибудь старуха, которая сама побывала

⁶⁷ Люлье Л. Верования, религиозные обряды и предрассудки у черкесов // Зап. Кавк. отд. Импер. Рус. Геогр. об. Кн. V; Барон Сталь (Рукопись). Этнограф. очерк черкесского народа; И. Хазров. Остатки христианства и проч. Кавк. 1840. № 42; А. Ржондковский. Эпизод из жизни шапсугов // Кавк. 1867. № 70; Каменев Н. Бассейн Псекупса. // Кубан. вест. 1867. № 49; Вера, нравы, обычаи, образ жизни черкесов // Рус. вест. 1842. Т. 5.

в подобной переделке и некогда обвинялась в чародействе. Поводив толпу из одного аула в другой, предводитель или предводительница указывали по большей части на какое-нибудь уединенное место, где, по их мнению, были спрятаны чарующие предметы, которые служили причиной несчастий и болезни. Такой предмет отыскивали: он состоял преимущественно из разноцветных ниток, связанных в узелки, и тогда советовали предостерегаться от них. Народ успокаивался.

Одним из самых слабых проявлений колдовства черкесы признавали порчу от дурного глаза. Народ утверждал, что есть целые семейства, у которых дурной глаз передается по наследству, из поколения в поколение. Для предохранения от столь вредного действия они носили на себе, надевали на детей и привязывали к уздам любимых лошадей стихи из Корана или завернутый в тряпочку кусок дерева, в которое ударила молния.

В заключение нельзя не упомянуть о страхе, который сумели внушить народу муллы относительно картин, в особенности портретов и вообще изображения человеческих фигур. Рисунки животных, цветов и видов природы черкесы еще переносили, но как только увидят запрещенные Кораном *суреты* — так они называют картины, — с фигурой человека, так тотчас же старались соскоблить или замарать их⁶⁸.

— Откуда берешь ты смелость, — спросил однажды черкес своего русского пленного, — так похоже изображать человека, созданного по подобию Аллаха? Души ты не можешь ведь дать твоему изображению. Смотри, когда ты умрешь, на том свете твои суреты отнимут у тебя покой, требуя для себя бессмертной души, а откуда ты ее возьмешь?..

⁶⁸ Воспоминания кавказского офицера // Русский вест. 1864. № 11.

Глава 4

Характер черкеса. Черкесская женищина и ее одежда. Свобода девушек. Сватовство. Продажа пленных. Похищение невест. Свадебные обряды. Музыка, пение и пляски. Черкесские песни

Шаткость религиозных убеждений и жизнь, полная опасностей, придали характеру черкеса такие особенности, которые в основании своем противоречат друг другу. В народе, не имевшем никаких властей, каждый должен был заботиться о себе и об общественной пользе, заводить связи и употреблять силу слова для защиты своих интересов. Это развивает присутствие духа, быстроту соображения, а постоянные физические упражнения способствовали развитию гибкости и силы. Черкесы богато одарены как умственными способностями, так и красотой, но все их таланты употреблялись на разбой и войну. Семейство, в котором ни один из членов не был убит или ранен в сражении с врагами, вторгшимися в пределы его родины, не пользовалось уважением соотечественников.

Привыкшие с детства бороться с опасностью, черкесы никогда не хвастались. О своих подвигах черкес никогда не говорил, никогда не прославлял их, считая такой поступок неприличным. Самые смелые джигиты отличались необыкновенной скромностью, говорили тихо, готовы были каждому уступить место и замолчать в споре, зато на действительное оскорбление отвечали оружием с быстротой молнии, но без угроз, крика и брани. Заслуги своих великих людей черкесы воспевали обычно после их смерти, впрочем, рассказывают, что в древности знаменитейший из витязей *Бхезинекко-Бексирз* удостоился этой чести при жизни. Он был уже в глубокой старости, когда его сыновья поручили певцам сложить песню об отце. Старец, узнав об этом, призвал певцов, приказал им пропеть сложенную песню и, найдя в ней описание подвига, который унижал одного из соперников его славы, приказал выкинуть это из песни. Скромность почиталась между черкесами лучшим украшением человека.

Будучи чрезвычайно впечатлителен, черкес легко увлекался, но скоро и остывал. С соплеменниками был вежлив, почтителен к старшим, откровенен, говорил смело и резко то, что думал. С русскими был всегда вероломен, холоден, натянут. Скорый на обещания, об исполнении обещанного думал мало. С необычайной гибкостью переходил он от пирушки к деятельности, от молитвы к воровству, от благочестия к злодеянию. Религия была его единственной опорой, но, когда он не боялся, что его увидят соотечественники, легко уклонялся от исполнения религиозных обрядов и правил. Эта черта характера проявлялась и в бою. В составе партии, вынужденный сражаться на глазах своих товарищей, черкес выказывал удивительную храбрость и совершал необыкновенные подвиги самопожертвования. Он знал, что храбрость его будет с избытком вознаграждена молвой, но на одиночном грабеже, где свидетелей не было, черкес старался поскорее убить, ограбить или украсть что попало и убраться, избегнув погони.

За деньги черкес шел на убийство, на измену, однако, получив деньги, готов был раздать их кому придется. Ведя непрерывную войну с русскими, черкесы часто за деньги были лучшими проводниками для купцов, доставлявших скот гарнизонам крепостей⁶⁹. Проявления скупости были крайне редки среди черкесов, да и невозможно быть скупым, когда в обычае укоренилось правило, что порядочный человек должен подарить вещь по первому слову или намеку нуждающегося. Стоило только похвалить чекмень, бурку, лошадь или другую вещь, как черкес тотчас же дарил ее вам. Такая щедрость составляла весьма важное условие в жизни

⁶⁹ Барон Сталь. Этнографический очерк черкесского народа (рукопись); С. Сафонов. Поездка к восточным берегам Черного моря. Одесса, 1837.

черкеса, потому что бедный, ничего не имеющий человек мог тотчас же получить лошадь, оружие, одежду и таким образом снарядиться на войну или разбой, а последнее уже давало ему средства к существованию. Если он не получал в подарок просимого, то мог взять вещь на время – на два и даже на три года, а лошадь можно было одолжить для езды, в чем никто не отказывал, зная, что, когда он обзаведется собственным имуществом, то с лихвой вознаградит тех, кто способствовал этому. И если, с одной стороны, черкес не дорожил имуществом, то, с другой, когда дело касалось его самолюбия, он готов был тягаться двадцать лет за какого-нибудь украденного у него теленка, лишь бы только не уступить противнику, и тогда спорам и разбирательствам не было конца. Несмотря на видимое легкомыслие, черкес обладал характером, в котором скрывалась твердая настойчивость и необыкновенное терпение. Последнее, особенно в страданиях, считалось у черкесов одним из главных достоинств молодого человека. Насильно оторванный от родных гор, черкес тоскует. Известно много примеров, как, изгнанный из сообщества и не имеющий возможности явиться на родину, ночью приезжал на свои родные поля, просиживал ночи напролет вблизи аула, где провел молодость, и с рассветом уезжал.

Черкесу, жившему в маленькой независимой общине, родина казалась большой, он видел, что она независима, воюет и заключает мир с такими же соседями, как она сама, – и это придавало ему гордости и сознания собственного достоинства. Все иноземное, иноплеменное черкес ненавидел, гордился своей родиной, где считал себя не последним человеком, часто играющим весьма важную, по его понятиям, роль. Чувство собственного достоинства развило в характере черкесов заносчивость, а неограниченная свобода сделала их неуживчивыми, самонадеянными и в высшей степени гордыми.

Женщины не меньше мужчин гордились своим происхождением, отлично знали старшинство княжеских и дворянских родов и значимость каждого из них. Такие сведения передавались из поколения в поколение.

Манеры черкесских девушек были исполнены и скромности, и достоинства. Их красота с давних пор не имела соперниц: правильные черты лица, стройный стан, маленькие руки и ноги, поступь, походка и все движения, которые были исполнены гордости и благородства. Все, кто видел черкесских женщин, свидетельствуют, что среди них встречаются такие красавицы, при виде которых невольно в изумлении останавливаешься. «Про черкешенок, – говорит очевидец, – можно сказать, что они вообще хороши, имеют замечательные способности, чрезвычайно страстны, но в то же время обладают необыкновенною силою воли».

Однако красоте черкешенок очень вредила оспа, от которой не принималось никаких мер. Обычай надевать на девушку корсет с ранних лет и не снимать его до замужества приводил к тому, что грудь красавицы не развивалась.

Корсет, который надевают под рубашку, носит название *пша-кафтан* (девичий кафтан). Пша-кафтан делали из кожи, холста или другой ткани с шнуровкой спереди и двумя гибкими деревянными пластинками, сжимающими грудь. Тонкая талия и плоская грудь, по понятиям черкесов, первое условие девичьей красоты⁷⁰. Знатные девушки шили иногда корсет из красного сафьяна или бархата и обшивали его серебряными и золотыми галунами, в этом случае он был с короткими полами и серебряными застежками на груди. Такой корсет надевался поверх рубашки под верхнюю одежду, преимущественно на праздники. Хотя корсет вместе с ростом девочки меняли, он препятствовал развитию груди, а главное, стеснял движения.

После свадьбы супруг распарывал кинжалом шнур корсета, но делал это осторожно, чтобы не порезать тела или сафьяна. Неловкость при этой операции приносила большое бес-

⁷⁰ Воспоминания кавказского офицера // Русский вестник». 1864. № 11 и 12; Барон Сталь. Этнографический очерк черкесского народа (Рукопись). Т. Макаров. Племя адиге // Кавказ. 1862. № 32; Вердеревский Е. От Зауралья до Закавказья // Кавказ. 1855. № 30; Антон Рэсондовский 3-й. Экспедиция в Хакучи 1865 года. // Кавказ. 1867. № 99.

честье. Рассказывают, что после того, как корсет снимают, грудь у женщины вырастает за две недели.

У абадзехов и у некоторых шапсугских семей девушки корсетов не носили.

Черкесский женский костюм чрезвычайно живописен. Поверх широких, суженных книзу шаровар надевается длинная белая рубашка из *бязи* или кисеи с вырезом на груди, широкими рукавами и небольшим стоячим воротничком. На талии рубашка стягивается широким поясом с серебряной пряжкой. Поверх рубашки надевается шелковый бешмет яркого цвета. Бешмет шьется выше колена, с короткими, выше локтя рукавами, полуоткрытый на груди и украшенный продолговатыми серебряными или другими металлическими застежками. На ногах легкие красные сафьяновые чевяки, обшитые галуном, на голове круглая шапочка с небольшим околышем из смушек, обложенная серебряным галуном, верх шапочки повит белой кисейной чалмой с длинными концами, падающими за спину. Из-под шапочки выются волосы, всегда распущенные по плечам, и придают много прелести костюму и красоте девушки⁷¹.

Черкесы не скрывали своих девушек, девушки не носили покрывала, бывали в мужском обществе, плясали с молодыми людьми и свободно ходили в гости. Замужние женщины были скрыты от посторонних глаз в сокровенных комнатах сакли. Выходя из дому, женщина должна была закрываться, потому что, по словам Магомета, «прелюбодеяние глазами преступнее прелюбодеяния действиями»⁷².

Черкесские девушки были очень целомудренны, несмотря на предоставленную им свободу. Нравственность жен была также довольно строга, однако бывали и случаи нарушения супружеской верности, особенно у шапсугов, где женщины необыкновенно хороши. Там, несмотря на ревность мужей, неверность жен часто служила поводом к кровавым сценам. Еще не так давно женщины пользовались у шапсугов гораздо большей свободой, и каждая должна была иметь любовника. Это служило символом достоинства женщины, и мужья гордились тем, что их жены любимы другими мужчинами. Теперь же любовь к другому мужчине считается неприличной, и ее надо скрывать. Но то, что позволялось женщине, во все времена считалось постыдным для девушки, и потому они всегда тщательно сохраняли целомудрие. С ранних лет все мечты девушки были только об одном: выйти замуж за бесстрашного воина и попасть в его объятия чистой. Малейшие знаки внимания со стороны мужчины внушали девушке робость, и она со страхом отталкивала от себя соблазнителя.

– Харам (нечисто, запрещено)! – говорила она. – Станешь моим мужем, все будет твое, а теперь ничего не позволю.

Черкесы редко рано выдавали дочерей замуж и часто предоставляли им право самим выбрать жениха. На аульных свадьбах девушка могла видеть молодых людей, которые, в свою очередь, давали ей заметить свою любовь взглядами и выстрелами в ее честь, когда она танцевала, но разговор и какие бы то ни было объяснения с девушкой не допускались. Через друзей и доверенных лиц молодой человек узнавал о чувствах девушки и тогда уже сватался. Хотя по большей части родители и не препятствовали дочери выбирать себе жениха, но случалось, что, дав слово одному, способствовали другому, более богатому и знатному, в похищении дочери, и девушка становилась женою похитителя. По принципам гражданского и уголовного права черкесов, невеста была неотъемлемой собственностью жениха. Если в то время, когда невеста еще находилась в доме родителей, она была похищена другим, жених был не только вправе преследовать похитителя, но даже обязан ему мстить. Такое оскорбление относилось к числу несмываемых обид, и для восстановления попорченной чести жених должен идти на самые крайние меры. Такие ссоры часто имели кровавые последствия. Родители, содействовавшие похи-

⁷¹ Жена черкеса // Кавказ. 1847. № 11; О быте, нравах и обычаях атыхейских племен // Кавказ. 1849. № 36; Воспомин. кавк. офиц. Рус. вести. 1894. № 12.

⁷² Мусульманское право. Торнау, 1866.

щению, лишались калыма, а невеста принадлежала по праву первому жениху, если похититель не успевал на ней жениться⁷³.

Следующая легенда хорошо иллюстрирует характер и поступки обиженного.

Давно, очень давно, в те блаженные времена, когда черкесские красавицы славились далеко, когда вся страна блистала ими, как небо в темную ночь блистает звездами, а наездники как вихрь летали по Черкесии, оставляя за собою кровавые следы, как луна среди звезд блистала прекрасная Гюль и как молния сверкал знаменитый наездник Кунчук.

Гюль часто засматривалась на удалого Кунчука, а он был равнодушен к прелестной девушке. Сердца их стремились друг к другу, и вот Кунчук, казалось, был уже близок к блаженству, потому что был женихом прекрасной Гюль. Он мечтал уже о счастье скоро назвать ее женою, как вдруг несчастье обрушилось на его голову.

Однажды паша Азова был в гостях у соседа Кунчука. На празднике была и прекрасная Гюль. И поразила пашу своей красотой.

– Чья она? – спросил паша.

– Невеста Кунчука, – отвечали ему.

– Сколько стоит? – спросил опять паша.

Покупка турецкими сановниками черкешенок не была редкостью, продажа пленных существовала в Черкесии почти до наших дней. Жители северо-восточного берега Черного моря с древнейших времен вели широкую торговлю людьми, и многие греческие колонии, покрывавшие этот берег, обязаны были своим процветанием лишь этой торговле. Гаремы наполнялись черкешенками, торговля которыми после основания турками крепостей Анапа и Сухум стала еще более интенсивной.

Сцены торговли женщинами ежедневно повторялись на черкесском берегу, несмотря на все старания наших крейсеров положить конец этой торговле. «Не оправдывая черкесов в этом деле, – говорит очевидец, – я не буду и строго судить их. У мусульман девушка, выдаваемая замуж, равномерно продается: отец, брат или ближайший родственник, у которого она жила в доме, будучи сиротою, берут за нее калым (плату, выкуп). Черкесы притом же редко продавали своих дочерей, а продавали туркам преимущественно рабынь или пленниц, отдавая их в руки своих одноверцев». В этой продаже, с точки зрения продаваемых, не было ничего оскорбительного их достоинству. Проданные почти всегда первенствовали в гаремах богатых турок, а если им выпадала несчастная судьба, никто не винил продавца, объясняя, что проданной так было написано на роду. Почти каждая черкешенка, идущая на продажу, мало горевала, теша себя надеждой на будущее благополучие.

– Здесь я рабыня, – говорила она, – а там, говорят, непременно буду госпожой, мне дадут хорошие платья, денег, я стану пересылать их отцу и матери, а если будет много денег, так выкуплю их на волю и перевезу к себе за море.

При таких понятиях о самой унижительной для человеческого рода торговле неудивительно, что паша, свикшийся с нравами черкесов, мог спросить, сколько стоит Гюль: он знал, что за деньги можно купить любую черкешенку. Однако на этот раз громкий смех присутствующих был ответом на вопрос паши. Но плененный красотой девушки паша решил во что бы то ни стало приобрести красавицу. Часто там, где не продают явно, торгуют тайно – не один воз бархата, парчи, сукна и всякого добра перешел тайком из кладовой паши в саклю отца Гюль. Она была продана...

Однажды утром, когда отец нарочно скрылся из дому, в комнату Гюль вошел черкес.

– Кунчук требует скорейшего соединения, – сказал он ей шепотом, – отец твой скряга, он рад будет, если ты убежишь к жениху и тем избавишь его от издержек на свадьбу.

⁷³ Люлье Л. Учреждения и народные обычаи шапсугов и натухажцев // Зап. Кавк. отд. Импер. Рус. Геогр. об. Кн. VII. 1866.

Гюль согласилась и с нетерпением ждала наступления ночи, но день тянулся невыносимо долго. Когда темнота покрыла землю *сорока покровами, а каждый из них был чернее совести кади*, к терновой ограде дома, где жила красавица, подъехало десять всадников. Гюль вышла к ним навстречу и миг спустя уже мчалась по степи. Сердце ее билось от радости, что скоро увидит милого. Но она ошибалась: то были не Кунчуковы посланные, а *ногаи*, подсланные пашой, и с ними тот черкес, который утром приходил обмануть красавицу. Гюль очутилась не в объятиях Кунчука, а в ненавистном ей гареме пашы.

Долго несчастная не могла свыкнуться со своим положением, едва паша приближался к ней, как она грозила ему кинжалом и клялась зарезаться, если он подступит к ней еще хоть на шаг. Бледная как смерть, она тосковала и проводила бессонные ночи. Так прошло несколько дней, и тот, кто был виной несчастья красавицы, стал орудием ее освобождения. Предавший и обманувший Гюль черкес надеялся стать любимцем пашы и первым богачом Азова, но ошибся в своих мечтах.

– Ты вчера продал свою госпожу, – сказал ему паша, – а завтра продашь и меня, если кто посулит тебе много золота: знаем таких!

Затаив обиду, черкес остался служить в страже пашы, но с твердым намерением отомстить – он стал теперь сообщником Кунчука.

Опозоренный жених метался, искал случая возвратить красавицу и жестоко отомстить похитителю. Предложение черкеса было принято с радостью, хотя в душе он презирал изменника.

В одну ночь на одной из стен крепости стоял часовым изменник-черкес. Он тихо спустил в ров лестницу и осторожно, как змея, пополз к группе панцирников, притаившихся на земле неподалеку от крепости. Шепнул что-то на ухо Кунчуку – и сто броней заскользили по траве так тихо, что и сама трава не слышала шелеста и звона кольчуг.

Изрубить стражу, разбить двери гарема и поджечь со всех сторон город было минутным делом для отважной шайки – и прекрасная Гюль очутилась в объятиях Кунчука. Храброму джигиту было недостаточно, что он успел отнять и вернуть свою невесту: сердце его пылало мщением, и притом самым жестоким. Передав невесту в надежные руки товарищей, Кунчук в сопровождении изменника-черкеса пошел отыскивать пашу, чтобы отомстить за бесчестье.

– А, жирный пес! – с яростью закричал Кунчук, увидев пашу. – Ты не умел ценить моей дружбы, так умей почувствовать мою злобу.

Кунчук обнажил саблю.

– Мы с тобой еще успеем разделаться, но прежде мне надо отдать долг этому изменнику, – сказал паша, указывая пистолетом на черкеса.

Грянул выстрел, и проводник Кунчука рухнул...

– Вот ему награда за услуги, – проговорил паша, – а теперь твоя очередь.

Другой пистолет блеснул в его руке, но было уже поздно: сабля Кунчука тяжело опустилась на голову пашы, и он повалился к ногам мстителя.

Азов пылал, в городе кипела тревога. Шайка Кунчука, захватив невесту, пленниц гарема и богатую добычу, спустилась по лестницам из крепости и скрылась в степи. Один Кунчук, оставшись на кургане, любовался плодами своей мести, с наслаждением смотрел, как огромные языки пламени лижут ненавистный ему Азов, но скоро и он оставил курган и присоединился к своим отважным удалцам.

Достигнув берега Кубани, партия расположилась на отдых. Наездники стреножили лошадей, построили два шалаша, один для красавицы, другой для Кунчука, и старались веселостью превзойти друг друга. Ночь прошла тихо и спокойно. Наутро черкесы заметили за собою погоню, но только тогда, когда она была уже совсем близко. Погоня настигла их, и черкесы падали под ударами неприятельских шашек. Кунчук отправил невесту и пленниц к переправе, но та оказалась отрезана и занята неприятелем. Переколов своих лошадей и укрывшись за их

талами, черкесы дрались отчаянно, однако ряды их редели. Кунчук уговаривал прекрасную Гюль отдаться в руки неприятеля, но она не соглашалась. Тогда отчаянный любовник, обхватив одной рукой ее стан, а другой рубя своей страшной саблей, бросился сквозь толщу врагов к берегу Кубани. Пораженный смелостью наездника, враг расступился, Кунчук уже на берегу... но берег высок, внизу кипят бурные волны глубокой реки, а сзади мечи неистовых врагов... и он с разбега бросился с обрыва. Волны с шумом расступились и, скрыв навсегда под собою двух любовников, бурно пенясь и клопоча, потекли обычным путем...

С тех пор крутой мыс, видный с восточной батареи Павловского поста, в пяти верстах от него вверх по течению Кубани черкесы называют *Кунчуков спуск*⁷⁴.

Месть в подобных случаях не разбирала ни родства, ни дружбы, оскорбленный жених не щадил ни брата, ни дяди, и только тогда смыл с себя бесчестие, когда убивал своего обидчика. В тридцатых годах настоящего XIX века произошла памятная многим вражда между двоюродными братьями Хамурзиными, кабардинскими князьями. Адель-Гирей и Аслан-Гирей, так звали братьев, поселились на Урупе. Между ними с самого детства возникло соперничество. Аслан-Гирей был умен, пользовался военной славой, но известен был как человек злой и мстительный. Адель-Гирей, имея меньше ума, превосходил своего противника добротой и редкою красотой лица. Примерно в это же время появилась на Лабе известная красавица Гуаша-Фуджа (белая княгиня), сестра бесленеевского князя Айтеки Канукова. Оба брата почти одновременно домогались руки Гуаши-Фуджи, которой нравился Адель-Гирей. Но так как Аслан-Гирей был богаче, имел вес у русских, пользовался влиянием у черкесов и никому не прощал нанесенной обиды, то явно отказать ему посчитали опасным. Поэтому, не оскорбляя Аслан-Гирея, Кануков обещал выдать за него сестру с условием, *если она будет на то согласна*, а Адель-Гирею способствовал ее увезти, в чем приняли участие все кабардинцы, не любившие Аслан-Гирея. Последний, узнав об этом происшествии, поклялся, что брат его недолго будет пользоваться своим счастьем. Преследуя его везде, пока друзья, по черкесскому обычаю, старались примирить их по шариату, Аслан-Гирей отыскал Адель-Гирея, напал на него и ранил выстрелом из ружья. Тот, обороняясь, ранил, в свою очередь, Аслан-Гирея, бывшие при этом кабардинцы разняли их прежде, чем дошло до убийства. Аслан-Гирей и слышать не хотел о примирении и стал мстить всем, кто содействовал похищению Гуаши-Фуджи. На Урупе образовались две враждебные партии, и грабежи и убийства происходили каждый день. Преследуемый повсюду, Адель-Гирей с женой бежал в Чечню, за Терек. Тогда Аслан-Гирей из мести Адель-Гирею убил его отца и своего дядю и сам бежал к абадзехам. Так кончилась кровавая вражда двух братьев.

Несмотря на все ужасы подобных сцен, похищения невест у черкесов происходили очень часто, и брак с похищением невесты предпочитался обыкновенному.

– От непохищенного мяса, – говорят черкесы, – у волка делается оскомина.

Сутки, проведенные девушкой в доме похитителя, делали ее законной женой. Тогда никто не вправе был ее отнять, и дело обычно кончалось третейским судом, который назначал калым в уплату семье. Плата назначалась соразмерно достатку жениха и потому очень часто бывала меньше той, которую ему пришлось бы заплатить, если бы он вздумал жениться путем обычного сватовства.

Черкесы решались на похищение еще и потому, что этим освобождались, как увидим ниже, от издержек по свадьбе и от тягостных церемоний во время сватовства. Кроме того, похитить невесту считалось делом молодецким, которое заслуживает одобрения и подражания. Кто не разбойничал, тот не пользовался уважением у народа, молодежь преследовала его насмешками, *а женищины презирали*. Черкешенки любили славу и доблесть: молодость муж-

⁷⁴ *Султан-хан-Гирей*. Наезд Кунчука // Кавказ. 1846. № 37 и 38; Воспом. кавказского офицера. Русский вест. 1864. № 11. Карлгоф Н. О политическом устройстве черкесских племен // Русский вест. 1860. № 10.

чины, его красота и богатство – эти качества ничего не значили в глазах девушки, если к ним не прилагались храбрость, красноречие и громкое имя. Девушка, не задумываясь, предпочитала седого удальца богатому и красивому юноше. Другое обстоятельство, которым руководствовалась девушка при выборе жениха, было равенство происхождения. Нигде так строго не следили за чистотой происхождения, как у черкесов. Они были чрезвычайно разборчивы в этом отношении и заходили так далеко в своих понятиях о чистоте происхождения, что княжеское звание сохранял только тот, кто родился от брака князя с княжной. Редкая девушка согласилась бы выйти, а еще реже родители соглашались выдать дочь за человека, не равного ей по древности рода. К исключению из правила могли подтолкнуть только слава жениха и его громкое имя. Привожу легенду, относящуюся к выбору жениха.

Давно то было, когда в горах среди непроходимых лесов жил кабардинский князь Джан-Клич-Улудай. Денег у него было что у солнца Ирана (персидского шаха?), рабов столько, сколько звезд на небе. Сам князь был богатырь, уносил с чужого двора быка на плечах, а идет по лесу – дубы перед ним как тростинки валятся. Один раз вражий аул дани не внес: рассердился князь, свалил гору и задавил непокорных. Казалось бы, чего недоставало князю, а он часто задумывался, хмурил брови, словно две громовые тучи.

Кручинится князь, что нет ему равного, что нет жениха для дочери-невесты, Шекюр-Ханум, такой красавицы, которая могла бы быть жемчужиной среди райских гурий.

Наконец Улудай собрал к себе своих узденей (дворян).

– Объявите, – сказал он им, – всему миру, от Дербента до Анапы, что лишь тот назовется моим зятем, кто совершит такое дело, какого в горах еще никто не совершал.

С тех пор удалые князья, видевшие Шекюр-Ханум, не ели, не пили и не спали, а только мечтали о том, как бы выказать такую храбрость, чтобы стать достойным красавицы, чтобы слава о подвиге, достигнув ее ушей, проникла в самое сердце.

Прошел месяц, прошел другой, на двор к Джан-Кличу прискакал витязь, весь закованный в броню. По обычаю, уздени князя встретили гостя, приняли лошадь, оружие и отвели его в кунахскую.

– Селям алейкюм (Благословение Господне над тобою)! – проговорил гость, наклонив голову и приложив руку к сердцу.

– Алейкюм селям (Да будет благословение и над тобой)! – отвечал гордый хозяин, не вставая с места.

– Я Джембулатов, – объявил приезжий.

– Добро пожаловать! Имя знакомое... слышал об удальстве, садись.

– Всему миру известно, – начал опять гость, – какого жениха ты хочешь для дочери. Ты знал моего отца: от Дербента до Анапы не было человека храбрее, сильнее и выше его. Когда бывало, поднимется во весь рост, луна задевает макушку его головы.

– Правда, – отвечал Джан-Клич, – велик был твой отец: сам его видел, и старики говорят, что горы ему по плечи, но, когда мой отец вставал во весь рост, твой проходил под его ногами...

– Пожалуй, – перебил его гость, – не будем считаться отцами, скажу я лучше о себе. Собрал пять тысяч панцирников, скакал я с ними до Дона, разграбил русские села и отогнал пять тысяч коней. Они там, в долине, возьми их в калым за дочь, я сделал то, чего никто еще не делал на свете – от Дербента до Анапы.

– Ты сделал славное дело, но Кунчук сделал больше тебя: со ста панцирниками он ворвался в Анапу, убил пашу, сжег город, освободил невесту и ускакал обратно. Будь моим гостем, но мужем моей дочери не будешь.

На следующий день является новый гость и претендент.

– Переплыл я Терек один, без товарищей, – начал пришедший, – ночью прокрался мимо караульных в станицу, переколол сонных двадцать человек, отрезал у каждого правую руку,

поджог станицу, вышел, никем не замеченный в общей суматохе, а тебе принес двадцать рук – вот они, перечти!.. Я сделал то, чего никто не делал, – отдай мне дочь свою.

– Видел я пожар станицы, – отвечал Джан, – и слышал, что ты это сделал, но Хевсур Аната-Швилп сделал больше тебя. Из мести за смерть отца он днем пришел в кистинский аул, в дом старейшины, окруженного семейством, на вопрос: зачем явился? – Аната отвечал: за твоей головой в отпущение за смерть отца. Старейшина захохотал, но Аната одним взмахом кинжала снял с него голову, схватил ее, пробился к выходу из сакли, прошел весь аул сквозь толпу кистинов, поражая насмерть всех встречных, убил тридцать человек, скрылся в горы и, весь израненный, истек кровью на пороге родной сакли, принесся домой голову убийцы отца... Будь моим гостем, но мужем моей дочери не будешь...

Много являлось молодых князей рассказать о своих подвигах Джан-Кличу, но не было между ними ни одного, достойного руки прелестной Шекюр-Ханум.

Однажды Джан-Клич отпустил всех своих узденей и нукеров (служителей) на разбой за Терек и только сам остался в доме. Дверь в кунахской неожиданно скрипнула, Джан-Клич обернулся – перед ним стоял статный молодец.

– Добро пожаловать, что нужно? – спросил он незнакомца.

– Пришел за твоей дочерью, – отвечал тот.

– Ого, какой молодец! А знаешь ли, что сотни славнейших молодцов и удальцов со всего света домогались этой чести и никто не смог получить?

– Знаю и смеюсь над ними! А я получу то, за чем пришел.

– Неужели?... Что же ты сделал такого, что дает тебе право быть счастливее сотни твоих предшественников?

– Пока ничего, но сделаю...

– Когда сделаешь, тогда и приходи.

– Не гони! Увидишь, что сделаю, но прежде скажи: сам-то ты храбр ли, силен ли?

– Слава Аллаху! – отвечал Джан с достоинством. – В нашей семье еще не было труса, и имени Улудая боятся от Дербента до Анапы! А силен ли я?... Вот дедовские панцири, подыми, если можешь... Я ношу их на себе...

– О да! Ты храбр и силен. Ни тебя, ни предков твоих никто еще не побеждал?..

– И не будет такого счастливец, – отвечал с самодовольством Джан-Клич.

– Неужели?

И незнакомец вскочил, выхватил кинжал и приставил к груди Улудая.

– Слушай, – сказал он ему, – сопротивление бесполезно, ты один. У меня – посмотри в потолок – двенадцать нукеров целят в тебя.

Взглянул Улудай вверх и видит двенадцать дул, направленных в него сквозь крышу сакли.

– Я могу сделать то, – продолжал незнакомец, – чего еще никто никогда не делал: могу убить одного из Улудаев, убить тебя... Хочешь, сделаю?

– Нет, не хочу.

– Но ты согласен, что могу сделать то, чего еще никто не сделал?

– Совершенно согласен.

– Итак, я выполнил условие и теперь могу жениться на твоей дочери.

– Выполнил, и я сдержу данное мною слово, но это еще не все.

– А что еще?

– Чтобы стать мужем моей дочери, надо исполнить то, что она потребует.

– Как так? Об этом не было объявлено.

– Нет, извини, условие записано в Коране андреевского эфенди Сулеймана.

Делать нечего, претендент вместе с отцом отправились к красавице. Прекрасная Шекюр-Ханум сидела на своей половине на парчовых подушках, окруженная старухами. Красавица приветливо встретила молодого и статного князя.

– Мне легко угодить, – сказала она сладким голосом и с лукавой улыбкой посмотрела на него.

Князь отвечал, что готов для нее исполнить даже самое трудное дело.

– Сделай самую обыкновенную вещь, – сказала красавица. – Если ты назовешь и сделаешь сто дел и не отгадаешь задуманного мною и известного этим трем старухам, то я не буду твоей женой.

– Изволь... я совершу намаз.

– Раз! – провозгласили старухи и черкнули углем на стене.

– Сделаю пять омовений.

– Два! – посчитали старухи.

– Пообедаю.

– Три!

– Украду лошадь из конюшни соседа.

– Четыре!

Сколько ни называл князь, но угадать не мог, и самое обыкновенное дело так и не было названо.

– Ступай подумай, – сказала княжна, – а то скоро и ты потеряешь право на мне жениться.

Опечаленный, вышел князь из сакли невесты. Смеркалось, можно было ожидать скорого возвращения узденей и нукеров Джан-Клича, и тогда, конечно, жениху пришлось бы поплатиться за свой дерзкий поступок.

Князь опять вернулся в саклю невесты, называл ей самые обычные дела, дошел до девяноста девяти и все не мог угадать. Положение было критическим. Как бешеный выбежал молодой князь из сакли невесты: голова его горела, холодный пот обдавал все тело, члены дрожали.

На дворе он слышит топот, видит чернеющих вдали узденей Джан-Клича: смерть неизбежна.

– И я погиб и мои храбрые товарищи! – вскричал он. – Пусть и она погибнет от моего кинжала – не доставайся же никому!

Князь с гневом бросился к сакле, но в это время из-за угла показалась старуха: она подзвала к себе князя, шепнула ему что-то на ухо и поспешно скрылась.

Тот вбежал в саклю Шекюр-Ханум, но от волнения не мог выговорить рокового слова, а только показал на конец кинжала и баранью шкурку, которою обтягивается грудь черкешенок.

– Я твоя! – радостно воскликнула княжна и протянула ему обе руки.

– Будь осторожен, не порань груди в первый день брака, – сказал Улудай...⁷⁵

Брак у мусульман бывает трех родов: постоянный, временный брак и брак с невольницей. Постоянным браком каждый мусульманин может сочетаться с четырьмя женами. Временный брак допускается только у шиитов и может быть заключен на несколько лет или на определенное число сближений мужчины с женщиной. Брак с невольницами разрешается только тем, кто по бедности не может содержать жену свободного происхождения.

Хотя многоженство и допускается исламским законом, но черкесы-магометане и те, кто исповедует особую религию и установил у себя правило, допускающее многоженство, редко пользовались этим правом. По большей части каждый имел только одну жену. Причина этому, во-первых, бедность и отсутствие средств на содержание нескольких жен, а во-вторых, ревность жен, приводящая к беспорядкам в семье. Если черкес обзаводился несколькими женами, он обязан был дать каждой отдельную саклю и особую прислугу, что полностью соответствует и правилам ислама. Но и это не всегда удерживало прекрасный пол от ссор и дразг. Жены, несмотря на отдельные жилища, были не в состоянии поладить между собой, и старшая жена

⁷⁵ Чеченская сказка // Кавказ. 1849. № 17. Автор назвал свой рассказ чеченской сказкой только потому, что ему рассказывал ее чеченец. По содержанию же она относится к быту черкесов.

при малейшем предпочтении, оказанном второй жене, например при неравномерной покупке нарядов, устраивала много неприятностей и свар в доме. Считая себя обиженной, первая жена призывала на помощь родных. Начинались разбирательства, и иногда дело доходило до того, что муж или разводился с первой женой, или вынужден был отослать домой вторую. Все эти причины заставляли черкеса отказываться от удовольствия иметь несколько жен.

До вступления в брак мужчина собирал сведения о невесте через своих родственников. Разузнавал о физическом состоянии невесты, о ее девственности, об исполнении ею религиозных обрядов и способности иметь детей. По мусульманскому праву, помимо прочих качеств женщины, с которой дозволено сочетаться браком, требуется еще *ее людь* — способность иметь детей. Согласно Корану, женщина, не способная иметь детей по старости, не должна выходить замуж⁷⁶. По тому же праву брак считается делом гражданским, договором на основе обоюдного согласия, и перед вступлением в брак требуется исполнение церемонии сватовства, когда через поверенных с обеих сторон изъясляется взаимное согласие на вступление в брак. Согласие часто обозначается присылкой особого подарка. В свою очередь, жених — в прежнее время, когда черкесы носили панцири и кольчуги, — присылал в подарок родителям невесты панцирь.

По законам, данным Магометом, женщина, достигшая совершеннолетия, сама изъясляет свое согласие на брак. В случае малолетства невесты изъяснение согласия предоставляется опекуну, причем женщина по достижении совершеннолетия и при нежелании оставаться замужем может просить о разводе. Последующие толкователи Корана для уменьшения числа подобных разводов постановили различие между опекунами. По их толкованию, согласие, данное естественным опекуном (отцом или дедом), считается непреложным, и такая женщина не может просить о разводе, прочим же опекунам дано право давать условное согласие на вступление в брак несовершеннолетней.

Сватовство с колыбели хотя весьма редко, но случалось и у черкесов, обычно вскоре после рождения дочери друзья заключали договор, что, когда у одного вырастет сын, а у другого дочь достигнет совершеннолетия, их сочетают браком. Проходило время, молодые люди, обрученные словами родителей, подрастали, не подозревая, что судьба их решена. С наступлением 17 лет мальчику и 16 девушке им объявляли о скором счастье, и несчастные, часто не видевшие друг друга, исполняли волю родителей.

У православных черкесов в настоящее время сватовство происходит между родителями, за их отсутствием близкие родственники отправляют к отцу невесты двух стариков, а к ее матери — старух, которые и делают предложения. В случае согласия назначается день, когда родственники жениха должны принести подарки в дом невесты. В этот день, преимущественно вечером, в доме невесты собираются одни мужчины. Поздравив отца невесты и пожелав молодым счастья в супружеской жизни, гости садятся за стол. Родственники жениха приносят вино и подарки: несколько перстней для невесты и ткани на платье, все это передается ее матери. После этой церемонии накрывают стол, приносят закуску, и начинается угощение, во время которого рекой льются всевозможные пожелания жениху и невесте. Последняя на этом вечере не присутствует, ее уводят из дому к одной из родственниц.

У остальных черкесов, неправославных и немагометан, сватовство состояло в присылке в дом невесты с одним из родственников или приятелей коня, которого сватающийся поручал отдать отцу, брату или кому-нибудь из членов семьи. Конь оставался, если предложение принималось, в противном случае его отсылали обратно. Подарок этот назывался *эуж*, и как только его принимали родители невесты, девушка уже принадлежала жениху.

Спустя некоторое время происходили смотрины и обручение. В назначенный день жених являлся в дом невесты и проводил время среди пиршества с обильным количеством яств и вина, сопровождавшегося пляской и пением. К вечеру подруги наряжали невесту, выводили

⁷⁶ Барон Торнау. Мусульманское право. 1866.

ее к пирующим и ставили против жениха. Присутствующие медленно подвигали невесту к жениху, и, когда они достаточно приближались друг к другу, в комнате гасили огонь и соединяли их руки. В этом, собственно, и состоял обряд обручения, при котором родители невесты не присутствовали.

После обручения жених приглашал к себе родителей невесты, чтобы условиться о *калыме*. Иногда, впрочем, для заключения договора о калыме жених отправлял в дом невесты брата с многочисленными друзьями, где они и проводили несколько суток до окончательной сделки, причем каждый представитель со стороны жениха что-нибудь платил за него. В течение всего этого времени не было таких шуток, которым бы не подвергали приехавших к невесте. Каждую ночь молодежь собиралась в доме и коротала ее среди шума, игр и шалостей, продолжавшихся до рассвета.

В старину у черкесов существовал прекрасный обычай: человек, желавший вступить в брак, но не имевший средств заплатить калым, собирал в свой дом как можно больше мужчин и объявлял о своем желании жениться, и каждый из гостей делал ему подарок по средствам.

В прежнее время *калым*, или *гебен-хак*, был чрезвычайно велик. За княжну обычно следовало отдать лучший панцирь, который стоил как две рабыни, еще один панцирь, который стоил как одна рабыня, налокотники (по цене одной рабыни), другие налокотники и шишак (по цене одной рабыни), шашку (по цене одной рабыни), еще шашку похуже, пять лошадей, из которых одна должна была стоить рабыни, а остальные без оценки, но право их выбора оставалось за родными невесты. Вместо оружия и доспехов, если их не было, можно было платить рабынями. За дочь узденя (дворянина) выплачивалось от 800 до 1200 рублей, за крестьянку – от 200 до 300 рублей. Со временем калым значительно уменьшился: за княжну платят теперь 500 рублей, за вдову – 300. У узденей первой степени за девицу платят 350 рублей, за вдову – 200, а у прочих узденей за девицу – 220 рублей, за вдову – 150, а за *черных девок* по 100. У вольных черкесов за девицу – 150 рублей, за вдову – 100. У шапсугов и у натухажцев калым составлял: за дочь князя от 50 до 60 *сха* (*сха* – это от 60 до 80 быков), за дочь дворянина 30 *сха*, за дочь простолюдина 25 *сха*. Плата поступала отцу, брату или дяде невесты, а если у последней вообще не было родных, можно было жениться и без выплаты калыма. У тех кланов, где не было такого сословного деления и степень общественного развития оставалась низкой, калым уплачивался детьми: за княжну от трех до восьми мальчиков или девочек, а за простолюдинку одного-двух детей. Детей покупали, преимущественно это были дети-рабы или захваченные в плен, часто их заменяли соответствующим количеством рогатого или другого скота⁷⁷.

Часть калыма выплачивалась – или сразу, или через определенные промежутки времени, – а другая поступала в *мехр* невесты, который она получала после заключения брака в виде приданого. Мехр составляет собственность замужней женщины и даже не засчитывается в наследство, которое ей причитается в случае смерти мужа. После развода, если муж снова пожелает вступить в брак с той же самой женщиной, он должен был назначить ей новый мехр и соблюсти определенные условия, о которых упоминается в постановлениях пророка.

Отказаться от невесты без причины значило нанести оскорбление ей самой и ее семье. При этом часть калыма, выплаченная женихом, не возвращалась, кроме того, он должен был к уже выплаченной части дополнить столько, чтобы составила половина условленного калыма.

Собственно духовная сторона обряда бракосочетания у черкесов-магометан заключалась в том, что после взаимного согласия брачующиеся должны были совершить предварительно два *рук'эта намаза* с произнесением особой молитвы. Кади читал объявление согласия и потом молитву.

⁷⁷ Дебу И. О кавказской линии и проч. // *Зубов П.* Картины Кавказского края. Ч. III; *Макаров Т.* Племя адиге // Кавказ. 1862. № 31; *Барон Сталь.* Эт-нографичес. очерк черкесского народа (рукопись); *Невский 77.* Закубанский край в 1864 году // Кавказ. 1868. № 98. *Ильин Д.* Свадьба у православных черкесов // Кавказ. 1868. № 111; *Люлье Л.* Учреждения и народные обычаи шапсугов и натухажцев // Зап. Кавк. отд. Импер. Рус. Геогр. об. Кн. VII. 1866.

– Слава тому Богу, – произносил он, – который дозволил брак и воспретил все преступные по прелюбодеяниям действия. Да восхвалят небесные и земные существа Магомета!

Затем кади составлял письменный брачный акт, где точно обозначалось количество мехра и прочих обязательств, которые муж принимал на себя. Акт, подписанный свидетелями (не менее двух) мужского пола, служил неоспоримым доказательством заключения брака. В конце кади провозглашал: «*Да поможет Бог!*» — и читал первую *суру* Корана.

В этом и заключался весь обряд мусульманского бракосочетания. Там, где не было кади, любое постороннее лицо могло составить акт и прочесть объявление согласия. При двух свидетелях можно было обойтись и вовсе без письменного акта.

У черкесских князей в прежние времена существовал обычай, согласно которому князь до свадьбы отдавал невесту одному из почетнейших лиц из числа своих подвластных, у которого она нередко жила в течение целого года. Обычай этот имел в то время глубокий смысл. В те времена князья одного и того же племени все были между собой в близком родстве и вынуждены были искать себе жен у соседних, часто отдаленных народов, отличавшихся обычаями и нравами. В такой стране, как, например, Кабарда, где князь считался блюстителем традиций и чистоты нравов, молодая княгиня, как иноземка, не знающая местных условий, могла навлечь на себя упреки со стороны народа за несоблюдение его коренных обычаев. Для ознакомления с ними князь избирал для временного пристанища будущей жены дом почтенного и отличающегося нравственными достоинствами человека, в чьей семье она и приучалась к семейным и общественным традициям народа.

Воспитатель, приняв молодую княгиню, кормил ее, богато одевал, задавал беспрестанные пиры и при передаче мужу одаривал. Несмотря на все эти хлопоты и расходы, охотников было очень много: во-первых, потому, что это считалось величайшей честью, во-вторых, потому, что давало воспитателю связь, равную кровному родству. Кроме того, князь при передаче жены всегда вознаграждал воспитателя подарками за понесенные им расходы. Такие воспитатели у черкесов были известны под именем *тей-шаршис*, то есть кум. *Тей-шаршисы* бывали и у других сословий черкесского народа – с той только разницей, что проживание у них молодой не было столь продолжительно.

Таким образом, каждый черкес женился вне своего дома, он привозил невесту в дом уважаемого человека, и там совершалось бракосочетание.

В день свадьбы ватага молодежи отправлялась вместе с женихом за невестой, и получить ее можно было только после того, как один из приехавших дотронулся до ее платья, чего находящаяся при невесте толпа женщин старалась не допустить, что нередко им удавалось. Чтобы положить конец такому сопротивлению, приехавшие делали пожилым женщинам подарки, после чего получали невесту беспрепятственно. Этот обычай носил название *вывод невесты*.

Если дом, назначенный для первоначального размещения невесты, находился в другом ауле, ее сажали на арбу, запряженную парой коней или волов. Спереди и сзади арбы ехали всадники, которые все время пути пели свадебные песни и беспрестанно стреляли из ружей и пистолетов. Каждый встретившийся со свадебным поездом был обязан к нему присоединиться, над неучтивыми путниками, пренебрегшими обычаем, молодежь глумилась, простреливая у них шапки, сбрасывая с седла или срывая с них одежду.

У дверей дома приятеля жениха свадебный поезд останавливался, невесту вводили в покои, а сопровождавшие ее разъезжались, сделав несколько выстрелов – преимущественно в трубу дома, где оставалась невеста.

Здесь совершался религиозный обряд бракосочетания, а затем, если новобрачный не имел родителей или старшего брата, он удалялся в дом одного из приятелей и оттуда, в сопровождении друга, посещал супругу, но только после захода солнца.

Ночь. Над аулом повисла тишина, и только в отдельно стоящем домике светился огонек и слышен был тихий говор – там молодая новобрачная в тревоге ожидала своего супруга. Покры-

тая прозрачной белой вуалью, она молча стояла у брачного ложа, вокруг толпились несколько подруг, которые шутили и смеялись. Но вот за дверями слышался шорох шагов – то подходили два человека. Один в бурке, с шашкой через плечо, кинжалом и пистолетом за поясом. Это счастливцев жених, а с ним его приятель, который спешил в саклю, чтобы предупредить молодую о приходе супруга. Подруги уходили, невеста оставалась одна. Она стояла неподвижно и безмолвно, как статуя. Молодой муж садился на постель, спутник снимал с него оружие, вешал его на стену, снимал чевяки и, засыпав огонь в очаге золой, уходил, пожелав новобрачным доброй ночи. Оставшись наедине, молодой муж подходил к жене, если она была не в большом страхе, то раздевалась сама, в противном случае муж помогал ей. Перед рассветом новобрачные расставались. Спутник, прокараулив, по обычаю, всю ночь, стучался в двери, как только занималась заря. С уходом мужа в комнату вбегали подруги и с плутовскими улыбками бросались к постели, находили корсет и, если он им нравился, брали себе.

Случалось, что вступление новобрачной в дом, назначенный для временного пребывания, сопровождалось празднеством, но конец его всегда и у всех сословий отмечался самым торжественным обедом. Хозяин дома, где находилась молодая, сделав все необходимые приготовления, созывал народ. По его приглашению собирались девицы из окрестных аулов, и торжество открывалось плясками, пением, играми, продолжавшимися в течение трех дней, а на четвертый молодая отправлялась в дом мужа.

В ауле, где жил молодой супруг, все с нетерпением ожидали приближения свадебного поезда. Дети и взрослые толпами ходили на холмы и курганы, чтобы посмотреть вдаль на дорогу.

– Вот, показались! Вот, выезжают из леса! – вскрикивали хором заметившие церемониальное шествие новобрачной.

Несколько десятков всадников ехали в авангарде. За ними, на татарской висячей колеснице, покрытой белой шелковой или другой тканью и устланной коврами, ехала новобрачная. С ней обычно сидели ее воспитательница и хозяйка дома, в котором она гостила по выходе замуж.

Самые важные люди окружали колесницу и ехали, как правило, с веселыми лицами, но без шума и крика, раздававшихся позади них в группе молодых всадников. Посреди этой толпы ехала двухколесная арба, покрытая красной тканью, развевавшейся по ветру. Вокруг этой арбы, составлявшей обязательную принадлежность каждого свадебного поезда, раздавалось громкое пение свадебных песен, превозносивших красоту, скромность, искусство вышивания золотом молодой супруги, славу и подвиги ее мужа. Черкесские свадебные песни сложены так, что не называют никого по имени, но исполнены намеков на разных лиц. Ружейные выстрелы вторили протяжному напеву, и дым их туманом висел над поездом.

По мере приближения поезда росла и суeta в ауле. И старый и малый поспешно вооружались длинными и гибкими палками и толпой спешили навстречу новобрачной, чья колесница, отделившись от поезда, направлялась к дому супруга. У самой ограды поезд останавливался, и молодая шла в саклю по разостланной родственниками мужа шелковой ткани, протянутой от ворот до дверей сакли.

На пороге молодую осыпали сухариками, специально изготовленными для этого случая. Затем ей подносили блюдо с медом, маслом и орехами. Она, по обычаю, только дотрагивалась до них, зато старухи, управлявшие церемонией, лакомились сластями досыта.

Проводив молодую в саклю, ее спутники спешили к выходу из аула полюбоваться зрелищем, которое там ожидало. Несколько десятков наездников окружали арбу, накрытую красной тканью, и должны были довести ее до дома новобрачной в целости, а это было трудно: вооруженные палками старались захватить арбу – этот обычай практиковали исключительно на свадьбах. Конные бросались на пеших, чтобы смять их и открыть арбе путь в аул. Пешие защищались, отчаянно колотя лошадей и всадников, и, прорываясь к арбе, старались сорвать

покрывало. Те, кто сидел в арбе, отбивались от преследователей и понукали коней, стремясь достичь заветной сакли. Если толпе удавалось овладеть повозкой, в одно мгновение красное покрывало разрывали на клочки, которые ходили по рукам многочисленных победителей.

Три дня продолжалось празднование торжественного вступления молодой под кров мужа. Здесь, как и у себя, прежний хозяин угощал народ и благодарил гостей за посещение.

Во все время празднования свадьбы голова и лицо молодой были покрыты нарядным платком, для снятия его назначался *хатех*, или снятчик. Молодой супруг не принимал участия в общем веселье, оставался в уединении или отправлялся в набег, во всяком случае, не возвращался домой до окончания свадебного торжества. Хозяин дома, где молодая пробыла некоторое время, становился аталыком мужа и пользовался теми же правами, что и воспитатель. С приходом молодой в дом мужа ее отец присылал своего человека, *жемхараса*, или дружку, который оставался у молодых целый год, а потом его отпускали с подарками.

У черкесов смешанной религии были собственные обычаи относительно брака. После обручения и окончания переговоров о калыме жених одевался в самую старую одежду, надевал самое плохое оружие и в назначенный день в сопровождении друзей отправлялся за невестой. Навстречу ему из аула невесты выходила молодежь, срывала оружие, всю верхнюю одежду, отбирала коня, словом, обирала жениха так, что тот вынужден был брать платье у кого-нибудь из приятелей. В чужом платье он шел в дом невесты, брал ее и отводил домой, где и оставлял под надзором родственников или друзей, а сам скрывался у кого-нибудь из соседей. Ежедневно в течение месяца с наступлением темноты друзья приводили молодого к жене, с которой ему позволялось оставаться всю ночь, а с рассветом он тайком удалялся с брачного ложа.

Вообще, у всех черкесов, кроме христиан, мужу позволялось видеться с женой только тайком, прокрадываясь на свидание как вор в ночи, и сохрани Бог, если рассвет заставал его в сакле жены. Молодежь, узнавшая об этом, сразу же начинала в насмешку стрелять по трубе женской сакли и сбивала ее пулями до самой крыши. Этот обычай особенно строго соблюдался в первые дни, причем мусульмане в первую брачную ночь, известную под именем *шебе-зефаф*, обязаны были приступать к супружеским объятиям не иначе как со словами *бисмиллах* — во имя Бога!

Видеть жену днем, входить к ней в саклю и разговаривать с ней в присутствии других считалось предосудительным: это мог позволить себе только простолюдин, и то пожилой, но князь и дворянин — никогда.

Отсутствие хозяина не мешало гостям веселиться. Они пировали, варили бузу и запасались вином для завершающего пира, на который приглашались все жители аула. После этого жених возвращался в свой дом и вознаграждал приятеля, у которого жил во время свадьбы, быком, коровой или чем-то другим. На свадьбе можно было видеть самые лучшие наряды, холостые или молодые мужчины украшали себя всеми имеющимися доспехами, девушки — праздничной одеждой. Молодой человек, отличившийся рыцарскими ухватками, проворством и силой, получал одобрение стариков и право плясать с той девушкой, с которой пожелает⁷⁸.

Свадебный обряд черкесов-христиан также имеет особенности, которые нельзя обойти молчанием.

За несколько дней до свадьбы назначается девичник, на котором собираются девушки и пируют присланной женихом снедью. Последнему в этот вечер дозволено посмотреть на свою невесту в окно, если до того ему не случалось ее видеть.

В день свадьбы, часов в шесть вечера, невесту везут в церковь. Когда жених приезжает за невестой, ее брат бьет его плетью за то, что он будто бы отнимает у него сестру.

⁷⁸ Торнау. Мусульманское право 1866. О быте, нравах и обычаях древних атыхейских племен // Кавказ. 1849. № 36; Три дня в горах Калалальского общества // Кавк.». 1861. № 81; Невский П. Закубанский край в 1864 г. Кавк. 1868 г. Барон Сталь. Этнографичес. очерк черкесского народа; Ржондовский 3-й А. Эпизод из жизни шапсугов // Кавк. 1867. № 70.

Закрытую с головы до ног тонкой кисеей невесту сажают в экипаж, остальные женщины размещаются на арбах и всю дорогу играют на бубнах. Впереди едет верхом жених, рядом с ним шафер и несколько молодых людей, которые всю дорогу до церкви и обратно джигитуют. Наездники срывают шапки со своих товарищей, скачут вперед, те их догоняют, но вот шапка брошена вверх, со всех сторон слышатся выстрелы, и шапка уже никуда больше не годится... Джигитовка не останавливается и во время брачного обряда, молодые находятся в церкви, а джигиты остаются за оградой.

Джигитовка – одна из любимейших черкесских забав. Двадцать, иногда тридцать всадников бешено носятся по полю, показывая свою ловкость и смелость, на всем скаку они поднимают с земли разные вещи и грациозными движениями привлекают взгляды молодых красавиц.

За джигитовкой часто следует игра в палки. Участники разделяются на две партии – конных и пеших. Первые, прикрытые бурками, вооружены нагайками, а вторые – солидных размеров дубинами, которыми и стараются нанести удар конным противникам. Те, разумеется, увертываются, подставляют под удары бурку и за палочные побои платят жестокими ударами нагаек. Зрители ободряют победителей, смеются над побежденными, и игра часто кончается увечьями, а иногда и смертью.

По возвращении из церкви, не доезжая до дома жениха, выносят на блюде *полустак* — это мука, поджаренная на масле и подслащенная медом, ее кладут на тарелки и разрезают на куски. Тарелку с полустаканом из рук несущего выхватывает один из ловких джигитов и мчится по аулу, за ним бросаются в погоню другие всадники, стараясь отнять тарелку, кончается тем, что тарелка бывает разбита, а полустак растоптан.

Молодые въезжают во двор, где раздаются выстрелы, мужчины идут в одну комнату, женщины в другую, шафер вынимает шашку, рубит на притолоке изображение креста – символ счастья, а родители благословляют новобрачных. Жених присоединяется к мужчинам, невеста к женщинам. Она по-прежнему закрыта вуалью и остается так в течение трех дней, на четвертые сутки шафер поднимает вуаль концом шашки и делает молодой подарок.

В то время когда молодые входят в саклю, один из родственников бросает с крыши в толпу разные фрукты. В доме происходит угощение. Все нары уставлены кушаньями, на одной установлен куст терновника, увешанный фруктами, того, кто осмелится взять хоть один из висящих на нем орехов, привязывают веревками к балке и держат до тех пор, пока он не заплатит штраф, сколько ни потребуют от него.

В середине нар, прислонясь к стене, сидит жених, рядом кто-то из пожилых мужчин, подле него стоит металлическая тарелка. Стук палочкой по тарелке возвещает о появлении гостя, который должен положить на тарелку какую-нибудь монету.

До начала ужина сваха ведет невесту, а шафер – жениха в спальню, где они и остаются, не принимая участия в ужине. Жених должен сам раздеть невесту, расшнуровать ей корсет, а если надеется на свою ловкость, то распороть его концом кинжала. С уходом молодых подают ужин, тут-то и начинаются пир и веселье⁷⁹. Вино развязывает и языки, и руки. Пляска делается общей, самые дряхлые старики под громкие одобрительные крики и ружейные выстрелы пускаются в пляс.

Музыкальные инструменты черкесов немногочисленны и разнообразны: бубен, две или три дудки, подобие свирели с круглыми отверстиями, «скрипка», «балалайка» и нечто вроде лиры, впрочем, очень редко встречающейся, – вот и все инструменты.

Шапсугский *намыль* состоял из дудки, сделанной из старого ружейного ствола и нескольких связанных досточек, в которые по временам ударял музыкант. Во время игры на таком

⁷⁹ Ильин Д. Свадьба у православных черкесов // Кавк. 1868. № 111.

инструменте вместо аккомпанемента гудели несколько голосов, и несколько человек хлопывали в ладоши.

Струнные были представлены в двух видах и носили два различных названия. *Пишиннер*, несколько похожий на виолончель инструмент с двумя волосяными струнами, во время игры держат левой рукой, упирая в колено, а в правую берется дугообразный смычок, которым водят по струнам, издающим глухие, заунывные и однообразные звуки. Точно такой же инструмент, на котором натянуты три струны, носил название *пиедегекуакуа*, на нем играли как на гитаре, без смычка.

Несмотря на простоту инструментов, небольшой их выбор и незатейливость издаваемых ими звуков, черкесы восторгались своей музыкой и часто в разгар пляски поддерживали свои музыкальные инструменты, хлопая в такт, стреляя из пистолетов и винтовок. Чем больше было выстрелов, тем больше чести для танцора⁸⁰.

Существовало два рода танцев у черкесов: *орираша*, или *круг* (угг), и *кафеныр*, род лезгинки, которую танцует один мужчина или одна девушка.

Обычно на середину площадки выходил шестнадцатилетний юноша, раздавались звуки лезгинки, и юный танцор открывал начало народного танца. Сначала шел по кругу медленно, как медленны были хлопки присутствующих. Потом музыка и удары в ладоши учащались, а вместе с ними и движения танцора становились быстрее. Он то становился на острые носки чевяков, то совершенно выворачивал ноги, то описывал быстрый круг, изгибаясь в одну сторону и делая рукою жест, похожий на то, как всадник на всем скаку подхватывает с земли какую-нибудь вещь.

Но вот, усталый и измученный, он останавливался перед кем-нибудь из окружающей его толпы, делал поклон или дотрагивался до его одежды, и тот непременно должен был выйти плясать: отказ исполнить такое предложение считался большой обидой танцевавшему. Таким образом танцоры быстро сменяли друг друга, но черкесы не любили танцевать без девушек, так что на праздниках, где девушки не присутствовали, танцев почти никогда не было. Один из танцующих подходил к девушке и с поклоном приглашал ее танцевать. Она выступала на середину круга и стыдливо опускала глаза. Танец женщины отличался от танца мужчины: она двигалась по кругу медленно, будто плыла или тихо скользила по полу, осторожно изгибалась, а больше держалась прямо, изредка делая умеренные взмахи руками.

Но вот она остановилась, вызвала подругу. Вызванная начала кружиться с самыми грациозными движениями, а вызвавшая шла, танцуя, ей навстречу. «Сначала они быстро вертелись в кругу вдоль рядов восхищенных зрителей, кокетливо нагибаясь по временам к которому-нибудь из горцев или подруг, смотревших на пляску; потом быстро носились одна за другою с плутовской улыбкой и веселыми, смеющимися взглядами, сходились и расходились... Казалось, ноги девушек не двигались в то время, когда они с быстротою стрелы носились по кругу, с неописанной грацией взмахивая руками. Ничто не могло сравниться с прелестью этих танцорок, очаровательною мимикою выражавших природные страсти жителей своей полудикой родины...»

Такой жизни и энергии черкесов не проявлялось в общих танцах, где мужчины и женщины составляли круг и с припевом *орираша* потихоньку передвигались с места на место, пока не обойдут весь круг. Танец этот довольно монотонный, все двигались молчаливо, плавно, не делая никаких быстрых движений, а только переступая вправо и влево, с одной ноги на другую.

Орираша, или круг, имел другое назначение и смысл для черкеса: он служил местом свидания и переговоров любящих сердец. Пляшущие свободно разговаривали с девицами, которые так же свободно и без робости им отвечали, не нарушая при этом приличий. Гру-

⁸⁰ *Деву*. О кавказской линии. 1829; Воспоминания кавказского офицера // Рус. вест. 1864. № 11; *Вердеревский Е.* От Зауралья до Закавказья // Кавказ. 1855. № 30; *Ржондовский Л.* Эпизод из жизни шапсугов // Кавказ. 1867. № 70.

бые манеры, громкий смех во время танцев строго порицались черкесами. Любое отступление девушки от приличий считалось признаком ее дурного воспитания. Общественное мнение требовало, чтобы девица не танцевала слишком часто и долго с одним мужчиной, считалось куда приличнее по очереди танцевать со многими. Девушке предоставлялось, впрочем, полное право оставить своих кавалеров, находившихся с обеих сторон, перейти к другим или просто выйти из круга для отдыха. Тогда под надзором пожилых женщин, не спускавших с нее глаз во время танца, девушка уходила в соседнюю комнату. Мужчина же, напротив, вовсе не имел права оставлять свою даму во время пляски, но мог танцевать и без нее.

Иногда случалось, что круг бывал настолько велик, что внутри его помещались музыканты, посторонние люди и дети старейшин, которых вводили туда на лошадях. В таких случаях назначалось несколько человек для наблюдения за порядком. Они следили за тем, чтобы народ не теснил пляшущих и чтобы конные не слишком приближались к кругу. Из числа надзирателей несколько наиболее важных лиц назначались, по выбору хозяина, для исполнения обязанностей распорядителей праздника. Они подводили девиц к танцующим кавалерам, строго соблюдая при этом правила приличия, состоявшие главным образом в том, чтобы приезжие гости не оставались без дам.

Кафеныр и орираша – самые распространенные танцы у черкесов, кабардинцы же, кроме этих двух, часто исполняют так называемый *карачаевский танец*, который носит комический характер. Двое мужчин берут под руки девушку и в такт музыке и мерному хлопанию в ладоши в ногу, как солдаты, переваливаются из стороны в сторону. То они тесно прижимают девушку к своим бокам, то отнимают ее друг у друга, то комично покачиваются, точно пьяные. Ритм постепенно ускоряется, и пляска заканчивается полным изнеможением танцующих⁸¹.

Продолжавшиеся по несколько часов танцы сменялись потом играми, более шумными и нередко весьма опасными. Во всех играх черкесов проглядывала воинственная отвага, сила, а главное, ловкость. Обычно играющие разделялись на два отряда: пеших и конных. Вооруженные огромными кольями, пешие с криком и сравнительно большой толпой бросались на конных противников и били без пощады как людей, так и лошадей. Наездники, со своей стороны, также не жалели пеших, топтали их конями и бросались на всем скаку в середину толпы. В основном конные побеждали пеших, разгоняли их, преследовали до самого дома и, случалось, нередко давили своих противников. Доходило иногда до иступления с обеих сторон, и тогда старики, выступая как посредники, прекращали ссору. Такие игры почти никогда не обходились без несчастных случаев, недаром черкесы говорили: «*Кому не страшно в день такой игры, тот не устрашится и в битве*». Из всех народных игр наиболее замечательна была известная под именем *диюр*, что на наречиях некоторых черкесских племен означает *крест*, она, вероятно, осталась от христианского прошлого.

В каждом ауле жители разделялись на две партии: *верховую* и *низовую*, сакли восточной части назывались *верховьями*, а западной *низовьями*. В больших и сильно растянутых в длину аулах подобное деление существует до сих пор. Перед началом игры каждый из участников являлся на сборное место с огромным шестом, на верху которого была прикреплена корзина, наполненная сухим сеном или соломой, обе партии, выстроившись друг против друга, зажали корзины и с криками «*диюр! диюр!*» бросались друг на друга.

Игра обычно начиналась с наступлением сумерек, и вид пылающих во мраке огромных факелов представлял весьма интересное зрелище. Каждая из сторон ставила себе главной целью захватить как можно больше пленных, которых со связанными за спиной руками отводили в кунахскую одного из старейшин своей партии. По окончании игры каждая сто-

⁸¹ Люлье Л. Ворования, религиозные обряды и предрассудки у черкесов // Зап. Кавк. отд. Ими. Рус. Геогр. об. Кн. V. 1862; Вердеревский Б. От Зауралья до Закавказья // Кавк. 1855. № 30; Ржондовский 3-й А. Экспедиция в Хакучи 1865 г. // Кавказ. 1867. № 99; Ильин Д. Свадьба у православных черкесов // Кавказ. 1868. № 111; Барон Сталь. Этнографии, очерк черкесского народа (рукопись).

рона собиралась в кунахской, где были собраны пленные. Начинались переговоры, происходил обмен пленными, и та сторона, которая потеряла их больше, должна была выкупать излишек потери, иногда пленные сами обязывались внести за себя выкуп, который всегда состоял из определенного количества съестных припасов. Собранные припасы поручались одному из старейшин партии, который и задавал пир всем своим соратникам. Игра, затеянная молодежью, привлекала и пожилых и старцев, приходивших взглянуть на веселящихся и вздохнуть, «вспоминая прошедшие годы молодости, отчасти предпринимать меры предосторожности от пожара, что легко могли причинить корзинками, в безумии веселья, быстро разносимыми с одного угла аула в другой. Старики часто попадались в плен, будучи немощны и не в состоянии противиться сильным молодым борцам, налагавшим на них ременные оковы. Впрочем, такие пленники дорого обходились победителям, а равно и той партии, у которой были похищены: для примирения с ними надлежало удовлетворять их за то, что, не уважая их седин, увлекли их в плен, и в сем случае виновники приготавливали яства и напитки, и примирение со старцами заключалось новым угощением».

Игры черкесов хоть и были довольно однообразны, но продолжались довольно долго, их прекращала только всеобщая усталость, и тогда все присутствующие усаживались в кружок, на середину выступал певец и после нескольких прелюдий затягивал песню. Окружающие хранили почтительное молчание, и свет огромного костра, разложенного в сакле, то ярко, то тускло освещал внимательные лица...

Черкесы любят поэзию и песни. В прежнее время у них были поэты, *гекоко* — слагатели народных песен. По большей части это были простолюдины и редко знали язык священников — людей грамотных. Такие поэты высоко ценились князьями и дворянством, они ходили в бой впереди войска. Князья любили иметь при себе певцов и гордились ими. Умение сочинить песню во все времена глубоко уважалось. Замечательнейшие наездники не пренебрегали рифмой. Магомет-Аш, один из первых богатырей за Кубанью, был великолепным импровизатором. Песни, особенно старинные, составляли для черкесов святыню. Едва разнесется по горам весть о смерти героя, как в честь его тотчас же слагалась песня. Родственники умершего собирали к себе всех известных поэтов и удаляли их на время из аула в ближайший лес, снабдив всем необходимым для жизни.

«Каждое утро певцы оставляли свое общее временное жилище и расходились в разные стороны леса, где в уединении слагали свои песни в честь героя. Вечером они сходились вместе, и каждый представлял собранию все, что ему дало вдохновение дня. Из этих отдельных песен особенно хорошие места служили материалом для составления одной общей песни».

Сложив песню, поэты отправлялись в аул, где к тому времени приготавлился пир. Песня выслушивалась, певцы получали награды и разносили новую песню по всему пространству, где обитало черкесское племя.

В старину, в период могущества и самостоятельности черкесского народа, певцы-поэты были необходимы, так как за отсутствием письменности песня была единственным средством оставить свое имя потомкам. Давая знаменитым людям бессмертие, певцы всюду встречали покровительство, и их щедро осыпали подарками.

Поэзия — это жизнь, душа и живая летопись событий на земле черкесов. Она управляла их сознанием и воображением в домашнем быту, на народных съездах и совещаниях, в радости и в печали. Она встречала их рождение, сопровождала всю жизнь от колыбели до могилы и передавала потомству их дела.

Благоговевя перед поэтами-импровизаторами, черкесы не уважали самих певцов, исполнителей народной поэзии. Из высшего класса никто не соглашался быть *певцом*, сделав из этого профессию, хотя знание народных песен вменялось в обязанность каждому дворянину. Столь странное противоречие объяснимо. Содержание большей части песен составляет историю черкесского народа, жизнь и славу его предков, и потому естественно, что человек, способный

передать в поэтической форме все то, что составляет гордость Черкесии, не мог не пользоваться почетом. Отсюда уважение к поэтам-импровизаторам и слагателям песен. А вот исполнители народной поэзии или *певцы* уронили свое звание и с каждым годом делали его более и более унижительным.

С образом певца черкес соединял понятие о канатном плясуне. Разъезжая по аулам, певцы собирали у жителей подаяние, в котором, большею частью, вовсе не нуждались, позволяли себе шутки и остроты, иногда весьма неблагопристойные. Впрочем, и между певцами были такие, кто пользовался общим уважением, и если они не могли поднять в глазах народа своего звания, то и не подвергали себя всеобщему осмеянию. О некоторых из них сохранились предания, доказывающие, что певцы были необходимы черкесам как *прославители и хранители событий*. «Рассказывают, что два княжеских рода в спорном деле не могли примириться, каждый доказывал древность своего происхождения, следовательно, и преимущество своих прав. Для разрешения дела потребовали в собрание известного певца и приказали ему пропеть одну из самых древних песен в таком предположении, что тот княжеский род, которого члены оказали более подвигов в известном событии, естественным образом должен пользоваться преимуществами. Положение певца было опасное: та сторона из спорящих, которую он решился бы унижить, могла отомстить ему. Однако же певец имел столько твердости, что словами: «Если сын (такого-то родоначальника) убьет меня, то погибну *во чреве собаки*», – которые прибавил он от себя, высказал он преимущество одного рода против другого. Песня *Теймрг-кан*, или *Хутч-чоюнч* (Дербент), сказывают, послужила одному из крымских ханов историческим доказательством того, что черкесы давали войско его предкам, и потому взял он от них вспомогательное войско».

Все песни черкесов сложены тоническим размером, их нельзя читать как стихи, а следует декламировать нараспев. При обычном чтении они теряют гармонию и не производят того впечатления, как во время пения. Некоторые песни звукоподражательны, в особенности та, что воспеваает быстроту реки. Ее звучание действительно напоминает бурные потоки клокочущей реки.

Народная поэзия черкесов делится на три рода – это *песни, старые сказания* (тхдесзи)⁸² и *старые вымыслы* (тхдесезси). Каждый из разрядов, в свою очередь, подразделяется на части. Так, песни можно разделить на *колыбельные, исторические* или *военные* (тльбешь-натль – что в переводе означает «песня многих мужей»), *жизнеописательные* (тльзекпшь-натль – «песня одного человека»), *плачи* (гбзе), *наезднические* (зейко-оред), *религиозные* (их пели почтительно, с непокрытыми головами и в дни праздников в честь языческих богов), *песни, сочиненные в честь раненого* (тдчешпеко-оред), и *плясовые* (утчь-оред).

При рождении младенца мужского пола его будущий воспитатель поручал импровизаторам сложить колыбельную в честь своего питомца. Поэты начинали рассказ со славы предков новорожденного, потом переходили к достоинствам его родителей и заканчивали картиной будущих подвигов младенца и его заслуг на пользу родины. Начав поэтический рассказ, певец-импровизатор в своих поэтических сравнениях не жалел ни южного солнца, ни цветов и красок природы. Он воспевал не настоящее, а будущее своего героя, которое было точно так же беспредельно, как беспределен был простор воображения самого поэта...

В *тльбешьнатль* воспевались исключительно военные события, притом такие, в которых принимали участие целые племена или кланы чаркесского народа. Если бы в этих песнях не была забыта хронология событий, они могли бы служить самым полным материалом для рассказа о жизни черкесов в отдаленные времена. По способу сложения все эти песни очень схожи между собой, некоторые из них известны по именам воспеваемых лиц, таковы знамени-

⁸² Черкесские названия, написанные русскими буквами, дают лишь отдаленное представление о действительном произношении этих слов.

тые песни *Солох*, *Карбеч*, *Канболет* и др. Другие носят название места и времени битв – *Ккурее*, *Кеиштейво*, *Бзиек козеогор* и др. В таких песнях часто встречается описание положения племен до начала военных столкновений и обстоятельств, которые к нему привели. Из вступления, которое делал певец, нередко можно было понять политическую жизнь двух племен и причины войны, послужившей сюжетом для песни.

Рассказ о подвигах одного человека относится к разряду *жизнеописательных* песен. Другие лица, упоминавшиеся в песне, служили только для объяснения обстоятельств, были, так сказать, дополнительным материалом. Эти песни самые важные, и неудивительно, что черкесы, народ полудикий, не имевший ни образованности, ни литературы, думали и заботились о том, что скажет о них потомство. Особенно замечательны в этом отношении песни *Айдемир* и *Бзехипеко-Бексирз*, преимущественно последняя. Певец говорит, что Бексирз является во время сражения в железном виде, что его стрела пробивает панцирь и что идти против него – все равно что идти против пожара...

Плачи (гбзе) описывают исключительно бедствия, например истребление целых племен и аулов войной или эпидемией, иногда воспеваются и горькая участь отдельных лиц. В первом случае они относятся скорее к историческим песням, а во втором похожи на жизнеописательные. Отличаясь от других плачевным напевом, песни этого рода по красоте сравнений и выразительности уступают всем другим родам песен.

«Такое обстоятельство заставляет меня думать, – говорит неизвестный автор-туземец⁸³, – что в старину плачевных песен не слагали; потому что важные события, бедственные и истребительные, воспевались, как принято было воспевать песни, в историческом виде, а несчастья или жизнь одного лица излагали в виде *жизнеописательном*, если чья-либо жизнь была достойна такой чести. Впоследствии, когда певцы перевелись с бедствиями и тревогами народа, друзья погибавших начали сами воспевать или оплакивать в песнях несчастных друзей, и из того возникли *плачевные* песни; они легко утвердились в народе, который не может жить, не воспевая своего горя и своей радости. По крайней мере, в новейшее время, к сожалению, древние песни теряются, приходят в забвение, а между тем маловажные случаи, возбуждающие по обстоятельствам соболезнование народа, немедленно превращаются в плачевные песни».

К числу жизнеописательных относятся и песни *наезднические*, которые пелись преимущественно в поле, во время наездов и довольно протяжно. Восхваляя подвиги знаменитого наездника, черкесы, пропев один куплет, снимали с себя шапки и приклонялись на гриву лошади. Песни этого рода служили наилучшим стимулом для отваги для воинственного народа, напевая наездническую песню, ни один черкес не удержится, чтобы не погарцевать на своем скакуне, а иногда в руках его заблестит и обнаженный клинок шашки.

Черкес не радовался, не печалился без пения, он пел, например, *сахгеш* — песню у тела умершего, когда оно оставалось в доме в ночь перед погребением, пел и *тдчешеко-оред* — песню около раненого. Низовые черкесские племена начинали каждый раз пение у постели раненого так называемой песней *кракец*, отличавшейся протяжностью напева. Потом обращались к Тлепсу и просили его покровительства для успешного излечения.

Говоря о плясовых песнях черкесов, надо признать, что в них нет столь высокой поэзии. Напротив, они состоят из набора фраз, иногда даже неблагопристойных.

Тонический размер песен был причиной того, что они передавались из уст в уста именно в тех словах, как были сложены изначально. Оттого описание событий не столь подвержено изменениям и произволу певцов. Следовательно, песни черкесского народа заключают в себе больше достоверности, чем все другие формы устного творчества. Напротив, *тхдзези*, или старые сказания, могли излагаться не одними и теми же словами по прихоти рассказчиков. Поэтому старые сказания, сохраняя название и тему, передавались с бесчисленными измене-

⁸³ Черкесские предания // Русский вест. 1841. Т. 2.

ниями, дополнениями и купюрами, следовательно, от многих *тхдзее* остался только остов, которому время и люди придавали своеобразие. Несмотря на это, *тхдзее* весьма любопытны и заключают в себе множество героических описаний, характеризующих народную жизнь в разные исторические эпохи.

Вот один из примеров.

Жанеевский дворянин *Каит* был человек гордый, отличавшийся храбростью и разбойной удалей. Однажды, возвратившись из набега, он посетил красавицу, которых было так много в древней Черкесии.

– Неужели, Каит, – спросила с улыбкой встретившая его девушка, – и ты, подобно таким-то (тут она назвала имена двух знаменитых князей), питаешься только походной пищей?

Сомнение в том, что он не способен переносить лишения, задела гордость храбреца, и с наступлением ночи Каит отправился к названным князьям, чтобы доказать, что он не уступает ни в чем ни одному наезднику в мире. Преодолев все трудности пути, сопряженные с дальним и опасным переездом, Каит достиг наконец знаменитых князей, скрывавшихся в доме преданного им кунака. Две злые собаки вцепились в ноги Каита, когда он пошел в кунахскую, но, не обращая на них никакого внимания, хотя ноги его были окровавлены, он продолжал свой путь. Дочь хозяина сообщила о странном госте, и князья, удивляясь хладнокровию приезжего, пожелали тотчас же его видеть.

С тех пор Каит стал неразлучным спутником и другом князей.

Однажды, когда их жестоко преследовали враги, князья пали на поле битвы. Истекая кровью, друзья просили Каита оставить их и спастись бегством. Каит принял их просьбу за оскорбление.

– Многолюдное жанеевское племя! – говорит Каит устами рассказчика, – я для вас все покинул и с вами делил походную пищу, теперь, когда вы гибнете, разделю с вами и участь свою!

Каит защищал их тела с такой отвагой и мужеством, что неприятель, потрясенный его храбростью, просил, чтобы он, как иноплеменник, беспрепятственно удалился на свою родину. Каит не хотел и слышать о том, чтобы ему сохранили жизнь, – и пал, защищая тела убитых друзей.

Что касается *старых вымыслов*, то этот род поэзии подразумевает то, что мы называем сказками. У черкесов было много сказок, представляющих значительный интерес, но, к сожалению, в настоящее время их можно считать утраченными для исследователя – если не целиком, то большей их части. Причина тому – рассеяние черкесского народа, а кроме того, преследование магометанским духовенством любого рода песен, забав и увеселений, не соответствующих духу ислама.

С принятием черкесами магометанства муллы и эфенди совершенно изгнали стихотворцев, и *гекоко* уже не существуют. Теперь между черкесами появляются одинокие странствующие барды, исполняющие песни, предания старины и импровизирующие стихи на новые события. Черкесы чрезвычайно впечатлительны, легко воодушевляются от песни или рассказа. Этой чертой характера часто пользовались люди, стремившиеся овладеть умами народа и занять место военачальников и предводителей в борьбе с русскими. Задумав какое-нибудь предприятие, они отправляли по округе преданных им импровизаторов, которые прославляли их ум и дела, привлекали народ на их сторону. Появление поэта-импровизатора на празднике, как прежде, так и теперь, составляет истинное удовольствие для собравшихся. Густая толпа тотчас же окружает странствующего барда. И вот посреди двора садится, поджав под себя ноги, старик с загорелым лицом и обнаженной грудью, утвердив на колене свой инструмент, он извлекает из него монотонные звуки, подпевая свою монотонную песню.

«Красавицы гор, – поет он, – на порогах саклей за рукоделием поют про подвиги храбрых. На крутых берегах кипучей Лабы питомцы брани выют арканы, а Темир-Казек с небес в

ясную ночь указывает им сакли врагов. И не на ладьях, а грудью буйных коней рассекают они шумные воды Кубани, и пустыни безбрежных степей пролетают падучей звездой. Вот перед ними древний Дон плещет и катит седые волны; над волнами стелется туман; в мгlistой выси лишь коршун чернеет, а по берегу только робкие лани бредут...»

Для потехи публики в особую подставку инструмента вставлена палочка, к которой прикреплён деревянный конек-горбунок вершка в три, связанный в суставах ног ниточкой. Когда певец водит по струнам пальцами, к которым привязан шнурок от палочки, конек выделяет в такт уморительные движения. Старик тянет свою заунывную песню, а толпа помирает со смеху...⁸⁴

Часто и вовсе импровизатор не употребляет инструмента. Он начинает рассказ довольно медленно, мерно ударяя черенком ножа о какую-нибудь звонкую вещь, потом такт ускоряется, голос его усиливается, и тихий речитатив превращается в звонкую песнь, воспевающую, например, подвиги Керзека-Шрухуко-Тугуза, натухажского дворянина⁸⁵.

– Ах, была когда-то блестящая пора света! – говорит импровизатор. – Тогда-то и первенство благородного удальства находилось в руках дворян Керзек⁸⁶.

«Старый Шрухуко-Тугуз горит пылкой отвагой. Мрак ночи для него то же, что лунная ночь, а лунная ночь – верх блестящего дня. Он обожаем толпой поклонников, всегда густо теснящихся вокруг него. Находясь в обществе добрых молодцев, старый Шрухуко-Тугуз заставляет завистников сгорать от досады, а врагов пресмыкаться и льстить себе.

Шрухуко-Тугуз надоедает своей молодой жене беспрерывными подношениями шелковых тканей.

В несчастный день Калаусской битвы Шрухуко-Тугуз на быстром как вихрь белом коне опередил спутников и прежде их очутился на противоположной стороне реки.

Не сопровождаемый войсками падишаха и не дожидаясь позволения анапского пашы, Шрухуко-Тугуз решается на беспримерный подвиг, за что, впрочем, вместо благодарности получает впоследствии выговор от начальника янычаров – Япичар-аги.

Ружейную стрельбу начинает прежде других, присоединяется к обнажившим шашки, не оглядываясь назад, мчится вперед, опустошает бастион, обретая славу...

Любя мусульман, презирая в лице генерала всех русских, Шрухуко-Тугуз упивается громом боя.

В сражении Шрухуко повторяет пример кровавой сечи славного Озермеса, сына Еркена, а в храбрости уподобляется младшему брату Озермеса, Темиркану⁸⁷.

Шрухуко-Тугуз топчет копытами своего коня русский стан, снова обнажает вековую саблю и мчится на генерала... Потом налетает на ближайшую русскую станицу, оставленную без защиты испуганными воинами, освобождает плененных собратьев и прославленным героем возвращается на родину.

⁸⁴ Макаров Т. Племя адиге // Кавк. 1862. № 34; *Султан-хан Гирей*. Наезд Кунчука // Кавк. 1846. № 37 и 38; *Шах-Бек-Мурзин*. О быте, нравах и обычаях древних атыгейских племен // Кавк. 1849. № 34; Пятигорский Сазандар. Кавк. 1846. № 17; Воспомин. кавк. офицера // Рус. вести. 1864. № 11; *Юхотников Ф.* Письмо с Кавказа // Русское Слово. 1861. № 4; *Барон Сталь*. Этнография, очерк черкесского народа (Рукопись).

⁸⁵ Получением этой песни, как и многих других материалов, я обязан А.П. Берке, которому и приношу глубочайшую благодарность.

⁸⁶ Молодое поколение, говорит султан Крым-Гирей, которому принадлежит перевод этой песни, хорошо помнит натухажских дворян первой степени, каковы были Супако, Куйдук и Керзек. Из этих фамилий замечательнейшим представителем был Шрухуко-Тугуз из Керзек, и на Кавказе не часто бывали такие молодцы, как этот 70-летний старик. Натухажцы воспели старика, и песни о нем не переставали волновать молодежь до переселения натухажцев в Турцию. Предлагаемая песня относится к 1824 году, к роковому году натухажского поражения.

⁸⁷ Озермес и Темиркан были знаменитые кабардинские герои. Новейшие герои только уподобляются им, но не пользуются самобытной репутацией.

Гассан-паша⁸⁸, великий начальник Анапы, усыновляет Шрухуко-Тугуза и представляет его народу как сына. Седр-азам⁸⁹, племянник Гассан-паши, льстя себя надеждой взглянуть на героя, присылает Тугузу пригласительные письма. Шрухуко отправляется на корабле в Стамбул. Знаменитый почитатель Шрухуко-Тугуза приветствует его на падишахской пристани. Султан приказывает войскам всюду отдавать честь Шрухуко-Тугузу. Шейх-ислям привстает при появлении героя в стенах золотого сераля. Герой осыпан драгоценностями. Он не трудится поднимать оброненные алмазы. Падишах и Стамбул ликуют в честь Шрухуко-Тугуза...

Так проходят дни, но храбрый черкес уже тоскует по родине: в Стамбуле нет ему равного, и он собирается в обратный путь. Провожать его до падишаховой пристани объявлено по Стамбулу обязательным для всех, а не подарившие Тугузу подарки всенародно осмеяны.

Бывши так почтен османами, Шрухуко-Тугуз наконец возвращается и с радостным восклицанием ступает на родную землю».

Примечательно, что черкесы не пренебрегали и врагами, отличившимися храбростью: про них также слагались песни. Так, черкесы воспевали подвиги генерала Вельяминова, которого называли *кизил-генерал*, или *генерал-плижер*, то есть «красный генерал», по причине его рыжеватых волос, славили дело Круковского у станицы Бекешевской 1843 года и подвиг генерала Засса на Фарзе в 1841 году⁹⁰.

«Дети, не играйте пашкою, – пели они про Вельяминова, – не обнажайте блестящей полосы, не накликайте беды на головы ваших отцов и матерей: генерал-плижер близок!

Близко или далеко – генерал-плижер знает все, видит все: глаз у него орлиный, полет его соколиный.

Было счастливое время: русские сидели в крепостях за толстыми стенами, а в широком поле гуляли черкесы, что было в поле, принадлежало им, тяжело было русским, весело черкесам.

Откуда ни возмись – генерал-плижер, и высыпали русские из крепостей, ушли лошади вместо присошек, седельная лука вместо стены, захватили они поле, да и в горах не стало черкесам житья.

Дети, не играйте пашкою, не обнажайте блестящей полосы, не накликайте беды на головы ваших отцов и матерей: генерал-плижер близок.

Он все видит, все знает. Увидит пашку наголо, и будет беда. Как ворон на кровь, так он летит на блеск железа. Генерал-плижер налетит как сокол, заклюет как орел, как ворон напьется нашей крови»⁹¹.

Старинные песни про *нардов* (гигантов, богатырей) и про прежних рыцарей пользуются глубоким уважением, но они очень редки, большая их часть забыта народом.

Из исторических песен, распространенных в последнее время, одна воспевает сражение при урочище Кыз-Бурун, а другая – взятие Дербента черкесами и татарами. Первая пелась за Кубанью, вторая у шапсугов.

«Кыз-Бурун» составлена размером, напоминающим гекзаметр, и поется под аккомпанемент пшиннера. Вот ее содержание. Князя Большой Кабарды, потомки Капарта, старшего сына Иналова, хотят посадить для княжения над бесленеевцами одного из своих князей, но у бесленеевцев остался наследником малолетний князь, потомок Беслана, младшего сына Иналова, и потому бесленеевцы сопротивляются. Князя Большой Кабарды вооружаются, бесленеевцы, как более слабые, призывают на помощь все закубанские черкесские племена и крымского хана. Здесь поэт дает описание всех народов и князей, участвовавших в союзе, перечисляет дворянские роды.

⁸⁸ Старики-натухажцы вспоминают имя Гассан-паши с уважением.

⁸⁹ Так называют черкесы турецкого военного министра.

⁹⁰ *Барон Сталь*. Этнографич. очерк черкесского народа (Рукопись). Военноученый архив главного штаба.

⁹¹ Воспоминания кавказского офицера // Русский вест. 1864. № 11.

Союзники поднялись и двинулись в Большую Кабарду. Кабардинцы заняли позицию на реке Баксан и укрепили ее опрокинутыми арбами. Завязывается бой, темиргоевцы и бзедухи выказывают чудеса храбрости, растаскивают арбы и врываются в укрепление. Победа остается за закубанскими черкесами, и кабардинцы отказываются от своих притязаний.

Песнь, которую поют шапсуги, описывает взятие Дербента (Демир-Хапу). Черкесы по вызову крымского хана пошли на Дербент. В состав ополчения вошло все лучшее черкесское дворянство, и князья Болотоковы отличались в этом походе такой храбростью, что крымский хан даровал им право черного хана (кара-хан или кара-султан), это означало, что Болотоковы имеют все права настоящего хана над народом везде, где он сам, белый хан, то есть повелитель Крыма, не управляет народом самолично. Черкесы говорят, что эта песнь представляет собой родословную книгу их дворянства, так что фамилии, которые не упомянуты в песне, не принадлежат к коренным дворянским фамилиям.

У шапсугов еще недавно существовала песня об их вражде с крымскими ханами.

С давних пор крымские ханы, которым повиновалась тогда вся нынешняя Кавказская область, населенная нагайцами и калмыками, которые, таким образом, огибали горы своими владениями с севера, постоянно стремились утвердить свою власть в горах.

Из народных преданий и песен видно, что крымские ханы в течение двухсот лет вели войну с черкесами, стремясь их покорить, что много народа погибло в кровавых сечах, но не сумели ни полностью, ни надолго оставаться повелителями черкесского народа. Бесперывные восстания уничтожали только что упрочившуюся власть крымских ханов, и всегда оставались один или два клана, которые, сохранив свою независимость, успевали и других соплеменников подбить на мятеж.

Война была кровопролитна, некоторые кланы, например хегайков, были полностью истреблены в этой борьбе, жанеевцы и 150 лет спустя не в состоянии были оправиться от войны и составляют очень небольшое племя среди шапсугов.

Черкесские народы, жившие на подгорных равнинах, – хатюкайцы, темиргоевцы, бесленеевцы и даже кабардинцы, – некоторое время покорялись крымским ханам, шапсуги же никогда не находились под властью Крыма и были покровителями всем своим соплеменникам, стремившимся освободиться от чуждой им власти. Война крымских ханов против шапсугов всегда была неудачна. Хан Девлет-Гирей, вторгшийся в их земли, был разбит на реке Пшад шапсугским предводителем, князем Немира-Шубс. В этом сражении, по словам песни, сам крымский хан был взят в плен и, по предложению предводителя черкесов, посажен задом наперед на верблюда и отправлен восвояси.

– Поезжай себе в Крым, – сказал Немира-Шубс плененному хану, – но так как ты любишь шапсугов, мы тебя так посадили на верблюда, чтобы ты, возвращаясь в Крым, все смотрел на наши горы.

У кабардинцев есть песня про хана Селим-Гирея, она относится к тому времени, когда Большая Кабарда была под властью крымских ханов.

Селим-Гирей собирался идти на Дербент, желая им завладеть. С частью своих войск он прибыл в Большую Кабарду, которая должна была выставить милицию. Кабардинцы устроили заговор, истребили татар, убили самого Селим-Гирея и сняли с него панцирь. В песне с насмешкой говорится, что «кабардинцы с крымского хана сняли кожу». Панцирь этот до сих пор хранится в семье князей Мисостовых.

В одной песне, которую поют у шапсугов, сохранилось описание кровавого эпизода борьбы жанеевского племени против крымских ханов. Неоднократно побеждаемые в битвах с татарами, жанеевцы, узнав, что против них опять собираются крымцы, решили победить или погибнуть все до последнего. Каждый из жанеевцев должен был участвовать в бою и взять с собой своего малолетнего ребенка, чтобы, защищая его, не отступить ни на шаг. Один из жане-

евцев, не имея детей, взял невестку и поставил у себя за спиной. Невестка в песне спрашивает, что будет с ней в случае смерти деверя.

– Если я паду в бою, – отвечает тот, – то труп мой спасет тебя и народ.

Завязывается рукопашный бой, крымцы одолевают. Один татарин налетает на жанеевца, прикрывающего своим телом невестку, и убивает его. Но в тот миг, когда он хватается беззащитную, чтобы взять ее в плен, лошадь поскальзывается на трупе жанеевца, и татарин падает с лошади. Жанеевцы убивают татарина и снимают с него доспехи: это был поворотный момент битвы. Жанеевцы ободряются, татары робеют и, разбитые, отступают...

Вот еще одна песня, сохранившаяся лишь частично в виде предания у шапсугов, темиргоевцев и кабардинцев. Исходя из ее содержания, кабардинцы и темиргоевцы считают себя выходцами из Арабистана. По преданию, кабардинцы и темиргоевцы до прибытия на Кавказ перекочевали в Крым, где и жили очень долгое время. Недовольные ханами, они перебрались через Таманский пролив и поселились на Джимитейском острове в устье Кубани. После упорной войны они отошли в Бакинское ущелье на реке Адагум. Крымцы и прочие горцы вытеснили их и оттуда. Тогда кабардинцы двинулись к Каменному мосту на реке Малке и поселились на местах, которые занимают и поныне. На пути от Адагума кабардинцев постоянно преследовал неприятель, так что они не могли похоронить свою умершую княжну и везли ее тело. Из-за этого путь отступления кабардинцев от бывшего Ахметовского укрепления до укрепления Хумары получил название *хадах-тляхо*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.